

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

АВТОРИТАРНАЯ
РОССИЯ

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ,
ИЛИ ПОЧЕМУ У НАС
НЕ ПРИЖИВАЕТСЯ
ДЕМОКРАТИЯ

Владимир Гельман

АВТОРИТАРНАЯ РОССИЯ

Бегство от свободы, или
Почему у нас
не приживается демократия

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Москва
2021

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОРИТАРИЗМА	12
О чем будем говорить: принципы и подходы	16
Демократия имеет значение... Но какое?	28
Российская политическая динамика: 1991–2021	35
Глава 2. РОССИЙСКИЙ ТУПИК	44
Российская политическая диагностика: наследственность, травма или отравление?	46
«Пессимисты»: страна, непригодная для демократии?	48
«Оптимисты»: в ожидании устойчивого роста	52
«Реалисты»: кому выгодно?	57
Механизмы демократизации	60
Демократизация: почему у России не получилось?	69
Российская политика: путь в тупик	76
Глава 3. 1990-е: «ДИЛЕММА ОДНОВРЕМЕННОСТИ»	88
Посткоммунистический вызов и российский ответ	90
Ельцин против парламента: первая кровь	103
Борис Ельцин и другие: от «загогулин» к «загогулинам»	113
«Война за ельцинское наследие», часть 1	121
«Война за ельцинское наследие», часть 2	127
Предварительные итоги 1990-х	133
Глава 4. 2000-е: ЭТАЖИ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ»	138
«Предложение, от которого невозможно отказаться»	140
От конкуренции к иерархии	158
Операция «преемник»: возможности и риски	176
Глава 5. 2010-е: АВТОРИТАРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ	191
«За честные выборы»: трудное возрождение оппозиции	196
Политика страха: репрессии как инструмент господства	212
Страх и ненависть в России: «порочный круг» репрессий?	218

«Зацементировать» Россию	229
Глава 6. ДОЛГИЙ ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ	238
Персоналистская автократия: идеи, интересы и институты	240
В поисках альтернатив: снова об «оптимистах», «пессимистах» и «реалистах»	252
Пути из тупика: что нам известно и что неизвестно	262
Вместо заключения. Будет ли Россия свободной?	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приятным солнечным днем лета 1990 года я сидел в приемной Мариинского дворца в Ленинграде. Я был 24-летним активистом демократического движения, которое незадолго до этого одержало победу на выборах в городской совет. Вскоре я получил два очень разных предложения о трудоустройстве от двух различных групп моих знакомых. Одной из них была команда социологов, которые исследовали социальные и политические изменения в городе и в стране. Они пригласили меня присоединиться к их группе, утверждая, что мои инсайдерские знания о новых общественных движениях дадут хороший старт успешной профессиональной карьеры, связанной с изучением политических и общественных процессов. Другая группа включала ряд новых депутатов, которые были заняты реформированием органов власти в городе и были уверены, что мой опыт участия в выборных кампаниях и репутация активиста помогут улучшить довольно хаотичный процесс принятия решений.

Мне предстоял непростой выбор между должностью младшего научного сотрудника в Институте социологии Академии наук и должностью среднего уровня в формировавшемся тогда аппарате городского совета. Второй вариант казался более привлекательным, и после ряда бесед я пришел на интервью с председателем совета Анатолием Собчаком. Профессор права, избранный на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году, он приобрел огромную популярность как яркий оратор и жесткий критик советской системы. Через год, после того как он получил место депутата в ходе довыборов, депутаты Ленсовета пригласили его занять пост председателя совета. Как это часто бывало, Собчак

опаздывал, и, ожидая его прихода, я беседовал в приемной с секретарем Димой — симпатичным, улыбчивым и разговорчивым молодым человеком моего возраста.

Наконец Собчак прибыл, и мы прошли в его огромный роскошный кабинет. Ни о чем меня не спрашивая и даже, кажется, совсем не замечая моего присутствия, мой потенциальный босс начал длинную и страстную речь, как если бы он выступал перед сотнями слушателей, хотя кроме нас в кабинете никого не было. Думаю, он использовал эту возможность как тренировку перед одним из публичных выступлений, которые в то время принесли ему всесоюзную славу. Речь Собчака была полна яркой риторики, но довольно пуста по содержанию: он ругал прежнюю систему, критиковал текущую нестабильность и обещал, что город будет процветать под его руководством. После казавшегося бесконечным монолога он сделал паузу, и я смог задать вопрос, казавшийся мне ключевым для моей будущей работы: «Анатолий Александрович, а как Вы видите систему власти в городе, которую Вы хотите создать?»

Собчак наконец повернулся ко мне, словно спустившись с небес на землю, и сменил тон речи на более откровенный: «У нас очень много депутатов городского совета, они шумные и плохо организованные: они должны в основном работать в округах, вести прием граждан и отвечать на жалобы населения. У нас есть горисполком: он должен заниматься городским хозяйством, дорогами, озеленением, протечками, но не выходить за эти пределы. А я (широкий взгляд вокруг кабинета) с помощью моего аппарата (пристальный взгляд на меня) буду проводить политику в городе». Я был шокирован, услышав столь циничные суждения от человека, который в глазах многих людей воспринимался как символ демократии. «Но ведь это почти то же самое, что было при коммунистах... а как же демократия?»

Собчак, вероятно, был очень удивлен тем, что тот, кто, предположительно, мог стать членом его формирующейся

«команды», задал ему столь наивный вопрос. Он ответил мне четко, с той интонацией, с какой университетские профессора порой сообщают первокурсникам прописные истины: «Мы теперь у власти — это и есть демократия». Это высказывание меня потрясло. Большие надежды на новую демократическую политику разом рухнули. Я не мог и не хотел стать маленьким винтиком в нарождавшейся политической машине. Я повернулся спиной к Собчаку и, даже не попрощавшись, покинул кабинет. Затем я направился пешком в Институт социологии: буквально ушел в мир науки из мира политики.

Это был поворотный пункт моей профессиональной карьеры. К сожалению, у меня не было возможности получить формальное образование в сфере политических наук. Несмотря на это (или благодаря этому?), позднее я стал профессором политологии в двух университетах двух разных стран. Но уроки, которые я получил много лет назад в кабинете Собчака, оказались для меня не менее важны, чем многие учебники по нормативной политической теории. Я понял, что главная цель политиков — это максимизация власти. Иными словами, они стремятся находиться у власти с помощью любых средств так долго, как это возможно, и иметь столько власти, сколько возможно. Это стремление порой не зависит от их демократической риторики и публичного имиджа. В этом и состоит суть политики. Но одним политикам удается достичь этой цели, а другие не настолько успешны. Поэтому в одних случаях мы наблюдаем диктатуры разного типа (от режима Мобуту в Заире до Лукашенко в Беларуси), а в других — вариации иных политических режимов (отнюдь не всегда демократических).

На деле Собчак достичь своих целей и максимизировать власть в Ленинграде (после 1991 года — Санкт-Петербурге) не смог. Спустя шесть лет, в 1996 году он, будучи действующим мэром города, в ходе жесткой борьбы на выборах уступил с небольшой разницей голосов своему заместителю Владимиру Яковлеву. Другой заместитель Собчака, Владимир Путин, тоже

кое-чему научился у своего руководителя и использовал его уроки в своей карьере политика. Но эти уроки отличались от моих так же, как политика отличается от политической науки. Путин, как минимум до настоящего времени, смог максимизировать власть в качестве президента и премьер-министра России, хотя сегодня он сталкивается с нарастающими вызовами. И секретарь Дима, которого я встретил в тот памятный день, тоже извлек для себя уроки. Дмитрий Медведев также занимал посты президента и премьер-министра России. Да, он по-прежнему симпатичный, улыбчивый и разговорчивый человек. Но в известном смысле он так и остался секретарем в приемной.

Эта книга — о том, почему и как после падения коммунистического господства в России сформировался и укоренился новый авторитарный режим и каковы его механизмы управления. За последние три десятилетия в политической жизни России многое изменилось. Ее атрибутами сегодня стали нечестные и фальсифицированные голосования взамен конкурентных выборов; подверженные политической цензуре (а часто и самоцензуре) СМИ; манипулируемые партии и парламенты, штампующие спущенные им «сверху» решения; зависимые и глубоко пристрастные суды; произвол государства в управлении экономикой; повсеместная коррупция; усиливающиеся репрессии со стороны властей в отношении своих оппонентов. Эти тенденции нашли свое отражение в многочисленных критических оценках международных и отечественных специалистов, которые, опираясь на разные методики анализа, характеризуют современную Россию как глубоко недемократическую страну¹.

Вряд ли в начале 1990-х годов кто-либо из участников тогдашних политических процессов в России ожидал такого развития событий. Но было бы неверно ограничиться лишь констатацией того, что «большие надежды» недавнего прошлого нашей страны обернулись разочарованиями в ее

политическом настоящем и глубокими сомнениями в ее будущем. Эта книга призвана дать ответы на вопросы о логике политических процессов в нашей стране, о том, «как мы дошли до жизни такой» и почему три десятилетия после распада СССР не приблизили, а отдалили нашу страну от политической свободы. Какие причины обусловили траекторию политического развития России и скорое «бегство от свободы» страны, недавно избавившейся от коммунистического режима? Есть ли шансы на то, что Россия сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии? Или этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие десятилетия? Я полагаю, что поиск ответов на эти вопросы важен для российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни нашей страны. Тем более он важен для участников политических процессов в России.

Эта книга не академическое исследование, но и не публицистика. Хотя она основана на научной работе, которой я занимаюсь много лет², и использует материалы исследований многих специалистов, но адресована широкой российской (и не только) аудитории, интересующейся политическими процессами в нашей и других странах. Такой ракурс обусловил стиль изложения этой книги: я стараюсь объяснить используемые в ней термины доступным языком, не впадая при этом ни в глубокие исторические экскурсы со времен допетровской Руси, ни в рассуждения о специфике нашей страны в духе «умом Россию не понять»³.

Понимать Россию умом можно и нужно — проблема в том, как это грамотно сделать. Мой подход опирается на несколько важных принципов. Первый из них — это позитивные, а не нормативные рамки анализа. Иначе говоря, *я стремлюсь анализировать российскую политику не в свете того, «как должно/не должно быть», не исходя из представлений о должном, а в свете того, «как на самом деле» развиваются политические процессы, и каковы их причины и следствия.*

Второй принцип — это включение анализа современной российской политики в теоретический и сравнительный контекст политической науки, которая накопила немалый опыт изучения недемократических политических режимов⁴. При всех особенностях политического развития отдельных стран (Россия здесь не исключение) в мире политики существуют общие закономерности. Их знание часто (хотя и не всегда) позволяет дать обоснованные оценки тенденций и выявить перспективы. В этом плане политическая диагностика отчасти сродни диагностике медицинской: знания о причинах и симптомах болезней других пациентов могут помочь более эффективному лечению (медицинские метафоры встретятся еще не раз на страницах этой книги).

Третий принцип — это принцип рационального выбора⁵. Я исхожу из того, что *все участники политического процесса — политики, чиновники, бизнесмены, да и обычные граждане — стремятся в политике к максимизации своих выгод и минимизации издержек. Но они часто не могут достичь своих целей из-за того, что обладают не вполне достоверной информацией или воспринимают ее не самым эффективным для себя способом, находясь в плену ошибочных представлений.*

Наконец, четвертый принцип — это отказ от детерминизма, то есть от суждений о заведомой заданности и предопределенности политических процессов. Если Россия ранее никогда не была настоящей демократией, то это не значит, что она не может ею стать. Я полагаю, что мир в целом и мир политики в частности таков, каким делают его те люди, которые принимают (или не принимают) участие в политике. Развитие политических процессов в том или ином направлении становится результатом тех действий, которые предпринимают люди (хотя часто последствия этих действий оказываются непредвиденными).

Эта книга устроена следующим образом. В первой главе речь пойдет об основных понятиях и общих подходах. Мы

обсудим, что представляют собой политические режимы, в том числе демократия и авторитаризм, почему происходит смена политических режимов, включая переходы к авторитаризму, и как на этом фоне развивались процессы посткоммунистической трансформации в России. В следующей главе я представлю свой взгляд на то, почему у России не получилось стать демократией после распада СССР, что именно (и почему) пошло не так, как хотелось многим политикам и гражданам в начале 1990-х годов. Три дальнейшие главы будут посвящены углубленному анализу политических процессов в России на протяжении каждого из трех постсоветских десятилетий — 1990-х, 2000-х и 2010-х годов, начиная от распада СССР и завершая «общероссийским голосованием» по поправкам в Конституцию, состоявшимся летом 2020 года. Наконец, в заключительной, шестой, главе мы подведем итоги политического развития России за последние три десятилетия, обсудим возможности и ограничения дальнейшей политической эволюции нашей страны.

Книга называется «Авторитарная Россия». Это название отнюдь не означает, что наша страна обречена на авторитаризм навсегда — я не разделяю этот пессимизм, зная, что за последние десятилетия демократиями стали многие прежде авторитарные страны. Это название — парафраз названия другой книги, которая вышла в далеком 1973 году⁶. Она называлась *Authoritarian Brazil*, и на ее страницах коллектив авторов (среди которых был и будущий президент Бразилии Фернанду Энрике Кардозу) обсуждал причины и механизмы авторитарного господства в этой стране. Спустя год после ее выхода в Бразилии начался долгий и драматичный процесс демократизации, а через шестнадцать лет, в 1989 году вышла новая книга с участием тех же авторов, посвященная анализу процессов бразильских демократических преобразований. На контрасте с предыдущей книгой она называлась *Democratizing Brazil*⁷. Я очень надеюсь, что однажды увидит свет и книга под названием

«Демократизирующаяся Россия»: мне хотелось бы стать ее автором.

Эта книга стала результатом моей работы в Европейском университете в Санкт-Петербурге и в Университете Хельсинки. Я благодарен коллегам в России и Финляндии, сотрудничество с которыми на протяжении многих лет — наши дискуссии и совместные обсуждения — стали важной частью подготовки книги. Большое спасибо, прежде всего, Вадиму Волкову, Григорию Голосову, Борису Колоницкому, Ивану Курилле, Элле Панеях, Борису Фирсову и Олегу Хархордину в Санкт-Петербурге, Ристо Алапуру, Маркку Кивинену, Маркку Кангаспуру, Маркку Лонкила, Юсси Лассила, Каталин Миклоши и Марине Хмельницкой в Хельсинки. Мои соавторы Хилари Аппель, Маргарита Завадская, Андрей Заостровцев, Андрей Стародубцев и Дмитрий Травин весьма существенно обогатили работу своим интеллектуальным вкладом. Бывшие и нынешние студенты и аспиранты, ныне ставшие успешными исследователями — Алексей Гилев, Кирилл Калинин, Егор Лазарев, Анна Тарасенко, Татьяна Ткачева, Андрей Щербак, Геннадий Яковлев и другие, — стимулировали меня к поиску новых идей.

Ранние версии отдельных глав и разделов книги выходили в научных журналах и издательствах, публиковались в формате колонок в интернет-изданиях, и я благодарен всем тем, кто причастен к их появлению на свет. Отдельное спасибо Анне Гасановой, Анне Корхонен и Татьяне Хрулевой за бесценную организационную помощь. Первые читатели рукописи книги — Сергей Ким, Алексей Победоносцев, Дмитрий Травин и Антон Шириков — внесли важный вклад на заключительном этапе работы над ней. Эта книга никогда не появилась бы на свет без Марины Красавиной, убедившей меня подготовить и выпустить ее в издательстве «Альпина Паблишер», сотрудникам которого я также бесконечно благодарен. Внимательная и дружелюбная редакция Бориса Грозовского заметно улучшила качество текста. Я не смогу назвать всех

коллег из разных городов и стран, чьи вопросы, советы, замечания и комментарии помогли мне при подготовке этой книги, но все же особо благодарю Ирину Бусыгину, Александра Либмана, Кирилла Рогова, Константина Сони́на, Реджину Смит, Генри Хейла и Гульназ Шарафутдинову. Наконец, моя жена Оксана много лет оказывает самую значимую и неоценимую поддержку, и я остаюсь в неоплатном долгу перед ней.

Нет нужды говорить, что никто из указанных лиц и организаций не несет ответственности за возможные ошибки и неточности в этой книге: вся ответственность за неверные суждения, ошибки и интерпретации лежит исключительно на мне.

Санкт-Петербург — Хельсинки, февраль 2021 года

ГЛАВА 1

СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОРИТАРИЗМА

Представим себе, что образованный и весьма интересующийся политикой москвич или петербуржец в конце августа 1991 года погрузился в летаргический сон, с тем чтобы проснуться почти через тридцать лет, в начале 2021 года. Скорее всего, придя в себя и сильно удивившись многочисленным переменам, произошедшим в повседневной жизни (от повсеместного использования мобильных телефонов и обилия импортных автомобилей до наполненных разнообразными товарами супермаркетов), он не сразу смог бы даже узнать страну, сильно изменившую свои границы и название. На смену масштабному экономическому кризису, который поразил СССР в начале 1990-х, к началу 2020-х годов (до поразившей мир пандемии коронавируса) в Россию пришел рост экономики, пусть и не сильно впечатляющий. Обилие этнополитических конфликтов и неконтролируемого криминального насилия на территории тогдашнего СССР сменилось относительной стабильностью ситуации в России. Да и в политическом плане, на первый взгляд, Россия осуществила немалый прогресс по сравнению с СССР.

В начале 2020-х годов Россию возглавляет президент, избранный на всеобщих прямых выборах с участием восьми кандидатов; всеобщим голосованием избираются и главы исполнительной власти в большинстве регионов страны. В стране официально действуют свыше 40 партий, четыре из которых представлены в нижней палате парламента. Доступ к политически значимой информации несоизмеримо шире, чем в последние годы СССР: как с точки зрения набора каналов

информации, так и с точки зрения их содержания. Наш герой мог бы без особого труда пользоваться рядом гражданских свобод, провозглашенных еще в конце советского периода российской истории (таких, как свобода передвижения). Если бы он сам и его близкие не принадлежали к определенным религиозным или сексуальным меньшинствам, то, вполне вероятно, он мог бы решить, что ситуация с правами человека в России вполне благополучна. Скорее всего, проснувшись, наш герой даже согласился бы с мнением тех американских специалистов, которые утверждали в 2000-е годы, что Россия вполне может служить примером «нормальной», более-менее демократической страны, преодолевающей со временем многочисленные болезненные патологии своего развития, унаследованные от советского прошлого⁸.

Однако после более пристального и внимательного анализа от взгляда нашего наблюдателя не укрылись бы многочисленные фундаментальные дефекты российского политического режима, формальных и неформальных «правил игры», лежащих в его основании. Он наверняка заметил бы несвободные и несправедливые выборы, сопровождающиеся различными манипуляциями (от отказа в участии ряду кандидатов до откровенных фальсификаций); ставшие рутинной нормой произвол и злоупотребления в использовании государством своих рычагов контроля над компаниями и некоммерческими организациями; репрессии в отношении реальных и воображаемых политических оппонентов властей на фоне провоцируемой ими ненависти к инакомыслию; приближающуюся к нулевой автономии партий, парламентов и судов; многочисленные гонения на независимые медиа; наконец, его взгляд оценил бы очень низкое качество государственного управления в России, особенно в сферах верховенства права, контроля коррупции и качества государственного регулирования⁹. Первоначальный оптимизм нашего героя, вероятно, сменился бы скепсисом и заставил бы его сделать вывод: за внешним «фасадом»,

казалось бы, успешного преодоления трудностей посткоммунистического переходного периода скрываются глубокие изъяны политического устройства России.

В августе 1991 года в результате провала путча, организованного частью тогдашних руководителей советского государства, к власти в России пришли выступавшие под лозунгами свободы и демократии новые политические силы во главе с всенародно избранным президентом Борисом Ельциным. Это событие стало логическим завершением процесса демократизации в СССР. Лидеры путчистов были арестованы, коммунистический режим рухнул, правящая партия, монополизировавшая власть на протяжении семи с лишним десятилетий, оказалась сметена с политической арены, как и многие заметные публичные фигуры прежней поры. Старый политический порядок ушел в прошлое, открывая путь к политической свободе.

Казалось, популярный тезис американского политолога Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и предстоящем всеобщем торжестве демократии в мире¹⁰ нашел в России тех дней свое безусловное воплощение. *Но открытый путь к свободе не оказался прямой и ровной автострадой. Вступив было на него, Россия на протяжении трех десятилетий то плутала по бездорожью, то сваливалась в кюветы, то наезжала на других водителей и пешеходов, то стремилась во что бы то ни стало вернуться назад в воображаемое прошлое. За три десятилетия наша страна не только не приблизилась к демократии, но и сильно отдалилась от ее идеалов, которые многим казались почти достигнутыми в августе 1991 года.*

Немногие участники тогдашних событий могли предвидеть такую траекторию политического развития России. Пережив серию драматических турбулентных событий в 1990-е годы, наша страна обрела некоторые черты стабильности в 2000-е, а в 2010-е и 2020-е годы столкнулась с новыми вызовами и противоречиями, реакция на которые со стороны Кремля была призвана если не полностью предотвратить, то максимально

замедлить перемены. В результате нынешнее политическое устройство России сегодня довольно сильно отличается как от политического режима советской эпохи, так и от устойчивых демократий. Противоречивость политических процессов в России отражена и в многочисленных критических оценках международных и отечественных агентств и экспертов, которые, используя различные термины и опираясь на разные методики анализа, сходятся в характеристике сегодняшней российской политики как глубоко недемократической.

Слишком многие общественные ожидания августа 1991 года не воплотились в жизнь. Это дает поводы не только с горечью констатировать, что «большие надежды» относительно недавнего российского прошлого обернулись горькими разочарованиями в политическом настоящем нашей страны и глубокими сомнениями относительно ее будущего. Такое сопоставление ставит и вопросы о логике политических процессов в России последних десятилетий. Почему у России (в отличие от ряда других посткоммунистических стран, будь то Чехия, Эстония, Украина или Монголия) не получилось стать демократией на протяжении последних трех десятилетий? Какие причины обусловили траекторию политического развития России после распада СССР? Как мы дошли до жизни такой? И есть ли шансы, что Россия в обозримом будущем сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии, или этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие десятилетия?

Поиск ответов на эти вопросы важен для тех российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни их страны. Он важен и для аналитиков и наблюдателей происходящих в России политических процессов, и для тех, кто пытается осмыслить политические процессы в других странах и регионах мира, в том числе там, где отмечаются отчасти схожие антидемократические тенденции. Поиск ответов значим для нас всех и как часть

общественной дискуссии, и как предмет научной работы специалистов-политологов.

Ответы не могут быть однозначными и единственно правильными — изучение мира политики (не только в России) предполагает наличие разных конкурирующих друг с другом точек зрения. В этой книге я даю свои варианты ответов на некоторые из поставленных мною вопросов. Они опираются на мой профессиональный опыт научных исследований российской политики в теоретической и сравнительной перспективе на протяжении четверти века, а также на исследования и разработки многих отечественных и зарубежных специалистов. В первой главе книги мы прежде всего разберемся с ключевыми понятиями и подходами, на которые будет опираться дальнейший анализ. Затем выделим основные характеристики российского политического режима, обсудим важнейшие параметры его эволюции в 1991–2021 годах и представим логику политических изменений в России, которые будут детально обсуждаться в последующих главах.

О ЧЕМ БУДЕМ ГОВОРИТЬ: ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ

Прежде чем начать обсуждение проблем современной российской политики, нам необходимо договориться о принципах и подходах, задающих всю систему координат этой книги и логику представленного в ней анализа. Я имею в виду не только и не столько теоретические постулаты, сколько рабочие понятия и определения. Они позволяют понять, какое конкретно содержание стоит за терминами, которые используются на страницах этой книги (авторы других книг могут вкладывать в те же понятия иные смыслы, и поэтому прийти к иным выводам).

Поскольку в дискуссиях о политике непонимание часто возникает из-за различия в понятиях, которыми пользуются участники дискуссий, для начала следует определиться с тем,

что есть политика. В русском языке, в отличие от английского, это слово обычно используется в двух разных значениях: как деятельность, связанная с борьбой за власть (в английском — *politics*), и как набор действий, которые осуществляются в различных сферах управления — например, социальная, внешняя, образовательная политика (в английском — *policy*). В этой книге мы будем говорить о политике как о борьбе за достижение, осуществление и удержание власти (*politics*). Все то, что имеется в виду под словом *policy*, мы будем называть «политическим курсом».

Такое определение влечет за собой следующий вопрос: что такое власть, кто и как ее осуществляет и с какими целями? Обсуждение этих вопросов может увести нас слишком далеко от основного сюжета, поэтому мы воспользуемся популярным определением, которое дал известный политолог Роберт Даль: «*А обладает властью над В, если А служит причиной определенного поведения В при условии, что без воздействия со стороны А тот вел бы себя иначе*»¹¹. Иными словами, власть понимается как причинно-следственные отношения между теми, кто властвует, и теми, кто подвластен. Эти отношения возникают при наличии у А ресурсов (силы, денег, знаний, статуса) и умения использовать их во благо себе.

Такое определение власти справедливо в отношении и власти школьной учительницы над учениками, и власти монархов над своими подданными. Средства осуществления власти могут включать в себя прямое насилие, убеждение, переговоры и т.д. Главное в этом определении власти, что В подчинится А, а не взбунтуется против него, и не проигнорирует его шаги (иначе власть оборачивается фикцией). Чтобы это условие выполнялось, одного лишь насилия, как правило, недостаточно. Нужно еще, чтобы А обладал авторитетом в глазах В, и тот был бы готов согласиться с его (ее) претензиями на власть¹².

Без такого авторитета невозможно обеспечить минимальный порядок в обществе и исключить острое (а

иногда насильственное) противостояние между А и В. Механизм поддержания авторитета в политике принято называть легитимностью. Она основана или на традиции (как в рамках католической церкви, где Папа выступает для католиков главным религиозным авторитетом), или на вере в выдающиеся личные качества политического лидера — харизму (как у некоторых политических лидеров, будь то Ленин или Гитлер), или на формализованных и неформальных «правилах игры» (конституции и законы, с одной стороны, и неписанные, но разделяемые всеми нормы, с другой).

Легитимность, основанную на сочетании формальных и неписанных, но принимаемых всеми норм, Макс Вебер называл рационально-легальной¹³. Эти «правила игры» в основном и определяют условия легитимности власти в современных обществах, включая Россию. Легитимность означает не то, что подвластные безусловно поддерживают властвующих, но то, что они готовы терпеть их власть, считая ее сохранение более приемлемым вариантом по сравнению с любыми альтернативами¹⁴. Однако легитимность может быть утрачена или подорвана в случае, если альтернативы начнут казаться более привлекательными, нежели статус-кво.

Доля тех, кто претендует на осуществление власти, в любом обществе невелика. Как правило, на принятие значимых решений по ключевым вопросам в каждой стране влияют относительно небольшие группы лиц. Эти группы принято называть элитой¹⁵ (часто выделяют политические, экономические, культурные и другие сегменты элит). Политические элиты (иногда говорят о политическом классе) можно разделить на правящие группы, находящиеся у власти, и контрэлиты, пребывающие в оппозиции. Остальная часть общества — это массы, которые, как правило, оказывают на принятие значимых решений косвенное воздействие, в той мере, в какой элиты вынуждены учитывать их мнение.

Именно различные сегменты элит в основном ведут борьбу за получение, осуществление и удержание власти, используя

для достижения этих целей различные средства, ресурсы и стратегии. Таких ключевых игроков во внутренней и международной политике принято называть акторами (с ударением на первый слог). В качестве акторов могут выступать отдельные политики, организации (политические партии и крупные корпорации), зарубежные государства (прежде всего, на международной арене, но иногда и во внутренней политике других стран).

Борьба акторов за власть, которая во многом составляет содержание политики, крайне редко представляет собой «бои без правил», когда акторы ведут борьбу на уничтожение друг друга любыми средствами в отсутствие каких бы то ни было норм. Томас Гоббс, живший во времена английской революции середины XVII века, обозначил такое состояние как «война всех против всех». Чаще всего условия этой борьбы определяются набором формальных и неформальных «правил игры», которые называют институтами. Довольно часто многие неформальные «правила игры» сильно расходятся с формальными, а то и противоречат им. Но это не отменяет главного значения институтов: они предписывают акторам определенные рамки их действий и содержат санкции за нарушения этих правил. Такое понимание институтов, пришедшее из экономической науки¹⁶, отличается от часто используемого в медиа обозначения тех или иных органов власти и управления в качестве «институтов».

Характер политики в различных странах в разные периоды их истории определяется конфигурациями акторов и институтов. Сочетание этих параметров обозначают понятием политический режим. Различия между политическими режимами отчасти схожи с различиями между игровыми видами спорта: в каждом из них целью игроков является победа над противниками, однако конфигурации как игроков, так и правил игры, согласно которым они стремятся достичь этой цели, довольно сильно различаются от одного вида спорта

к другому. Можно сравнить, например, теннис и шахматы, обнаружив различия между ресурсами и стратегиями игроков, и санкциями за нарушение правил игры.

Конечно, политические режимы (как и виды спорта) не являются играми, правила которых раз и навсегда заданы. Они меняются со временем, как и правила, по которым проводятся спортивные соревнования. Изменения политических режимов могут быть эволюционными и плавными, а могут носить «взрывной», или революционный, характер. Продолжая сравнение со спортом, можно представить себе шахматистов, которые вместо передвижения фигур по доске стали бы дубасить друг друга по головам шахматными досками, отказавшись от игры в шахматы. Стабильность политических режимов во времени характеризует устойчивость их равновесия, которую называют консолидацией. Консолидированные режимы, как правило, не могут внезапно исчезнуть или трансформироваться сами собой, и изменение конфигурации их акторов и/или институтов, если и когда оно происходит, обычно не ведет к смене режимов.

Со времен Аристотеля политологи описывали и анализировали большое количество разных типологий политических режимов. Чтобы не обсуждать их подробно на страницах этой книги, проще всего воспользоваться самым простым разделением режимов на демократические и недемократические (их синоним — понятие «авторитарные»). Демократический режим (или демократия), как ее понимал Йозеф Шумпетер, — это набор институтов, который предполагает, что осуществление власти происходит в результате конкурентной борьбы элит за голоса избирателей в рамках свободных и справедливых выборов¹⁷. Такое определение демократии, которое иногда обозначают как электоральную демократию, представляет собой заведомое и довольно сильное упрощение. Реальная практика современной демократии намного сложнее: как правило, она также

предполагает, помимо конкурентных выборов, наличие многих других элементов.

Конкурентные выборы — необходимое, но не достаточное условие для обеспечения демократии. Не бывает демократии без равноправной конкуренции элит на выборах. Именно здесь проходит красная линия, которая отделяет демократии от недемократических режимов. Электоральная демократия — это такой режим, где политики и партии могут терять власть в результате поражения на выборах¹⁸. Оговорка «могут терять власть» важна: не всегда власть по итогам выборов на самом деле теряется. В некоторых демократиях неудачно выступившие на выборах партии могут входить в состав правительственных коалиций на правах младших партнеров. Есть и примеры демократий, где одна партия находилась у власти десятилетиями. Так, в Японии Либерально-демократическая партия удерживала господство в течение 38 лет, но и она уступила власть после поражения на выборах.

Политическая конкуренция, составляющая основу электоральной демократии, создает основы реализации политических свобод, присущих современным развитым демократиям (их часто называют либеральными демократиями): свободы слова, свободы ассоциаций (создания политических и неполитических организаций). Политическая конкуренция важна и тем, что она вынуждает правящие группы к подотчетности своим согражданам¹⁹: голосование избирателей служит основным, но далеко не единственным механизмом подотчетности.

Современные политические режимы, не попадающие под определение электоральных демократий, мы будем далее называть авторитарными (или автократиями)²⁰. Здесь, однако, необходимы две важные оговорки. Во-первых, в качестве синонима понятия «авторитаризм» иногда используется понятие «диктатура», противопоставляемое «демократии»²¹. Но в русском языке понятие «диктатура» обычно связывается с

репрессиями и массовым насилием, и поэтому мы в дальнейшем постараемся к нему не обращаться. *В современном мире отнюдь не все авторитарные режимы опираются на «кнут» как на основной инструмент господства. Многие из них стремятся использовать в качестве средства поддержания лояльности своих сограждан прежде всего «пряники»* (российский политический режим, как будет показано далее, не являлся исключением).

Во-вторых, по разным причинам часть специалистов до недавнего времени была склонна называть «гибридными» те авторитарные режимы, которые не прибегают к массовым репрессиям, используя при этом в своих целях и некоторые институты, присущие демократиям (прежде всего это выборы из нескольких партий и кандидатов, но не только они). Некоторые из этих режимов внешне могут напоминать демократии, и их лидеры сознательно стремятся достичь такого сходства. Как следует из примера с прославившим три десятилетия россиянином, к такого рода режимам относится и российский. Однако это внешнее сходство не должно никого обманывать: таким режимам не присуща смена власти в результате конкурентных выборов, и поэтому термин «гибридный режим» по отношению к ним избыточен: он способен лишь ввести читателей в заблуждение. Потому в этой книге он не используется.

Мир авторитарных режимов отличается большим разнообразием (ничуть не меньшим, и даже большим, нежели мир демократий). Им присущи разные конфигурации акторов и институтов («правил игры»). Ряд специалистов выделяют²² традиционные монархии (как в Саудовской Аравии), военные диктатуры (как в ряде стран Латинской Америки в 1960–1980-е годы), однопартийные режимы, в том числе и коммунистические (как в Советском Союзе и странах Восточной Европы до 1989–1991 года), и, наконец,

персоналистские автократии, где власть сосредоточена в руках лидера и его окружения²³.

Авторитарные режимы могут опираться на совершенно разные механизмы поддержания своей легитимности. Если для монархий характерна традиционная легитимность, то большинство автократий вынуждено искать способы обеспечения рационально-легальной легитимности. Некоторые авторитарные режимы носят «гегемонный» характер²⁴: они не проводят выборов вообще, или (чаще) эти выборы носят фиктивный характер и представляют собой «выборы без выбора», то есть голосование без альтернатив (как в Советском Союзе до 1989 года).

В последние десятилетия все большее распространение в мире (в том числе и в постсоветских странах)²⁵ получают авторитарные режимы, которые обозначают как электоральный авторитаризм. В таких режимах — их примерами могут служить Мексика с 1930-х до 1990-х годов или Египет времен правления Хосни Мубарака — институт выборов имеет вполне реальное значение, и к участию в них допускаются различные партии и кандидаты. Однако формальные и неформальные механизмы этих выборов призваны не допустить по их итогам смену власти. Высокие входные барьеры для участия нежелательных партий и кандидатов, заведомо неравный доступ участников кампаний к финансам и СМИ, систематическое использование государственного аппарата для увеличения количества голосов, поданных за правящие партии и кандидатов, наконец, злоупотребления в их пользу на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов — вот лишь некоторые элементы авторитарного «меню манипуляций»²⁶.

Заведомо неравные «правила игры», которые призваны обеспечить победу носителей действующей власти и/или их сторонников и ставленников (их принято называть «инкумбентами») независимо от предпочтений избирателей²⁷, в первую очередь отличают электоральный авторитаризм от

электоральных демократий. «Гегемонный» авторитаризм уступает место электоральному из-за того, что правящие группы этих режимов нуждаются в проведении выборов как средстве собственной легитимации внутри страны и за ее пределами: в противном случае само существование этих режимов может оказаться под угрозой. Однако нечестные выборы — это обоюдоострое оружие, и порой они могут повлечь за собой острый кризис легитимности электоральных авторитарных режимов, о чем свидетельствуют последствия президентских выборов 2020 года в Беларуси.

Основанием электоральной демократии служит политическая конкуренция. Напротив, авторитарные режимы предполагают монополию правящих групп на осуществление власти. Точнее, им присуща скрытая конкуренция между различными сегментами правящей группы, которая не предполагает их открытой борьбы за голоса избирателей. Лидеры, стоящие во главе авторитарных режимов, стремятся монополизировать свое политическое господство (порой их называют доминирующими акторами), но на деле они не осуществляют власть единолично. Для удержания власти им приходится опираться на поддержку хотя бы части правящих групп (подчиненных акторов) и создавать формальные и неформальные «выигрышные коалиции»²⁸ с их участием.

В «выигрышные коалиции» авторитарные лидеры стремятся включить наиболее значимые сегменты элит, от которых зависит устойчивость режимов. Если их состав слишком узок, то режим оказывается под угрозой внутренних конфликтов (так, многие авторитарные режимы становятся жертвами военных или государственных переворотов). Поддержание единства элит и сохранение среди них консенсуса (добровольного или навязанного) требует от авторитарных лидеров искусства маневрирования. Они вынуждены применять по отношению к элитам не только «кнут» репрессий, но и «пряник», чтобы минимизировать риски потери власти. Подчиненные акторы, которые входят в состав

выигрышных коалиций, получают статус и богатство в обмен на лояльность режиму.

Риски для авторитарных режимов исходят не столько от масс, восстание которых грозит положить им конец, сколько от части элит, которые могут прибегнуть к военным путчам или дворцовым переворотам для смены власти. По данным Милана Сволика, внутриэлитные конфликты привели к краху авторитарных режимов в почти 70% случаев после Второй мировой войны²⁹. Поскольку в условиях персоналистской автократии понятие «режим» ни фактически, ни аналитически невозможно отделить от «правлящих групп» или лидеров таких режимов, далее все эти понятия будут использоваться как взаимозаменяемые термины.

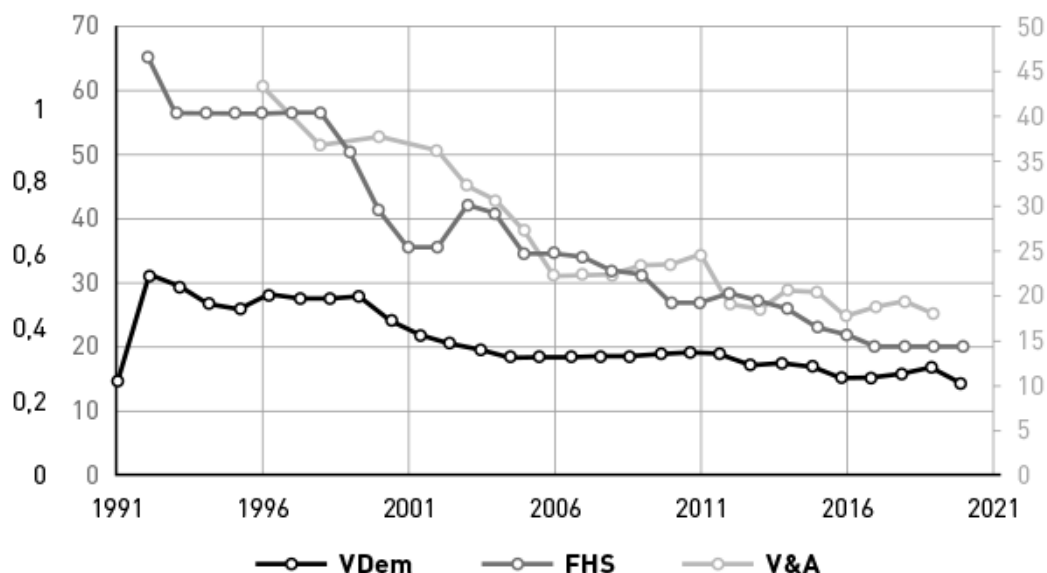
Смена политических режимов происходит вследствие изменений или конфигурации акторов, или конфигурации институтов, или (чаще всего) и того и другого одновременно. В конце XX века одной из основных тенденций мирового политического развития стал крах многих авторитарных режимов, включая коммунистические и военные. Многие из них, в особенности в Латинской Америке и Восточной Европе, перешли к демократии: этот процесс принято обозначать как демократизацию³⁰. Эти тенденции, в свою очередь, выступали важнейшим элементом процесса модернизации — перехода различных стран к современным моделям устройства общества, предполагающим заимствование или создание базовых институтов по западному образцу³¹. Политическая модернизация, которая лежит в основе становления демократий, — важнейшая (хотя далеко не единственная) часть этого процесса.

Однако переход к демократии отнюдь не имел всеобщий и универсальный характер. Напротив, в ряде стран мира под лозунгами демократизации произошла смена одних авторитарных режимов другими. Собственно, многие электоральные авторитарные режимы в последние десятилетия

как раз и возникли там, где провалилась демократизация (Россия выступает одним из примеров такого рода).

Откуда мы знаем, что политический режим в той или иной стране является демократическим или авторитарным? Конечно, если речь идет о таких странах — соседках России — как, скажем, Финляндия, с одной стороны, и Северная Корея, с другой, — то ответ кажется очевидным. Но во многих других случаях повседневного знания оказывается недостаточно, и приходится обращаться к оценкам различных международных агентств. Большинство из них прямо или косвенно используют суждения экспертов, знание которых по определению неполно и может исходить из неоправданных ожиданий, особенно в отношении текущей ситуации. Но на более или менее длительном временном интервале оценки экспертов меньше подвержены ошибкам, чем повседневное знание, и не слишком расходятся между собой. Для сравнения можно посмотреть на графики, демонстрирующие динамику эволюции политического режима в России по данным Всемирного банка (проект Worldwide Governance Indicators, включающий раздел Voice and Accountability), Института V-Dem Университета Гетеборга и проекта Freedom in the World, осуществляемого Freedom House.

График 1. Политический режим в России, 1991–2020, международные оценки

VDem — Electoral Democracy Index (индекс электоральной демократии института V-Dem, шкала от 0 до 1)

FHS — Freedom House total score* (интегральный индекс свобод Freedom House, шкала от 0 до 100)

V&A — WGI Voice&Accountability Index (индекс Voice and Accountability Всемирного банка, шкала от 0 до 100)

* Данные до 2003 года пересчитаны на основе соответствующих значений индексов Political rights (1–7) и Civil liberties (1–7) и приведены к 100-балльной шкале.

Источники: Freedom in the World Comparative and Historical Data: Aggregate Category and Subcategory Scores, 2003–2020 (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world>);

Varieties of Democracy, Country-Year: V-Dem Core dataset (<https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/>);

Worldwide Governance Indicators full dataset (<https://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

Как видно из оценок, представленных на графиках, за три десятилетия наша страна продемонстрировала траекторию перехода к авторитаризму, который со временем лишь усугубляется. Но прежде, чем обсудить вопрос о том, почему и как произошел этот переход, каковы его закономерности и механизмы, следует задаться другим, более фундаментальным вопросом. В самом деле, насколько важен политический режим для развития обществ? Имеет ли демократия значение?

Насколько вообще нужны и для чего именно демократия, демократизация и связанные с ними политические свободы? Этот вопрос важен в том числе для понимания значения авторитаризма и перспектив его возможной трансформации как в России, так и в других странах. Так ли необходима для России демократизация? Возможно, нашей стране пока стоит обойтись без нее, отложив обретение согражданами политических свобод до лучших времен?

ДЕМОКРАТИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ... НО КАКОЕ?

Дискуссии о том, в какой мере демократия полезна или вредна для общества, идут со времен античности, но вряд ли исчерпают себя в обозримом будущем. Демократия сама по себе содержит противоречие между механизмом отбора правителей и результатами их правления, которые могут быть как успешными, так и неудачными. Критики демократии справедливо указывают на то, что механизм конкурентных выборов не всегда позволяет гражданам выбрать наиболее достойных и эффективных руководителей: граждане в лучшем случае склонны выбирать себе подобных, а в худшем — готовы доверить государственное управление некомпетентным демагогам, подобным Дональду Трампу, избранному в 2016 году на пост президента США. Более того, демократия предполагает ограниченный во времени срок правления, что не всегда позволяет проводить в жизнь политический курс, ставящий долгосрочные цели, и часто способствует проведению неэффективных мер, имеющих целью поднять шансы находящихся у власти политиков или партий в преддверии очередных выборов (логика политического бизнес-цикла)³².

Весьма популярно мнение о том, что мудрый и справедливый авторитарный лидер (будь то монарх или руководитель партии) способен обеспечить своим согражданами процветание на долгие десятилетия вперед с большей

вероятностью, нежели демократически избранные политики, заботящиеся прежде всего о сохранении власти «здесь и теперь», по итогам ближайших выборов. Однако в ответ защитники демократии вполне аргументированно утверждают, что оптимальное политическое устройство общества должно не обеспечить приход к власти самых лучших политиков, а предотвратить ее монополизацию худшими из них³³. Авторитарные режимы по определению не защищены от этих рисков: многим из них (особенно персоналистским автократиям) не присуща «защита от дурака».

Многочисленные исследования не дают оснований вынести окончательный вердикт в пользу сторонников или критиков демократии с точки зрения результатов правления. Если оценивать эти результаты в категориях темпов экономического роста (как делают многие специалисты), то их средние показатели по странам мира во второй половине XX века не слишком различались среди демократий и автократий: здесь более важную роль играли иные параметры, не связанные напрямую с характеристиками политических режимов.

Однако разброс показателей экономического роста среди демократий оказался куда ниже, чем среди авторитарных режимов, а долгосрочные тенденции роста в целом также оказываются в пользу демократий³⁴. В социально-экономическом плане демократии, как правило, развивались не слишком быстро, но относительно устойчиво, в то время как среди авторитарных режимов немногочисленные, но яркие «истории успеха» отмечались на фоне гораздо чаще встречавшихся неудач. Как выразился в связи с этим экономист Дани Родрик, «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго-Заире»³⁵.

Среди современных автократий очень много примеров коррумпированных и неэффективных лидеров, длительное пребывание у власти которых приводит их страны к полному и порой непреодолимому упадку. Демократии же благодаря конкурентным выборам чаще склонны

избавляться от таких руководителей. Среди посткоммунистических стран более успешная демократизация, как правило, сопутствовала более успешному экономическому развитию, хотя ответ на вопрос о том, что служило причиной, а что следствием, в данном случае совсем не очевиден³⁶.

Вопреки мантрам о «стабильности», якобы присущей авторитарным режимам, срок жизни большинства персоналистских автократий обычно не превышает срок пребывания у власти их лидеров (в современном мире в среднем — редко больше двух десятилетий). В отличие от ряда династических монархий, автократам очень редко удается без потрясений передать власть своим потомкам, а тем — удержать ее³⁷. Смена лидеров в авторитарных режимах редко обходится без потрясений, даже если и когда на смену одним автократам приходят другие³⁸. Но и демократии далеко не всегда способны успешно справиться с нестабильностью, присущей им по определению. В XX и в XXI веках им были присущи и кризисы, и даже крушения³⁹.

Особенно чувствительны к таким кризисам «новые» демократии, где демократические режимы не стали консолидированными и могут так и не достичь консолидации в обозримом будущем. Такая нестабильность не удивительна: согласно китайской поговорке, жить в эпоху перемен — это наказание. Усвоение новыми акторами новых «правил игры» редко проходит безболезненно, поэтому демократизация в ряде стран может сопровождаться острыми конфликтами, и иногда ей сопутствуют массовое насилие и упадок правопорядка, а то и авторитарные «откаты», которые сопровождаются попытками создания новых недемократических «правил игры»⁴⁰. Проблемы такого рода оказались характерны для многих посткоммунистических стран, где смена политического режима в начале 1990-х годов сопровождалась рыночными экономическими преобразованиями и реформой государственного устройства. Но есть ли реалистическая альтернатива такому развитию событий?

Демократию как нормативный идеал в современном мире критикуют нечасто: не так легко предложить какой-то иной, более привлекательный способ политического устройства. Более того, критика демократии обычно исходит не со стороны ее идейных противников, а со стороны тех, кто считает электоральную демократию недостаточным механизмом соблюдения прав граждан, настаивая на их более активном вовлечении в политику не только в ходе голосований⁴¹.

Совершенно иначе обстоит дело с демократизацией. Многие ее критики утверждают, что этот процесс необходимо максимально отсрочить и растянуть по времени. Поскольку общество не готово к быстрому переходу к демократии, этот процесс может привести к упадку верховенства права, конфликтам и насилию. Поэтому сперва, считают критики, следует достичь высокого уровня экономического развития, потом создать успешно работающие эффективные «правила игры», и лишь затем шаг за шагом, на протяжении долгих десятилетий, расширять пространство политической конкуренции⁴².

Теоретически этот аргумент выглядит вполне осмысленным. Но на практике очень немногим авторитарным режимам удается создать такие устойчивые и эффективные институты, которые переживают их создателей. Поэтому при всех опасностях и рисках, присущих демократизации, нет оснований считать ее бóльшим злом для самых разных обществ, чем подавляющее большинство автократий. Другое дело, что не стоит впадать в иную крайность и излишне очаровываться демократизацией, считая ее чудодейственной волшебной палочкой, способной излечить страны от многочисленных патологий, присущих автократиям.

Демократия отнюдь не гарантирует гражданам, что они станут жить лучше. Демократия всего лишь позволяет снизить риски того, что в условиях автократии они будут страдать от произвола коррумпированных правителей, нарушающих их права, не имея при этом

возможностей для мирной смены власти. В этом смысле демократия выступает как эквивалент медицинской страховки: она снижает риски того, что пациент может пасть жертвой тяжелых заболеваний, хотя сама по себе страховка и не гарантирует оптимального лечения.

Смена политического режима, предполагающая возможный (но отнюдь не гарантированный) переход к демократии, — это достаточно сложный и весьма болезненный процесс, порой занимающий долгие десятилетия. Проблемы и риски, связанные со сменой политических режимов, достаточно серьезны и связаны не столько с демократизацией как таковой, сколько с тем, что построение демократии — это лишь один из возможных исходов этого процесса, причем далеко не обязательный. По данным Барбары Геддес и ее соавторов, в 70% случаев крушения автократий после Второй мировой войны результатом становилась не демократизация, а смена одних авторитарных режимов другими⁴³. В конце XX века многие специалисты (в том числе и те, кто изучал смену режимов в посткоммунистических странах) были склонны уделять гораздо больше внимания «историям успеха» демократизации и реже занимались изучением причин ее провала и/или достижения частичных и неустойчивых результатов.

Анализ демократизации рядом специалистов скорее напоминал сюжет голливудского фильма, в котором «хорошие парни» (сторонники демократии) противостояли «плохим парням» (врагам демократии)⁴⁴. Итогом такого противостояния почти неизбежно должен был стать хеппи-энд. Однако по мере того, как Большие Надежды посткоммунистической демократизации начала 1990-х годов в ряде стран сменились скептицизмом в 2000-е годы и горькими разочарованиями в 2010-е, логика противостояния сил добра и зла при анализе смены режимов оказалась исчерпанной.

Когда демократизация в ряде стран (в том числе в постсоветских — таких как Азербайджан или Беларусь)

оказалась повернута вспять и обернулась провалом, голливудский хеппи-энд сменился иным аналитическим подходом, который напоминал фильм-нуар⁴⁵, или, говоря по-русски, чернуху. Согласно этой точке зрения, в мировой политике и в особенности в постсоветских странах доминируют одни «плохие парни», которые не приемлют демократию и всячески стараются ей противостоять: то ли в силу своего коммунистического прошлого, то ли из-за связи со спецслужбами, то ли по причинам идейного неприятия, то ли из-за личных или групповых интересов.

Эти процессы в посткоммунистическом мире совпали во времени с ростом разочарования избирателей в политическом устройстве и в ряде устойчивых демократий. Это привело на политическую авансцену популистских политиков, подобных Дональду Трампу в США. Таким образом, строительство авторитаризма в посткоммунистическом мире может рассматриваться и как часть глобального «авторитарного отката», который способен повлечь за собой упадок и крах демократии в мире⁴⁶.

Моя точка зрения на процессы смены режимов в современном мире и в современной России далека как от голливудского оптимизма, так и от сценария фильма-чернухи. Не стоит полагать, что провал демократизации в России произошел лишь в результате действий таких «плохих парней», как Борис Ельцин или Владимир Путин. И дело не в том, что эти «плохие парни» не хуже (но и не лучше) многих демократических политиков в других странах. *Демократизация вообще происходит не в силу добрых намерений «хороших парней». И в политике, и в повседневной жизни большинство «парней», как правило, не являются однозначно «хорошими» или «плохими». Их действия в ходе изменений политических режимов продиктованы их собственными идеями и/или интересами,* которые могут меняться со временем под воздействием различных факторов. А интересы политических акторов, как

мы знаем из предисловия к этой книге, состоят, прежде всего, в максимизации их собственной власти.

Да, иногда эти интересы включают в себя и содействие становлению политической конкуренции, и выработку «правил игры», которые эту конкуренцию поддерживают, но такое происходит далеко не всегда. Вместе с тем политики не всегда способны создавать и менять институты исключительно по своей воле. Чаще всего они сталкиваются с теми ограничениями, которые накладывают на них другие акторы (внутриполитические и международные), и с объективно существующими ограничениями — такими как констелляция экономических ресурсов, инерция предшествующего социально-экономического развития, география и демография соответствующих стран. Эти ограничения принято называть структурными — изменить их в краткосрочной перспективе не под силу никому. Однако в рамках структурных ограничений у акторов в ходе смены политических режимов остается достаточно широкий коридор возможностей.

Акторы (как и обычные граждане, далекие от политики) далеко не всегда способны предугадать последствия своих шагов, и их действия часто приводят к непреднамеренным последствиям, в том числе с точки зрения изменений политических режимов⁴⁷. Они возникают в силу неопределенности, характерной для многих стран, где речь идет о ситуации стратегического выбора акторами тех или иных ключевых решений. Например, какому варианту новой конституции стоит отдать предпочтение? По каким правилам проводить выборы? Или отказаться от их проведения из-за рисков потери власти? За кого из кандидатов стоит голосовать? Следует ли, несмотря на риски, выходить на протестные акции против произвола властей?

Каждый раз изменения режима в том или ином направлении сильно зависят от шагов, предпринятых в определенные «критические моменты» истории. Интересы акторов в такие моменты могут оказаться неочевидными, и

огромную роль здесь играют идеи (представления о должном и сущем в мире политики), а также восприятие акторами текущей ситуации сквозь призму этих идей. Также рамки коридора возможностей в каждый следующий «критический момент» определяются решениями, принятыми акторами ранее⁴⁸: такую причинно-следственную цепочку принято называть зависимостью от предшествующего пути⁴⁹. Эта зависимость означает, что если в прошлом та или иная страна выбрала путь, ведущий в тупик, то сойти с него удастся далеко не всегда, и издержки на этом долгом, трудном и извилистом пути часто оказываются весьма велики. Анализ динамики политического режима в современной России с точки зрения его траекторий, различных развилки и тупиков составляет последующее содержание этой книги.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА: 1991–2021

Наверное, лучшее описание динамики постсоветского политического режима в России увидело свет еще в 1954 году — его автором был не политолог, а писатель. Роман «Повелитель мух» нобелевского лауреата Уильяма Голдинга стоит воспринимать как классическую модель построения авторитарного режима на примере группы подростков, оказавшихся на необитаемом острове⁵⁰. По сюжету Голдинга, динамика политического режима на этом острове прошла через следующие этапы: (1) неудачную попытку построить электоральную демократию; (2) неудачную попытку неформального раздела власти между наиболее влиятельными игроками (олигархию); (3) захват власти самым наглым подростком, который изгнал из общины своих соперников, перетасовал «выигрышную коалицию» своих сторонников и установил (4) репрессивную тиранию, обернувшуюся новой катастрофой.

В романе конец этой траектории положило вмешательство внешних акторов — прибывших на остров военных моряков, но в реальной жизни катастрофа могла бы длиться буквально до бесконечности. Следует, однако, признать, что герои Голдинга не были обречены на тиранию в силу изначально неблагоприятных структурных ограничений: это обычные подростки, предоставленные сами себе. Для политологов главный урок «Повелителя мух» заключается в том, что авторитаризм — естественный логический результат действий успешных и наглых политиков по максимизации власти, если для их устремлений не существует эффективных ограничений. Именно такой путь политического развития прошла постсоветская Россия, как и некоторые другие страны.

Действительно, за тридцать лет после распада СССР Россия проделала путь от одного консолидированного авторитарного режима к другому — от коммунистического однопартийного режима, который господствовал в стране на протяжении 70 лет⁵¹, до персоналистского электорального авторитаризма, который достиг стадии своей консолидации в ходе президентства Владимира Путина. Эта траектория стала следствием сочетания двух групп параметров — структурных ограничений и действий политических акторов.

Структурные ограничения, с которыми столкнулась Россия после распада СССР, оказались достаточно серьезными. Масштаб экономических и социальных проблем, стоявших перед самой крупной из республик бывшего Советского Союза, был исключительно велик (гораздо более значителен, чем у стран Восточной Европы), и «наследие» прежних десятилетий оказывало очень сильное влияние на процесс преобразований⁵². Неудивительно поэтому, что *посткоммунистическая Россия так и не смогла справиться с «дилеммой одновременности» — необходимостью одновременно решать задачи демократизации, рыночных реформ и смены национально-государственного устройства страны*⁵³. Россия была не единственной посткоммунистической страной, где

«дилемма одновременности» была решена не в пользу демократизации: например, в Сербии в ходе распада Югославии режим Слободана Милошевича вовлек страну в серию насильственных конфликтов. Но если та же Сербия после серии поражений избавилась от агрессивного лидера в 2000 году и смогла построить электоральную демократию, то Россия стала продвигаться в прямо противоположном направлении.

В конечном итоге демократизация, как будет показано в главе 3, оказалась принесена в жертву решению двух других задач посткоммунистической трансформации. Когда же рыночные реформы в экономике и преобразование государства были осуществлены (с огромными издержками и, мягко говоря, далеко не самым оптимальным образом)⁵⁴, то «коридор возможностей» для демократизации оказался сужен. Он лишь сужался и дальше, поскольку и идеи, и интересы политических акторов отнюдь не способствовали демократизации России. Подобно Собчаку, беседа с которым описана мною в предисловии к этой книге, они стремились к максимизации собственной власти, и демократия для них служила лишь препятствием на пути к этой цели.

После крушения авторитарных режимов демократия не устанавливается сама собой, «по умолчанию». Она является результатом целенаправленных усилий по ее строительству. Есть страны, где приходящие к власти в ходе смены режимов новые правящие группы вынуждены устанавливать демократические «правила игры» не только и не столько из-за того, что они являются «хорошими парнями». Причинами их выбора в пользу демократизации могут стать необходимость мирного разрешения острых политических и/или социальных конфликтов, международное влияние, и/или воздействие идейных ориентаций лидеров и элит. Для посткоммунистической России не было характерно ни одно из этих условий.

Политические конфликты 1990-х годов были разрешены по принципу «игры с нулевой суммой», международное влияние на нашу страну оказалось не слишком велико, а идеи занимали подчиненное положение по отношению к интересам ключевых политических игроков. Кроме того, важное значение имел и массовый спрос на демократизацию. Накануне распада СССР в 1989–1991 годах в России (по меньшей мере, в ее крупных городах) были активны массовые движения за демократию⁵⁵, но в 1990-е годы общественный запрос в пользу демократии резко снизился. Отчасти причиной тому стал глубокий и длительный трансформационный спад экономики и снижение уровня жизни, отчасти — манипулятивное использование лозунгов демократии политиками, заинтересованными в укреплении собственной власти. В целом масштаб вовлеченности российских граждан в политику оказался, вопреки ожиданиям⁵⁶, не слишком высок⁵⁷.

Низкая вовлеченность граждан в политику создала для российских политических акторов ситуацию «свободы рук», позволявшую им не слишком опасаться проявлений общественного недовольства. Вплоть до 2011–2012 годов россияне крайне редко выражали протест против политического режима. Даже в 1990-е годы, когда массовые опросы демонстрировали низкий уровень политической поддержки, альтернативы режиму статус-кво для россиян выглядели непривлекательными или нереалистическими. А в 2000-е годы повышение экономического благополучия немалой части российских граждан на фоне обретения все большей устойчивости режимом статус-кво повлекли за собой рост его поддержки со стороны россиян⁵⁸. В 2010-е годы ситуация в России с точки зрения массовой поддержки режима стала более турбулентной, и властям приходится прикладывать немалые усилия, чтобы сдерживать нарастающий спрос на политические перемены. Пока им удастся справиться с этой задачей.

Не будучи скованы ограничениями ни на внешнеполитической арене, ни со стороны своих сограждан, российские правящие группы не имели серьезных стимулов для строительства демократии как механизма ограничения собственной власти, зато оказались заинтересованы в строительстве нового авторитарного режима взамен прежнего. Стоит подчеркнуть, что речь не идет и не может идти о каком-либо воссоздании прежнего Советского Союза с его неэффективной экономикой и обилием иных проблем, а именно о новом персоналистском авторитаризме, построенном на совершенно иных принципах.

Да, нынешний российский политический режим сохраняет символическую преемственность по отношению к советскому прошлому и довольно эффективно использует в своих целях нормативный идеал «хорошего Советского Союза»⁵⁹, которому присущ явный политический монополизм. Но у этого режима нет многих врожденных дефектов, характерных для позднего СССР. И принципы легитимации (выборы вместо наследования революционной традиции), и механизмы господства (персонализм вместо правящей партии) у современного российского авторитаризма качественно иные, чем в советскую эпоху.

В целях строительства авторитаризма российские правящие группы успешно создавали и/или использовали в своих целях «правила игры», которые были призваны установить и закрепить наиболее благоприятные для них механизмы господства и усилить неформальные правящие «выигрышные коалиции» вокруг лидеров страны. В 1990-е годы эти шаги могли принести лишь частичный успех: слабость российского государства на фоне глубокого и длительного экономического спада и кардинальной смены состава элит препятствовали монополизации власти и вели к непоследовательным и противоречивым институциональным изменениям. Но в 2000-е годы Владимир Путин на посту главы государства смог успешно провести «работу над ошибками»: экономический

рост и усиление государства позволили переформатировать состав «выигрышных коалиций» и провести ряд институциональных изменений в пользу закрепления статус-кво.

В результате этих усилий российский авторитарный режим к 2010-м годам достиг стадии консолидации и демонстрирует сегодня устойчивое, хотя и неэффективное равновесие, в сохранении которого любой ценой чем дальше, тем больше заинтересованы лидеры страны. Консолидация позволила российскому режиму сохранить это равновесие, несмотря на ряд внутривнутриполитических вызовов (массовые протесты 2011–2012 годов) и острые международные конфликты, в особенности после присоединения Крыма к России в 2014 году и последующей конфронтации со странами Запада.

Именно сохранение статус-кво настолько долго, насколько это возможно, становится основной целью правящих групп, следствием чего стали принятые в 2020 году поправки в российскую Конституцию, позволяющие Путину сохранять за собой пост главы государства до 2036 года и призванные, по словам одного из российских чиновников, надолго «зацементировать» Россию⁶⁰.

В обозримом будущем выход из нынешнего авторитарного равновесия в России представляется многим наблюдателям маловероятным⁶¹. Но так ли уж заслужил Владимир Путин «пятерку с плюсом» в глобальной школе диктаторов за отличную работу по строительству авторитаризма в России? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. По крайней мере, противоречие между попыткой «зацементировать» страну и запросом на перемены в стремительно меняющемся мире, скорее всего, будет определять тенденции российской политики в ближайшие годы, если не десятилетия.

На протяжении последних трех десятилетий российская политика сталкивалась с целым рядом больших и малых развилок. И всякий раз, когда в очередной «критический момент» перед российскими политическими акторами вставал

значимый выбор между демократизацией и авторитаризмом, авторитарное решение оказывалось для них предпочтительным. Поэтому *почти каждый шаг на пути эволюции российского политического режима становился если не однозначным «бегством от свободы», то, по меньшей мере, движением в сторону от нее.* Эти шаги, в свою очередь, становились логическим следствием их предыдущих действий по принципу зависимости от предшествующего пути. Таким образом, Россия все дальше и все увереннее отрезала возможности для демократизации страны, которая казалась реальностью в августе 1991 года, но кажется многим иллюзорной в начале 2020-х годов. Среди этих развилок постсоветской политической истории России стоит выделить следующие:

1991 — отказ от принятия новой Конституции России и проведения новых выборов органов власти, частичное сохранение в российской политике «правил игры», унаследованных от советского периода;

1993 — острый конфликт между президентом и парламентом, который привел к силовому роспуску Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Одним из следствий конфликта стало принятие новой Конституции, которая закрепила широкие полномочия президента страны и содержала немалый авторитарный потенциал;

1996 — выборы президента России, в ходе которых Борис Ельцин был переизбран на второй срок в ходе несправедливой кампании, сопровождавшейся обилием злоупотреблений. В ходе кампании Ельцин предпринял попытку отмены выборов, роспуска парламента и запрета оппозиционных партий, но отказался от реализации этих планов;

1999–2000 — борьба различных сегментов элит за лидерство в преддверии выборов нового президента страны. Полная победа в этой борьбе преемника Ельцина — Владимира Путина, который смог максимизировать собственную власть в результате принуждения к лояльности всех значимых акторов;

2003–2005 — устранение реальных и гипотетических препятствий господству правящей группы, изменения важнейших формальных «правил игры», направленные на монополизацию политической власти: отмена выборов глав исполнительной власти регионов и реформа законодательства о партиях и выборах;

2007–2008 — накануне истечения сроков президентских полномочий Путин подобрал себе лояльного преемника Дмитрия Медведева, который в отсутствие реальной конкуренции занял пост главы государства;

2011–2012 — Путин осуществляет обратную замену, возвращаясь на пост президента в ходе несвободных и несправедливых выборов, которые сопровождались злоупотреблениями и спровоцировали массовые протесты в Москве и других городах: начало «закручивания гаек» во внутренней политике;

2014 — после смены политического режима в Украине российские власти осуществляют аннексию (присоединение) Крыма и провоцируют вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины; следствием этих шагов становится острая конфронтация со странами Запада и дальнейшее ужесточение борьбы с реальными и потенциальными противниками режима внутри страны;

2020 — пытаюсь продлить пребывание Путина у власти и сохранить политический статус-кво, российские правящие

группы вносят в Конституцию серии поправок, направленных на достижение этой цели, и обеспечивают их одобрение в ходе всероссийского голосования избирателей.

Какими окажутся следующие шаги, изменится ли траектория российского политического режима в обозримом будущем, и если да, то в каком именно направлении? Эти вопросы будут обсуждаться в следующих главах книги. Во второй главе представлен мой подход к анализу процессов политической трансформации на фоне других распространенных объяснений тенденций политического развития России. Три последующие главы посвящены анализу трех десятилетий постсоветской политики в России и ее основных развилочек. В третьей главе речь пойдет об основных «критических моментах» 1990-х годов, интересах и стратегиях основных политических акторов и о том, как ограничения, с которыми они сталкивались, обусловили их шаги. Четвертая глава логически продолжит предыдущую на материале 2000-х годов. Здесь в центре внимания находятся стимулы и стратегии российских лидеров, а также факторы, благодаря которым им удалось успешно достичь своих политических целей. Пятая глава сосредоточится на анализе логики нынешнего авторитарного политического режима в России в 2010-е годы, его формальных и неформальных «правил игры» и нарастающих вызовов, с которыми он пытается бороться (пока — вполне успешно). В шестой главе мы подведем предварительные итоги политического развития России после 1991 года и рассмотрим возможные перспективы дальнейшей эволюции ее политического режима. Мы также обсудим вопрос о том, есть ли шансы у России стать политически свободной страной, и если да, то каким путем и с какими издержками это может произойти.

ГЛАВА 2

РОССИЙСКИЙ ТУПИК

Главный вопрос, который задают специалисты, исследующие политические процессы в различных странах и регионах мира, можно свести к одному слову: «Почему?» Применительно к анализу российской политики постсоветского периода этот же вопрос можно развернуть следующим образом: *почему страна, которая после падения коммунистической власти в 1991 году провозгласила строительство новой демократии, за три десятилетия прошла путь в сторону авторитаризма, претендуя на его сохранение и упрочение на долгие десятилетия вперед?* Ответ на этот вопрос важен для понимания закономерностей не только российской политики, но и современного мира в целом: ученые много спорят о причинах того, почему одни страны становятся демократиями, а другие нет⁶², и анализ опыта современной России может служить аргументом в этих дебатах.

На первый взгляд, Россия объективно имела неплохие шансы для успешной демократизации. И если посткоммунистические страны от Румынии до Монголии, не говоря уже о соседней с Россией Украине, за три десятилетия смогли стать электоральными демократиями, а Россия стала консолидированной автократией, то тем более важно понять, почему Россия — «отклоняющийся случай» на мировой политической карте. Это даст возможность, анализируя российский опыт в сравнительной перспективе, переосмыслить и общие закономерности глобального политического развития.

Прежде, чем мы перейдем к обзору различных подходов, призванных объяснить российскую политическую траекторию,

необходимо сделать важную оговорку. Она связана с бытующим среди специалистов и наблюдателей представлением о том, что демократия в современном мире то ли умирает в силу многочисленных внутренних противоречий и дефектов, то ли уже умерла⁶³, и говорить о демократизации сегодня попросту не имеет смысла. Такие оценки не являются чем-то новым: демократии переживали различные кризисы и в период между двумя мировыми войнами⁶⁴, и в 1970-е годы⁶⁵, но всякий раз преодолевали их и вновь возрождались. Масштабы антидемократического отката, отмечавшегося в ряде стран в 2010-е годы, все же не настолько велики, чтобы делать далеко идущие выводы о закате демократии в XXI веке⁶⁶: перефразируя Марка Твена, можно утверждать, что слухи о смерти демократии сильно преувеличены.

Медицинская проблематика вышла на авансцену современной политики (в том числе, как это ни печально, и в связи с летальными исходами) в 2020-е годы, однако следует иметь в виду, что политическая диагностика сродни диагностике медицинской. Специалисты, изучающие «истории болезни» тех или иных политических систем, действуют подобно медикам, которые, выявив те или иные патологии в состоянии человеческого организма, стремятся обнаружить причины болезни, чтобы правильно определить возможности и методы лечения (если таковое вообще возможно). Однако эти причины сильно отличаются друг от друга.

Становление и консолидация новых авторитарных режимов при объективном отсутствии явных оснований для такого развития событий в современном мире рассматриваются многими специалистами как политическая патология. Но в чем причины этих тяжелых недугов? Наши рассуждения (применительно и к России, и к другим странам) отличаются от аргументации медиков, поскольку для политической диагностики применяются разные инструменты анализа, и среди специалистов нет консенсуса в отношении причин заболеваний и методов их лечения. Но хотя политологи и

ошибаются с диагностикой куда чаще, чем медики, их ошибки реже приводят к непоправимым последствиям: хорошо ли, плохо ли, но политологи (в отличие от медиков) не лечат своих пациентов сами, а всего лишь рекомендуют те или иные средства элитам и массам, которые к их советам склонны прислушиваться далеко не всегда (и не факт, что эти советы вообще оказываются полезными). У параллелей между политологией и медициной есть и другие недостатки, к которым мы еще вернемся в заключительной главе книги.

В этой главе мы сперва обсудим наиболее распространенные аргументы в политической диагностике России, затем посмотрим на истории болезни других «пациентов» — а именно, на международный опыт строительства демократий и автократий в современном мире, чтобы понять, какие из аргументов более убедительны, чем другие. И лишь затем, в свете анализа этого опыта мы проанализируем логику изменений российского политического режима после 1991 года. Результатом обсуждения станет объяснительная схема процессов постсоветской политической динамики в России, которая будет более подробно развернута в следующих трех главах.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА: НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ, ТРАВМА ИЛИ ОТРАВЛЕНИЕ?

Во времена холодной войны в Советском Союзе была популярна шутка о том, что всех граждан можно было разделить на три большие группы в зависимости от того, к каким из возможных кризисов они готовились. Согласно этой классификации, «оптимисты» учили английский язык, поскольку ожидали поражения СССР в военном столкновении с США и последующей оккупации американцами. «Пессимисты» учили китайский, предполагая схожий итог военного конфликта между СССР и Китаем. Наконец, «реалисты»

учились тому, как пользоваться автоматом Калашникова, готовясь встретить во всеоружии любую войну.

Эта шутка, в известной мере не утратившая актуальности и по сей день, сегодня может быть перефразирована в отношении того, как именно российские и зарубежные специалисты дают ответы на вопрос о причинах и следствиях российской политической динамики после 1991 года. В поисках этих ответов одни эксперты становятся «пессимистами», которые склонны искать объяснения в истории и культуре России, другие — «оптимистами», исследующими процессы экономического роста и развития, ну а третьи — «реалистами», чье внимание концентрируется на политике как таковой: на интересах и политических стратегиях акторов, борющихся за завоевание и/или удержание власти.

Продолжая медицинскую аналогию, стоит отметить, что все эти группы экспертов отмечают у российского «пациента» заболевания, совершенно разные по своей природе: одна группа считает, что они носят наследственный характер, другая уверена, что они вызваны последствиями травм и несчастных случаев, а третья утверждает, что эти заболевания возникли в результате преднамеренных отравлений организма. Более конкретно, «пессимисты» склонны оценивать патологии российской политической системы как хроническое заболевание нашей страны. Из своих интерпретаций прошлого и настоящего России они делают вывод о неустранимости преобладания авторитаризма, как минимум, в обозримом будущем.

«Оптимисты», напротив, рассматривают авторитаризм как временный побочный эффект посттравматического синдрома на фоне комплексных трансформационных процессов постсоветского периода. По их мнению, ускоренный экономический рост и интенсивное включение России в международные процессы позволят со временем преодолеть эти пагубные и сильно затянувшиеся, но все-таки временные болезни.

Наконец, «реалисты» видят политику в России (и не только) как борьбу циничных носителей корыстных интересов в составе политического класса. Они утверждают, что авторитаризм представляет собой результат их преднамеренных действий, подобно тому, как заболевание может стать результатом преднамеренного отравления организма: в данном случае речь идет не только о метафоре, но и о вполне реальной практике использования боевых отравляющих веществ как средства борьбы с политическими противниками российских властей. Поэтому оценки «реалистами» перспектив преодоления авторитаризма в России во многом скептические: найти и успешно применить эффективное «противоядие», способное исправить последствия отравления, весьма непросто не только в медицине, но и в политике. Разумеется, эти три подхода политической диагностики не исключают, а скорее дополняют друг друга: более того, одни и те же эксперты порой сочетают элементы различных объяснений тенденций российской политики.

«ПЕССИМИСТЫ»: СТРАНА, НЕПРИГОДНАЯ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ?

«Пессимисты» исходят из того, что демократии в России просто неоткуда взяться. По их мнению, отсутствие (или, как минимум, слабость) демократических институтов и традиций в прошлом нашей страны и историческое «наследие» режимов разной степени репрессивности настолько укоренено в культуре, что стало непреодолимым барьером на пути демократизации, задав самоподдерживающуюся «колею»⁶⁷, выход из которой невозможен в принципе или сопряжен с колоссальными издержками. А поскольку российское общество исторически лишено иммунитета против авторитаризма в виде «правильной» массовой политической культуры, то оно, полагают «пессимисты», обречено оставаться авторитарным практически навсегда.

Попытки преодоления врожденных наследственных патологий для такой страны наталкиваются на столь сильное сопротивление сформированной веками «матрицы», что они заведомо не имеют шансов на успех⁶⁸. Да, есть отдельные примеры успешного исцеления от таких патологий под воздействием внешних шоков и длительной социокультурной эволюции общества⁶⁹, но они являются лишь редкими исключениями, подтверждающими общее правило.

Основой представлений об исторической и культурной предопределенности неустранимого господства авторитаризма в России (и в ряде других постсоветских стран) служат мнения о том, что на определенном этапе своего развития под воздействием тех или иных факторов Россия попала в неверную «колею», и все, что происходит в стране сегодня и будет происходить и ныне, и присно, и во веки веков, лишь проецирует прошлое в настоящее и будущее России. Не так важно, стало ли таким «поворотным пунктом» наследие Золотой Орды, правление Ивана Грозного или другие события. Так, влиятельная концепция американского историка Ричарда Пайпса⁷⁰ интерпретирует всю историю России как укорененное господство патримониализма, ключевым проявлением которого стал неправовой произвол государственной власти по отношению к обществу. Неудивительно, что логическим следствием такого подхода стало представление о России и Советском Союзе как об «империи зла», получившее большой резонанс во времена холодной войны. Некоторые специалисты видят большую преемственность этого антидемократического и антимодернизационного «наследия прошлого» и применительно к сегодняшней России⁷¹.

Схожие аргументы присущи и авторам, склонным рассматривать Россию как базу «силовой» цивилизации, которая основана на насилии и геополитической экспансии (в противовес «правовой» цивилизации, сложившейся на Западе). Такая цивилизация, считают они, в принципе не совместима с

ценностями демократии и верховенства права⁷². Другие специалисты отмечали негативное воздействие «ленинского наследия» коммунистического правления⁷³, которое наложило непреодолимый культурный отпечаток на весь постсоветский путь. Это «наследие» сформировало особый социальный тип — агрессивного и озлобленного «советского человека», ориентированного на конформизм и приспособленчество, жаждущего не демократии, а «строгого, но справедливого хозяина».

Среднестатистический россиянин предстает в рамках этой теории явным поклонником «жесткой руки», безразличным к гражданским и политическим правам, нетерпимым к любым меньшинствам, в гробу видавшим частную собственность, стремящимся все «отнять и поделить» и готовым променять свободы на дешевую колбасу и сохранение привычного «порядка»⁷⁴. Следуя такой логике, можно утверждать, что граждане России сегодня имеют именно то, что они заслуживают, а именно — неправовой авторитарный порядок (ярким литературным персонажем, иллюстрирующим этот социальный тип, служит Шариков из повести Булгакова «Собачье сердце»)⁷⁵. В целом «наследие прошлого», по мнению «пессимистов», не поддается преодолению в ходе многочисленных попыток модернизации страны и обрекает Россию на заведомо недемократическую, неправовую и неэффективную траекторию своего развития.

Поскольку «наследие прошлого» определяет поведение отдельных граждан и общества в целом, то делается вывод, что авторитаризм в России демонстрирует свою неустранимость, несмотря на любые перемены, и его преобладание неизбежно закрепляется в политическом устройстве нашей страны на всех этапах ее развития. Поэтому все попытки навязать России демократизацию терпят крах.

Нет нужды говорить о том, что антидемократические тенденции в сегодняшней России всячески подпитывают «пессимистические» представления о причинах ее неудач,

лишний раз убеждая сторонников этого подхода в собственной правоте. В результате такая точка зрения становится все более устойчивой среди российских интеллектуалов. Но насколько оправданы аргументы тех, кто утверждает: во всех политических бедах России повинно непреодолимое «дурное наследие» ее истории и культуры? Основания для столь запелляционных суждений выглядят сомнительными. Во-первых, культурные барьеры на пути становления демократии не так уж непреодолимы: за последние десятилетия политические установки и ценности сильно меняются в разных странах и регионах мира.

Во-вторых, не стоит автоматически проецировать прошлые и нынешние образцы в будущее: даже если предположить, что россияне сегодня менее демократичны, нежели жители этих стран, то отсюда не следует, что точно так же будут обстоять дела через десятилетия.

В-третьих, само по себе «наследие прошлого» — это не столько объективно существующее явление, сколько феномен, специально сконструированный элитами для достижения своих политических целей (очень часто они включают в себя стремление сохранить статус-кво и не допустить демократических преобразований)⁷⁶.

В-четвертых, признание неспособности России к демократии может повлечь за собой далеко идущие политические последствия. Если признать, что ту или иную страну невозможно улучшить, поневоле придется прийти к выводу, что единственным решением проблем такой страны может оказаться ее полное уничтожение (подобно судьбе Советского Союза), либо введение на ее территории внешнего управления со стороны других, более эффективных и демократических государств. Нельзя исключить, что рано или поздно именно так и случится с Россией, но пока ни сама Россия, ни другие страны не готовы обсуждать перспективы такого рода.

Неудивительно, что историко-культурный детерминизм ряда «пессимистов» воспринимается критически: так, Сергей Гуриев даже сравнил такое восприятие России с расизмом⁷⁷, а автор этих строк в одном из выступлений охарактеризовал эти подходы как «теории "сраной Рашки"» (намеренно негативное определение, используемое некоторыми комментаторами в отношении России в социальных сетях и на форумах). Историко-культурные обоснования авторитаризма в России (и не только) уязвимы и логически, поскольку они попадают в перечень «остаточных категорий», к которым прибегают тогда, когда не удастся что-либо объяснить. Согласно им, демократия в России не может укорениться вследствие неблагоприятного «наследия», а заданная им траектория развития, в свою очередь, не может быть изменена в отсутствие демократии.

«ОПТИМИСТЫ»: В ОЖИДАНИИ УСТОЙЧИВОГО РОСТА

Если «пессимисты» видят Россию жертвой неизлечимой болезни «наследия» авторитаризма, то «оптимисты» смотрят на ее проблемы через совершенно иную оптику. Они считают, что Россия — «нормальная страна» с более или менее средними по мировым меркам показателями социально-экономического развития. А если так, то не следует и предъявлять к ней завышенных требований по части демократии, да и слишком переживать из-за ее нынешнего авторитаризма⁷⁸: на свете есть много государств, где дела обстоят много хуже. Если сравнить страны мира с учениками в школьном классе, то в глобальном измерении Россия — явно не «отличница» мировой политики, но и не безнадежная «двоечница». Да, не Дания, но и не Туркменистан, а, скорее, что-то вроде Аргентины, которая в начале XX века подавала большие надежды на международное лидерство, но после турбулентного периода с многочисленными сменами режимов от демократий к

диктатурам и обратно на нее все более или менее махнули рукой.

С этой точки зрения, *Россия — своего рода твердая «троечница», которая худо-бедно справляется с текущими заданиями, но шансов в обозримом будущем кардинально улучшить (как и ухудшить) свою «успеваемость» у нее немного. Такие страны очень чувствительны к негативному воздействию неожиданных внешних шоков, которые могут нанести им травмы, способные надолго ослабить организм.* И если для иных стран внешние шоки могут создать стимулы для модернизации, то в других они иногда способствуют упадку, надолго консервируя существующее положение дел.

Если исходить из этих соображений, Россия в процессе распада Советского Союза и после его завершения пережила своего рода посттравматический синдром в ходе «революционной» трансформации⁷⁹. Эти перемены сопровождались очень резким упадком административного потенциала государства и его институтов и даже ставили под вопрос само существование страны как таковой. Независимо от оценок распада СССР и его последствий, невозможно не учитывать, что развитие событий оказалось далеко не худшим из возможных — Россия в 1990-е годы обошлась без войн со своими соседями, и масштаб насильственных конфликтов внутри страны оказался меньше, чем можно было бы опасаться⁸⁰.

Авторитарные тенденции в России служили в 1990-е годы своего рода обезболивающим средством, которое предохраняло страну от полного краха, когда слабое российское государство на фоне очень длительного и глубокого трансформационного спада оказалось неспособно обеспечить устойчивое функционирование экономики и поддержание элементарного правопорядка⁸¹. С этой точки зрения российский авторитаризм был подобен швам или гипсовой повязке, которые на время позволяли срастись разорванным тканям и давали тем самым

травмированному организму время и шансы на то, чтобы укрепить свой потенциал для «выращивания» новых «правил игры», условия для которых возникали в процессе послереволюционной стабилизации. В этом свете авторитаризм в России предстает временным и преходящим явлением, аналогом «болезни роста», которая может надолго затянуться, но в среднесрочной перспективе при умелом лечении преодолима.

Такая интерпретация траектории развития российского государства в постсоветский период имеет под собой немалые основания. Крушение коммунистического режима и распад СССР повлекли за собой фрагментацию государственного устройства и «по горизонтали», и «по вертикали». Многочисленные исследовательские работы отмечали и «захват государства» «олигархами», и спонтанную узурпацию полномочий федерального центра регионами. Ряд регионов тогда представлял собой вотчины субнациональных лидеров. Были и другие патологии — например, вытеснение денежного обращения бартерными суррогатами и поддержание правопорядка с помощью криминальных группировок⁸².

В 2000-е годы, по мере того как российская экономика преодолела трансформационный спад, картина резко изменилась. Российское государство восстановило утраченный административный потенциал, и перечисленные выше явления оказались вытеснены на периферию или встроены в новую институциональную среду. Те же «олигархи» утратили контроль над «повесткой дня» и вынужденно заняли сугубо подчиненное положение в рамках новой системы отношений государства и бизнеса⁸³, региональные лидеры лишились многих рычагов власти при принятии решений и оказались в сильной зависимости от федерального центра⁸⁴, многие криминальные группировки были легализованы либо маргинализированы. На этом фоне реализованный в 2000-е годы консервативный сценарий постреволюционной стабилизации⁸⁵, предполагавший усиление авторитарных

тенденций, рассматривался как неизбежное временное отклонение от общих тенденций демократизации.

Казалось, он раздвигал для акторов временной горизонт, столь необходимый для успешного «выращивания» новых демократических институтов. Однако на деле усиление российского государства привело прежде всего к усилению чиновников, неподконтрольных обществу и использовавших власть как средство борьбы с политическими противниками и конкурентами в экономике. Многочисленные сопутствующие заболевания российской политики и экономики — способствующие авторитарным тенденциям эффекты ресурсного проклятия (для России — зависимость от экспорта нефти и газа)⁸⁶ и чрезвычайно высокий уровень коррупции — лишь усугубляли и затягивали посттравматический синдром, отодвигая перспективы консервативного лечения болезни.

В этих условиях «оптимисты» возлагали надежду на то, что устойчивый экономический рост в условиях авторитаризма может заложить основы для успешной демократизации в процессе смены поколений. Так произошло, к примеру, в Испании в последние десятилетия правления Франко⁸⁷. В 2000-е годы предположения о поэтапной демократизации страны по мере дальнейшего экономического роста казались вполне убедительными⁸⁸. Однако в 2010-е годы эти перспективы оказались исчерпаны, эффекты авторитаризма становились все заметнее, и казались уже не временными «отклонениями» России от магистрального пути перехода к демократии, а фундаментальными основаниями ее политического устройства. На этом фоне сами «оптимисты» меняли свои оценки, со временем становясь все большими «скептиками». Тот же Дэниел Трейсман, в первой половине 2000-х годов характеризовавший Россию как «нормальную страну», в конце 2010-х анализировал ее политическое развитие как случай «нового авторитаризма» в рамках разработанной им и Сергеем Гуриевым концепции «информационной автократии»⁸⁹.

Основаниями для нарастающего скептицизма служит тот факт, что ожидать нового ускоренного роста и развития в 2020-е годы России, по мнению большинства специалистов, заведомо не приходится. Поэтому рассчитывать на естественное преодоление авторитаризма в России в обозримом будущем нет никаких оснований. И даже если в перспективе многих десятилетий, если даже не веков, этот осторожный оптимизм в отношении воздействия экономического роста на политические перемены в России окажется оправданным, сегодня он скорее вызывает в памяти известные стихотворные строки Николая Некрасова: «Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе».

Слабое звено в рассуждениях «оптимистов» — некритическое восприятие механизмов, посредством которых экономическое развитие и государственное строительство влияют на политические преобразования. Хотя авторитарные тенденции подчас являются атрибутами слабых государств и кризисных экономик, само по себе восстановление административного потенциала государства и экономический рост не ведут «по умолчанию» к становлению демократии. Наоборот, есть основания полагать, что сильное государство и устойчивая экономика (пусть и медленно растущая, но не подверженная катастрофическим спадам, подобным тем, что Россия пережила в 1990-е годы) могут оказаться ничуть не менее опасны для демократии, нежели слабые государства и экономики: в этом случае речь идет о становлении препятствующего успешному развитию государства-хищника (predatory state)⁹⁰. Иначе говоря, *российский опыт дает основания предположить, что лекарство от посттравматического синдрома переходного периода в форме сильного, но не подотчетного гражданам авторитарного государства может оказаться гораздо опаснее недугов: при таком лечении «болезни роста» могут*

быстро и подчас необратимо перерасти в глубокие патологии.

«РЕАЛИСТЫ»: КОМУ ВЫГОДНО?

В отличие от «пессимистов» и «оптимистов», которые исходят из того, что политическая динамика зависит исключительно от структурных ограничений, «реалисты», не отрицая их роль, видят мир политики прежде всего как арену борьбы акторов — коварных и циничных политиков, стремящихся к завоеванию и удержанию власти любыми доступными им средствами. Такой взгляд на внутреннюю политику государств отчасти пересекается с «реалистическим» подходом в изучении международных отношений, связанным с анализом борьбы государств в сфере внешней политики⁹¹, но отличается от него во многих отношениях. Структурные ограничения, по мнению «реалистов», влияют на политическую борьбу акторов, но не служат единственным фактором, определяющим ее исход. В свою очередь, результат этой борьбы в конечном итоге определяет изменения политических режимов (или отсутствие таковых). Сами политические акторы далеко не всегда идейные сторонники диктатур. Они просто вынуждены бороться за политическое (а иногда и физическое) выживание в условиях, когда лишь один из участников конкуренции (в политике, бизнесе или на войне) выигрывает (по принципу «победитель получает все»). Остальные игроки проигрывают и несут те или иные потери (специалисты называют такие исходы «игрой с нулевой суммой»).

В такой ситуации с точки зрения интересов политических акторов идеальным политическим режимом оказывается диктатура (при условии, если они сами выступают в роли диктаторов или хотя бы участвуют в составе правящей «выигрышной коалиции»), а демократия, напротив, явное препятствие для достижения этих целей. Как отмечал Адам Пшеворский, «демократия — это система, при которой партии

(как и любые политики. — В. Г.) проигрывают выборы»⁹². Поэтому многие рациональные политики заинтересованы в том, чтобы создать такие «правила игры», которые максимально облегчат им монополизацию власти и максимально затруднят обретение власти для их конкурентов. Эту логику институционального строительства кратко сформулировал нобелевский лауреат Дуглас Норт: «институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»⁹³. Однако одним рациональным акторам удастся монополизировать власть всерьез и надолго, а другим нет.

В результате становление авторитаризма предстает результатом преднамеренных действий, которые можно уподобить отравлению политического организма. Странам, в которых давно сложились демократические «правила игры», порой удастся если не выработать иммунитет к такого рода «отравлениям», то хотя бы минимизировать их негативные эффекты. Даже если в консолидированных демократиях к власти на выборах приходят весьма одиозные и авторитарные политики (подобные тому же Трампу), превратить демократические режимы в авторитарные им, как правило, не удастся⁹⁴. Но странам, которые вынуждены создавать свои политические институты «с нуля» (как произошло после краха коммунизма), оказывается куда сложнее выработать эффективное «противоядие» самостоятельно.

В таких случаях авторитарное «отравление» может повлечь за собой устойчивые и длительные негативные побочные эффекты. Со временем в таких странах возникает своего рода «порочный круг»: по мере укоренения авторитаризма снижаются шансы на эффективность «противоядия», выработать иммунитет к «отравлениям» становится все труднее, и в итоге болезнь авторитаризма может так и остаться неизлечимой. *В ходе посткоммунистических преобразований в России (и не только) заинтересованные*

акторы сознательно и целенаправленно выстраивали выгодные для себя «правила игры», сплошь и рядом пытаясь максимизировать собственную власть и создать для своих конкурентов непреодолимые препятствия. В трех следующих главах книги мы разберем такие примеры несколько подробнее.

Представления «реалистов» о политическом процессе как о борьбе акторов за максимизацию власти опираются на давнюю традицию политической мысли от Никколо Макиавелли до Владимира Ленина (многие его тексты, а уж тем более практика деятельности могут служить учебным пособием по успешному захвату и удержанию власти). А наши современники Брюс Буэно де Мескита и Алистер Смит опубликовали «Руководство для диктаторов», написанное в духе «вредных советов» авторитарным политикам или в стиле рецептов из кулинарной книги (а говоря в духе «отравлений» — в стиле «всемирной истории ядов») ⁹⁵. На сходных основаниях будет построен и наш дальнейший анализ на страницах этой книги.

Мы не будем отрицать ни аргументов «пессимистов» о роли «наследия» российской истории и культуры, ни точки зрения «оптимистов» о влиянии экономического роста и государственного строительства на динамику политического режима в России. Но рассматривать эти аспекты мы будем как сопутствующие и в целом второстепенные факторы политического развития России, а не как главные причины, определившие постсоветскую политическую траекторию нашей страны с ее развилками, «зигзагами» и тупиками.

«Реалистический» подход не означает апологетики авторитаризма в России и в мире в целом с нормативной точки зрения (с точки зрения того, как должно быть). Эта книга написана с позиций позитивного анализа российского политического режима (с точки зрения того, как обстоят дела на самом деле). Не оправдывая и уж тем более не поддерживая «отравителей», нам необходимо понять их мотивацию и логику

поведения. Это позволит нам более грамотно объяснить, почему в разных ситуациях попытки «отравления» политических институтов приводят к различным исходам, каковы природа и механизмы действия «ядов» в мире политики и в целом, и в случае России. Такие объяснения позволят более обоснованно судить о том, есть ли у нашей страны шансы на эффективное «противоядие», и если да, то какими средствами необходимо исправлять последствия «отравления» страны постсоветским авторитаризмом? Однако такая постановка вопроса наталкивается на другие проблемы, которые необходимо разрешить прежде, чем мы перейдем к анализу российской политической динамики.

МЕХАНИЗМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Логика анализа, которой руководствуются «реалисты», также уязвима, поскольку она не позволяет объяснить, почему современный мир состоит не только из автократий той или иной степени репрессивности, но и из демократий. Хотя мировая политическая история по большей части представляет собой историю диктатур, современная мировая политическая карта все же выглядит совершенно иначе. С XIX века происходило постепенное (хотя и нелинейное) распространение электоральной демократии, а к концу XX века электоральные демократии стали наиболее распространенным типом политического режима в мире⁹⁶. Поэтому необходимо понять, почему в самых разных странах, несмотря на многочисленные препятствия со стороны автократов, происходила и сейчас происходит демократизация и почему она потерпела неудачу в постсоветской России.

У демократизации не существует одной-единственной причины. Можно лишь определить шансы той или иной страны быть демократией «в общем и целом», но нельзя предугадать, станет ли она демократией «здесь и теперь», а уж тем более спрогнозировать конкретные механизмы и временные рамки

процесса демократизации. Поэтому не приходится удивляться тому, что внезапные падения некоторых авторитарных режимов, создающие условия для демократизации, могут застать экспертов врасплох, как произошло и с «осенью народов» 1989 года (когда в течение нескольких месяцев один за другим рушились коммунистические режимы стран Восточной Европы), и с «арабской весной» 2011 года, когда пали авторитарные режимы в Тунисе, Египте и Ливии. Конечно, само по себе свержение диктатур отнюдь не гарантирует перехода к демократии, и Россия далеко не единственная страна, где на смену одному авторитарному режиму пришел другой. Поэтому имеет смысл говорить не о конкретных причинах и сценариях демократизации в каждой стране, а об общих механизмах и о факторах, способствующих или препятствующих успеху демократизации.

Хотя список факторов, способствующих демократизации тех или иных стран, довольно велик, лишь два из них считаются бесспорными. Прежде всего, это высокий уровень экономического развития (который обычно измеряется показателем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения) в сочетании с высокими показателями человеческого развития (включая уровень образования и здравоохранения) и сравнительно низким социально-экономическим неравенством⁹⁷. Политологи считают, что «чем богаче нация, тем больше у нее шансов быть демократией»⁹⁸. Кроме того, демократизация чаще всего более успешна в странах относительно гомогенных — однородных в этническом, религиозном или языковом отношении, не разделенных неразрешимыми конфликтами и не подверженных крайне пагубному воздействию сепаратизма⁹⁹. Да, в мире есть страны, демонстрирующие успешную демократизацию на фоне острых этнических и религиозных конфликтов и относительно низкого уровня социально-экономического развития (например, Индия), но они чаще

всего служат лишь исключениями, подтверждающими правило.

Механизмы демократизации выглядят намного более разнообразно. Прежде всего, в истории Европы, а позднее и Латинской Америки наиболее важной движущей силой демократизации выступала классовая борьба, подымавшая широкие массы граждан (прежде всего индустриальных рабочих, хотя и не только их) на активную борьбу за свои политические права. Логика классовой борьбы как важного инструмента демократизации обусловлена тем, что демократия экономически более выгодна народным массам, чем авторитаризм. Причины этого отчасти схожи с теми, по которым конкуренция производителей на рынке куда выгоднее для рядовых потребителей, чем монополия. Различные сегменты элит, борющиеся за голоса избирателей, вынуждены предлагать им различные блага по образцу конкурирующих сетей супермаркетов, привлекающих клиентов более низкими ценами и скидками на свои товары и услуги. Именно поэтому, как правило, *демократические режимы перераспределяют намного бóльшую долю ресурсов и благ в пользу экономически непривилегированных слоев общества, чем многие автократии*¹⁰⁰.

Поэтому демократизация в странах Западной Европы в XIX и в начале XX века представляла собой борьбу за поэтапное расширение доступа к избирательным правам для все новых слоев граждан. Изначально заведомо высокие имущественные и социальные цензы участия в выборах постепенно снижались и к окончанию Второй мировой войны были сняты почти повсеместно. Но эти изменения происходили не сами собой, они стали результатом весьма жесткого давления со стороны массовых общественных движений — прежде всего рабочего движения, возглавляемого профсоюзами, а в некоторых странах и женского движения (суфражисток).

Элиты вынуждены были идти на уступки этим движениям под угрозой массовых протестов, забастовок и революций. В известной мере демократизация ряда стран Западной Европы оказалась побочным продуктом классового конфликта, который в итоге был разрешен через политические компромиссы и перераспределение общественного богатства. Протесты со стороны массовых общественных движений стали мощной движущей силой демократизации и в Латинской Америке в 1970–1980-е годы, они сыграли очень важную роль и в крушении коммунистических режимов в некоторых странах Восточной Европы, прежде всего в Польше. Хотя лозунги, организационная основа и массовая база поддержки этих движений различались в разные эпохи во многих странах, у них есть общее. *Массовый общественный активизм в поддержку демократии служит важнейшим инструментом демократизации, однако далеко не всегда гарантирует ее успех.*

Как бы ни была значима для демократизации классовая борьба, стоит иметь в виду, что ключевым участником политических процессов являются элиты. Динамика политических режимов зависит от их конфигурации и от механизмов взаимодействия различных сегментов элит между собой и с обществом. Правящим группам в авторитарных режимах не всегда удается кооптировать сегменты элит, не согласные с проводимой ими политикой, в состав «выигрышных коалиций» или подавить их сопротивление силой. Поэтому зачастую, хотя и не всегда, конфликты элит приобретают неустрашимый характер, иногда выливаясь в затяжные и кровопролитные противостояния с применением насилия, вплоть до революций и гражданских войн.

Однако такие конфликты не могут длиться вечно, и зачастую элиты, имея немного шансов победить в борьбе по принципу «игры с нулевой суммой» и осознавая риски своего поражения, приходят к соглашению о «правилах игры», задающих рамки политической конкуренции. Тем самым они

фактически договариваются об установлении демократии. Такие договоренности могут оказаться неудачными: у сторон конфликта велик соблазн их нарушить. Поэтому соглашения элит, или «пакты», относительно редко приводят к устойчивой демократизации. Джон Хигли и Майкл Бартон насчитали всего лишь пару десятков успешных примеров «соглашений элит» в мире за всю историю Нового времени¹⁰¹.

Каноническим примером успешного «соглашения элит» служит «славная революция» в конце XVII века в Англии, механизм и последствия которой проанализировали Дуглас Норт и Барри Уэйнгаст. Правление монархии в Англии вплоть до середины XVII века представляло собой хищническую политику короны, которая поочередно меняла своих младших партнеров по «выигрышной коалиции», вступая в альянсы то с землевладельцами (тори), то с торговцами (виги), и по очереди облагая то одних, то других грабительскими налогами. Но когда английское государство столкнулось с фискальным кризисом, и король Карл I вынужден был одновременно обложить высокими налогами оба ключевых сегмента элит, в ответ возникла мощная коалиция негативного консенсуса, включавшая и тори, и вигов, которая общими усилиями свергла монархию.

После этого страна погрузилась в глубокий хаос, который Томас Гоббс обозначил как «войну всех против всех». На протяжении последующих десятилетий попытки и установления диктатуры, и реставрации монархии не смогли разрешить конфликт элит. Ни тори, ни виги не хотели восстановления прежних порядков, но при этом и не доверяли друг другу. Никто из них не был заинтересован и в продолжении конфликта, и в бесконтрольном насилии. Лишь спустя почти полвека после начала противостояния им удалось прийти к компромиссу, который предполагал ограничение фискальной политики короны со стороны парламента и введение представительного правления посредством конкурентных выборов (с поправкой на то, что избирательные

права тогда были предоставлены лишь тонкой прослойке зажиточных англичан).

Так начался долгий, но в целом относительно мирный процесс демократизации Англии, способствовавший ее успешному экономическому развитию¹⁰². Сходная логика лежала в основе «пакта Монклоа» в Испании, который в 1977 году после смерти Франко заключили между собой наследники прежних сторонников и противников авторитарного режима, оказавшихся по разные стороны линии фронта в кровавом противостоянии гражданской войны 1930-х годов: Испания довольно быстро и вполне успешно освоила демократические «правила игры»¹⁰³.

Не всякие пакты и соглашения элит способствуют демократизации. Очень часто речь идет о тактическом альянсе различных сегментов элит, призванном исключить из состава «выигрышных коалиций» аутсайдеров и сохранить статус-кво: по сути, речь идет о своего рода картельных соглашениях по разделу политического рынка. В этом отношении значимость «пактов» не стоит преувеличивать. Но если и когда за участниками этих соглашений стоят акторы, опирающиеся на поддержку массовых движений, и если их участники понимают, что добиться одностороннего перевеса им все равно не удастся, то «пакты» могут становиться действенными механизмами демократизации.

Так, «Круглый стол» в Польше в 1989 году завершился официальным соглашением между представителями коммунистического режима, с одной стороны, и оппозицией во главе с движением «Солидарность», с другой. Оно открыло дорогу к проведению конкурентных выборов и стало важнейшим шагом на пути демократизации Польши. Но этому соглашению предшествовали девять лет тяжелого противостояния между властями и «Солидарностью», включавшего в себя введение военного положения, арест лидеров оппозиции, острый кризис в экономике и управлении

страной, справиться с которым коммунистические лидеры были не в состоянии¹⁰⁴.

В ряде случаев важную роль в демократизации отдельных стран может сыграть влияние со стороны иностранных государств и международных организаций. Международное воздействие на внутривластные процессы может осуществляться с позиции силы (демократизация Западной Германии и Японии после Второй мировой войны была фактически навязана США и их союзниками). Но часто навязанная демократизация не приводит к успеху: опыт Ирака после американского вторжения и свержения режима Саддама Хусейна в 2003 году повлек за собой дискредитацию идей «продвижения демократии». Более того, в период холодной войны глобальное противостояние США и СССР препятствовало демократизации многих стран Третьего мира: обе мировые сверхдержавы выступали в роли своего рода «черных рыцарей», которые покровительствовали одиозным авторитарным лидерам, присягавшим на верность своим зарубежным патронам в обмен на поддержку с их стороны.

После окончания холодной войны политический климат в мире кардинально изменился. Многие репрессивные авторитарные режимы утрачивали поддержку, в то время как демократические «правила игры» со временем становились общепризнанной нормой. Отчасти это было связано с тем, что «гегемонный» авторитаризм утратил привлекательность. В современных условиях глобализирующегося мира сохранять неизменными диктаторские режимы в течение очень долгого периода удастся странам, обладающим большими запасами природных ресурсов (например, страны Персидского залива), и странам, способным опираться на поддержку нынешних «черных рыцарей» (в этой роли все чаще выступает Китай, а на постсоветском пространстве и Россия). Авторитарным лидерам приходится приспособливаться к меняющейся международной среде и прилагать немало усилий для создания и поддержания «фасада», который напоминает демократические институты и

призван замаскировать суть диктатур, то есть создавать и поддерживать электоральный авторитаризм¹⁰⁵.

Главный фактор международного влияния на демократизацию в современном мире — привлекательность развитых демократий. Они сочетают высокий уровень социально-экономического развития и верховенства права, что делает их нормативными образцами для подражания для многих стран. Далеко не все авторитарные режимы могут противопоставить им альтернативы, столь же привлекательные в глазах как элит, так и общества в целом. Принято считать, что чем более развиты и устойчивы экономические, торговые, информационные, миграционные и образовательные взаимосвязи (linkages) между теми или иными авторитарными странами, с одной стороны, и США и Европейским союзом, с другой, тем меньше шансов у авторитарных режимов на выживание в среднесрочной перспективе. В свою очередь, США и ЕС также оказывают на эти страны целенаправленное воздействие, используя различные рычаги влияния (leverages) в форме финансовой помощи, консультаций, программ содействия развитию и т.д.¹⁰⁶

Не стоит видеть эти взаимодействия сквозь призму «теории заговора» и полагать, что «демократическое влияние Запада» состоит в том, что коварные американцы и европейцы руками своих наймитов свергают легитимные режимы в неудобных им странах, приводя к власти своих послушных марионеток. ***Международное воздействие может выступить важным дополнением к внутриполитическим условиям демократизации, но неспособно их заменить.***

Успешным примером международного воздействия на процессы демократизации стала политическая эволюция стран Восточной Европы после краха коммунизма. Стремление стать частью «Большой Европы» было присуще и гражданам этих стран, и значительной части элит. В то же время Европейский союз обуславливал перспективы последующего вступления стран Восточной Европы в свои ряды выполнением целого ряда

условий, предполагавших демократизацию и движение в сторону верховенства права. Эта практика оказалось успешной. Под воздействием европейцев произошла демократизация, к примеру, в Хорватии, вступившей в ЕС, а несколько позже Сербия, развязавшая серию кровопролитных войн на территории бывшей Югославии, свергла режим автократа Слободана Милошевича, сдала бывшего лидера в международный суд в Гааге и приняла многие европейские «правила игры». В сходном ключе можно рассматривать и смену режимов в Грузии (2003) и в Украине (2004 и 2014), хотя здесь взаимное влияние внутривластных и международных факторов оказалось более сложным.

Наконец, начало процессам демократизации вольно или невольно могут положить сами авторитарные лидеры, если они принимают решения под воздействием идеологии — системы убеждений, верований и ценностей, определяющих представления о должном и сущем. Такие шаги порой приводят их к непреднамеренным и даже нежелательным для них самих, но неустранимым последствиям. Ярким примером такого сценария может служить советский лидер Михаил Горбачев.

В 1985 году, придя на пост генерального секретаря ЦК КПСС, он избрал курс на построение в стране «гуманного демократического социализма», за несколько лет полностью переформатировал «выигрышную коалицию» в своем окружении, начал непродуманные и непоследовательные экономические преобразования и либерализацию общественной жизни и ослабил цензуру в СМИ, опираясь на изначально высокую массовую поддержку своих начинаний. Но уже в ходе первых частично конкурентных парламентских выборов, которые прошли весной 1989 года, случилось непредвиденное: вместо того чтобы способствовать плавному обновлению коммунистического режима, граждане начали требовать его полного демонтажа, и процесс политических реформ в стране вышел из-под контроля правящих групп (специалисты назвали эти выборы «опрокидывающими»)¹⁰⁷.

Процесс демократизации пошел дальше, оставив Горбачева на обочине политического развития, а сам он, искренне веривший в свои идеи (и сохранивший эту веру по сей день), потерпел сокрушительное поражение. Лидер советской сверхдержавы лишился власти, а страна, которую он возглавлял, прекратила существование всего через шесть с небольшим лет после начала реформ. Как бы ни расценивался опыт реформ Горбачева, он говорит о том, что идеология может иметь значение для демократизации, хотя сама по себе она отнюдь не обеспечивает ее успех.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ: ПОЧЕМУ У РОССИИ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ?

Если проанализировать траекторию политической динамики посткоммунистической России с точки зрения влияния различных факторов и механизмов демократизации, перед нами предстанет более чем противоречивая картина. Казалось бы, в России налицо все факторы успешной демократизации. Россия по мировым критериям относится к числу экономически развитых стран, с относительно высоким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения¹⁰⁸ и потенциалом человеческого развития, да и уровень социально-экономического неравенства, хотя и заметно вырос в постсоветский период¹⁰⁹, не сравним с тем разрывом в доходах и социальных возможностях, который отмечается во многих демократических странах Латинской Америки, где (за редкими исключениями) демократия за последние десятилетия вполне укоренилась.

Далее, Россия — достаточно гомогенная страна в этническом и религиозном отношении: примерно 80% ее населения — русские, потенциал для конфликтов на национальной и религиозной почве относительно невысок (за исключением Северного Кавказа), да и сепаратистские тенденции нигде, кроме того же Северного Кавказа, не

создавали неустрашимых вызовов единству страны. В России нет оснований для таких конфликтов в масштабах страны, которые могли бы поставить непреодолимый барьер на пути ее демократизации. Более того, нельзя утверждать, что российские граждане явно отвергают демократические институты (конкурентные выборы и свободу медиа): результаты массовых опросов не дают оснований для суждений такого рода¹¹⁰. Но при этом ни один из механизмов демократизации в постсоветский период российской истории так и не сработал, и на практике в стране наблюдались совершенно иные политические тенденции. Есть несколько факторов, объясняющих эту нехарактерную политическую динамику.

Первый фактор: массовое общественное участие после распада СССР не играло первостепенной роли в российской политике, за исключением отдельных всплесков протестной мобилизации (как в ходе выборов 2011–2012 годов). И хотя период 1989–1991 годов в нашей стране был отмечен крупномасштабной массовой мобилизацией населения против власти КПСС и довольно мощной волной протестных движений¹¹¹, после распада СССР она быстро сошла на нет, не оставив заметного следа. Даже очень глубокий и длительный трансформационный спад в российской экономике 1990-х годов не вызвал значительных по масштабу проявлений массовой протестной мобилизации против политики правительства России. Более того, Грэм Робертсон, проанализировав данные ведомственной статистики МВД России о масштабах забастовок в различных регионах страны во второй половине 1990-х годов, сделал вывод, что наибольшее влияние на размах протестов тогда оказал не спад жизненного уровня россиян и не задержки с выплатой зарплат и пенсий, а конфликты между федеральным центром и главами регионов России. Немалая часть забастовок была инспирирована и поддержана региональными властями в

качестве средства «выбивания» из Москвы выплат по многочисленным долгам, а массовое участие служило не более чем инструментом в конфликте элит¹¹².

Российским властям в целом успешно удается справляться с различными проявлениями общественного недовольства¹¹³ (например, с экологическими движениями в разных регионах страны) — они локализуют протесты на местном уровне и не допускают их разрастания в масштабах страны, тем самым блокируя переход отдельных требований общественных движений на уровень массовых призывов к реформе политической системы (как было в СССР в 1989–1991 годах). За исключением событий 2011–2012 годов, о которых будет сказано в главе 5, политический протест в России долгое время оставался уделом лишь тонкого слоя «несогласных» активистов, не оказывавших заметного воздействия на политический процесс в стране.

Второй фактор: в постсоветской России не возникло никаких условий для «соглашений элит» по образцу «пакта Монклоа» или польского «Круглого стола». В 1990–1991 годах идеи таких соглашений, которые высказывали представители нарождавшейся оппозиции, были отвергнуты правящей группой во главе с Горбачевым¹¹⁴. После краха коммунистического режима и распада СССР у новых российских лидеров, как показано в главе 3, стимулы к компромиссам тоже не возникли. Когда в 1992–1993 годах в России разгорелся конфликт между президентом Ельциным и Съездом народных депутатов (так назывался в 1990–1993 высший орган государственной власти РСФСР, а затем РФ) и Верховным Советом России, обе стороны конфликта не стремились к тому, чтобы разрешить его путем соглашения о новых демократических «правилах игры». Они боролись за свою победу по принципу «игры с нулевой суммой».

В конечном итоге конфликт именно так и закончился в октябре 1993 года, когда Ельцину удалось подавить своих

противников с применением силы. Позднее о каких-либо «соглашениях элит» как о механизме демократизации страны речи уже не шло. Напротив, различные неформальные (а порой и формальные) компромиссы различных сегментов элит представляли собой тактические сделки, «картельные соглашения» по разделу политического рынка, предполагавшие включение части их участников в состав «выигрышных коалиций» на второстепенных ролях. Эти механизмы играли довольно важную роль в поддержании статус-кво российского политического режима, но не имели отношения к демократизации и во многом препятствовали ей.

Третий фактор: независимо от того, нравится ли это кому-либо или нет, международное влияние на политические процессы в России на протяжении всего постсоветского периода было, да и остается весьма незначительным и, скорее всего, останется таковым и в будущем. Во многом это связано с тем, что страну с очень крупной территорией, большой численностью населения, высоким экономическим и военным потенциалом трудно представить в качестве государства, которое проводит внутривнутриполитический курс под сильным внешним давлением. Тем более что даже в 1990-е годы, когда страна остро нуждалась в международной финансовой и экономической помощи, политика западных стран и международных организаций (таких как Международный валютный фонд) в отношении России была достаточно противоречивой и непоследовательной¹¹⁵, а начиная с 2000-х годов российские власти взяли курс на изоляцию страны от внешнего влияния в политике.

Проблема международного влияния на российскую политику не ограничивается слабостью рычагов воздействия Запада. На нормативном уровне образ многих стран Западной Европы как пример высокого уровня экономического развития и социальных гарантий остается привлекательным и для значительной части российских элит, и для российского

общества в целом. *Но если в период перестройки многим россиянам казалось, что для того, чтобы жить «как на Западе», им достаточно будет пройти через краткосрочный, пусть и тяжелый период реформ, то со временем стало понятно, что преодоление этого разрыва невозможно при жизни нынешнего поколения.* Разрыв в уровне развития посткоммунистических стран Европы и их западных соседей оказался слишком велик¹¹⁶. Неоправданные иллюзии сменились глубоким разочарованием, сочетавшимся с многочисленными постимперскими комплексами, которые ярко проявили себя в России после распада СССР и усилились в 2010-е годы после аннексии Крыма.

Хотя привлекательной альтернативы Западу как нормативному образцу в России за три десятилетия выстроить так и не удалось, мысль о том, что альтернативы будущего развития России сводятся к ее превращению либо в восточную провинцию Европы, либо в западную провинцию Китая¹¹⁷, в нашей стране воспринимается с большим трудом. В результате отношение к привнесенным с Запада «правилам игры» в России напоминает «бунт на коленях». Российские власти, особенно в 2000-е годы, по большей части осуществляли имитацию западных «правил игры», пытаясь закамуфлировать признаками внешнего сходства авторитарную природу парламента, избирательной и партийной систем, федерализма и других институтов. Такая стратегия, которая отчасти носила вынужденный характер, наряду с довольно эффективной пропагандой успешно поддерживает российский электоральный авторитаризм, несмотря на ее многочисленные сбои.

На этом фоне правительства США и стран ЕС вели и продолжают себя вести по отношению к России достаточно сдержанно, не имея ни возможностей, ни стимулов для более активной политики. Что бы ни говорили многочисленные критики, влияние Запада на внутривнутриполитические процессы в России в 1990-е годы было не слишком велико. С одной

стороны, о крупномасштабной международной помощи для России, которая даже отдаленно напоминала бы американский «план Маршалла» для Западной Европы после Второй мировой войны, речи не шло. С другой стороны, вопреки разговорам о длинной руке «вашингтонского обкома», страны Запада предоставили внутривнутриполитическим процессам в России идти своим чередом.

В 2000-е годы, когда потребность России в помощи Запада утратила актуальность, а стремление изолировать страну от чуждого влияния возросло, правительства США и стран ЕС сосредоточились почти исключительно на экономических вопросах (поставки газа в Европу) и военно-политических проблемах (ядерные вооружения), сведя к минимуму свою поддержку в России демократических институтов и прав человека, а затем и образовательных программ. А после 2014 года, когда Россия вступила в затяжной конфликт со странами Запада, сопровождавшийся санкциями и контрсанкциями, шансы для целенаправленного воздействия на российскую внутреннюю политику снизились почти до нуля. Подытоживая, можно утверждать, что внутривнутриполитические процессы в России зависят по преимуществу от внутренних факторов, хотя и международный контекст не стоит полностью списывать со счетов.

Наконец, четвертый фактор: идеологические мотивы и связанные с ними ценности, верования и представления не оказали значимого воздействия на политические стратегии и шаги ключевых российских политических фигур после распада СССР. Многие специалисты и аналитики в своем воображении склонны наделять россиян некими особыми «духовными» чертами, противостоящими постылой западной рациональности. Но на практике российские политики после распада СССР гораздо чаще вели себя, рационально калькулируя издержки и выгоды своего поведения и минимизируя риски в условиях неопределенности.

Стивен Хэнсон, который сравнивал роль идеологии в становлении партийных систем в постимперских государствах, пришел к выводу, что российские политики постсоветского периода были мало привержены декларируемым ими идеологическим предпочтениям, что пагубно отразилось и на партийном строительстве в стране¹¹⁸.

Немалую роль в упадке идеологической политики сыграло не только «наследие» позднесоветской эпохи, глубоко дискредитировавшей само слово «идеология», но и опыт периода перестройки, когда инициированные Горбачевым под воздействием идеологии попытки обновления советской политической системы в итоге привели к ее полному коллапсу. ***Над постсоветскими политиками в России словно витало «проклятие Горбачева»: пережив распад СССР, они извлекли для себя уроки: верить во что-либо опасно для карьеры; искреннее следование своим убеждениям ведет к потере власти, а наиболее важные ценности могут быть выражены лишь в долларах или евро.*** Идеология призвана расширять временные горизонты своих сторонников, но политические акторы в постсоветской России главным образом мыслили краткосрочными категориями, ставя перед собой (и подчас успешно решая) текущие тактические задачи. Об идеологии демократизации в этих условиях всерьез могли рассуждать лишь политические аутсайдеры, не обладавшие властью и не имевшие никаких шансов к ней прийти.

Итак, хотя многие объективные факторы способствовали демократизации посткоммунистической России, политические механизмы препятствовали этому процессу, задавая соответствующие стимулы для акторов. Низкая вовлеченность масс в политику, отсутствие условий для договоренностей элит о демократизации, слабое международное влияние и невысокая приверженность российских политиков декларируемым идеологиям воздвигали высокие барьеры на пути движения России к демократии, в то время как барьеры на пути строительства авторитаризма оказались крайне

низкими. Такие условия увеличивали шансы на безнаказанное «отравление» российской политической системы, создание «правил игры» под себя и в интересах коварных и циничных политиков, которые стремились к максимизации собственной власти.

Этими возможностями, что называется, было грех не воспользоваться. И если после падения коммунистического режима и краха СССР демократия в России на время стихийно сложилась «по умолчанию», то вскоре авторитарные тенденции в стране стали нарастать в результате вполне сознательных, последовательных и целенаправленных усилий со стороны политических лидеров и участников «выигрышных коалиций». Именно эти усилия и ограничения, на которые они наталкивались, и обусловили ту траекторию политического развития, которую демонстрировала Россия в последние три десятилетия.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ПУТЬ В ТУПИК

Успешное строительство авторитарных режимов и обеспечение их выживания — задача куда более сложная, чем успешное строительство демократий. Потенциальные автократы, стремящиеся захватить и длительное время удерживать собственную монополию на власть, вынуждены одновременно решать три взаимосвязанные задачи. Во-первых, они должны если не полностью избавиться от вызовов со стороны политических конкурентов и сограждан, то минимизировать эти риски. Во-вторых, они должны предотвратить угрозы, исходящие от тех сегментов элит, которые стремятся захватить господство разными способами (начиная от военных или «дворцовых» переворотов и заканчивая присоединением к оппозиции, которая выступает против режима).

Эти задачи решаются с помощью двух ключевых инструментов в руках автократов — «кнута» и «пряника». Важнейшими механизмами, посредством которых

поддерживается авторитарное господство, служат силовое подавление (репрессии), с одной стороны, и кооптация (включение части потенциальных конкурентов в состав «выигрышной коалиции»), с другой. Наконец, в-третьих, для обеспечения устойчивости режима автократы должны эффективно использовать инструменты управления, опираясь в разных сочетаниях на государственный аппарат (бюрократию), армию («силовиков») или доминирующую партию. Многие авторитарные режимы сталкиваются с вызовами как в случае, если они управляют своей страной крайне неэффективно и доводят ситуацию до полного упадка, так и в случае, если в результате успешного развития и роста экономики в стране усиливаются требования ее демократизации¹¹⁹. Постсоветскому авторитарному режиму пока удается успешно решать эти задачи.

Российский авторитаризм, основания которого сложились в 1990-е годы и оформились в 2000-е, смог достичь консолидации в 2010-е, используя несколько механизмов. Прежде всего, он смог адаптировать к своим нуждам весь набор созданных в 1990-е годы демократических институтов (выборы, парламент, партийная система, конкурентные выборы), поддерживая их форму, но всячески выхолащивая или извращая их содержание. Такая практика «потемкинской демократии»¹²⁰ призвана обеспечить не только внешнеполитическую мимикрию, но и кооптацию реальной или потенциальной оппозиции, да и общества в целом.

Российский политический режим не был, да и сегодня (пока что) не является высокорепрессивным: он обеспечивает большинству своих граждан немалый набор индивидуальных, да и гражданских, свобод, но при этом серьезно ограничивает их политические свободы. Политические преследования противников режима по большей части имеют «точечный» характер и применяются скорее в отношении конкретных лиц и организаций, а не широкого неопределенного круга лиц. Такой подход, как мы обсудим в главе 5, отчасти служил

репликой нормативных идеалов позднего СССР, но он использовался и прагматически, позволяя минимизировать риски внутривнутриполитических конфликтов и решать задачи «мимикрии» и кооптации.

Еще одной важной чертой российского политического режима стало весьма низкое качество государственного управления, которое я ранее охарактеризовал как «недостойное правление»¹²¹. Детальное обсуждение этих аспектов могло бы увести нас далеко в сторону от основного сюжета книги, но важно подчеркнуть, что извлечение ренты и высокий уровень коррупции на фоне низкого качества государственного регулирования — не просто «дефекты» российского политико-экономического порядка, а его ключевые и фундаментальные основания. Грубо говоря, можно утверждать: ***российские правящие группы управляют страной для того, чтобы расхищать ее как можно дольше и как можно больше.***

В силу этого лояльность авторитарному режиму оказывается выгодна с точки зрения доступа к извлечению ренты, а правящие группы успешно используют этот «пряник» для вознаграждения своих сторонников. Напротив, нелояльность может стать основой для жестких селективных репрессий в отношении как противников режима, так и представителей правящих групп¹²². Электоральный авторитаризм в России создает питательную среду для «недостойного правления» в гораздо большей мере, чем многие другие типы авторитарных режимов, включая советский. Хотя политико-экономический порядок «недостойного правления» — большое препятствие для экономического роста и развития страны, в политическом плане он выступает важным инструментом поддержания статус-кво.

Почему и как был создан авторитарный режим в посткоммунистической России? Почему и как он менялся со временем, почему и как он может измениться в будущем? Развернутый ответ на этот вопрос будет представлен в

последующих главах книги, однако в самом общем виде он выглядит так.

Когда в 1991 году произошли крушение коммунистического режима и распад СССР, это не означало, что в России сама собой установилась демократия. Демократические институты (конкурентные выборы, формировавшиеся новые политические партии) возникли в стране еще в последние годы СССР, на волне демократических преобразований, которые были инициированы Михаилом Горбачевым. Они сохранились после смены режима «по умолчанию», но от этого не стали «правилами игры», признанными российскими элитами и массами в качестве единственно возможных и неустрашимых. В этот период Россия столкнулась с другими проблемами, которые воспринимались куда острее, чем строительство демократии.

Страна оказалась в крайне тяжелом экономическом кризисе, который был вызван непродуманной и непоследовательной политикой советского руководства в предшествующие годы¹²³. Помимо этого, российское федеративное устройство, сложившееся во времена СССР, находилось в «подвешенном» состоянии; угроза сепаратизма и этнополитических конфликтов на территории России была велика, и риски распада страны рассматривались как вполне реальные¹²⁴. Неудивительно, что в такой ситуации российские лидеры не имели сильных стимулов к дальнейшей демократизации страны. Строительство новых демократических институтов как минимум не было их приоритетом. Более того, придя к власти в ходе распада советской системы, они отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы по доброй воле создавать условия для конкуренции за голоса избирателей.

Сложившаяся в России в ходе распада Советского Союза в 1991 году «выигрышная коалиция» оказалась непрочной. Вскоре на фоне глубокого экономического спада и высокой инфляции возник острый конфликт российских элит, которые

группировались вокруг Бориса Ельцина, с одной стороны, и вокруг Съезда народных депутатов и Верховного Совета России, с другой. Их разногласия по экономическим вопросам быстро переросли в жесткую борьбу за захват позиции доминирующего актора. Но соотношение сил было заведомо неравным: Ельцин обладал куда большими ресурсами, чем его противники, он пользовался более высокой массовой поддержкой и был способен подавить своих конкурентов.

После того, как Ельцин объявил о роспуске парламента, а тот отказался подчиниться и объявил ему импичмент, здание парламента подверглось обстрелу из танковых орудий, и противники Ельцина вынуждены были сдаться. Исход конфликта по принципу игры с нулевой суммой («победитель получает все») привел к тому, что Ельцин вскоре добился принятия на референдуме своего проекта Конституции страны. Главной особенностью новой Конституции стал весьма широкий объем полномочий главы государства и отсутствие сбалансированной системы сдержек и противовесов.

Вместе с тем принятие новой Конституции в декабре 1993 года отнюдь не означало, что российская «демократия по умолчанию» сменилась «авторитаризмом по умолчанию». Хотя Ельцин обрел большой объем полномочий, его политической монополии препятствовали слабость российского государства и его фрагментация на федеральном и региональном уровнях и глубокий и длительный экономический спад, помноженный на низкий уровень поддержки президента. Эти причины обусловили дальнейшую фрагментацию российских элит, и «выигрышная коалиция» вокруг Ельцина распалась на несколько конкурирующих клик. В этих условиях Ельцин вынужден был прибегнуть к кооптации ряда политических акторов «второго эшелона», в том числе части своих бывших оппонентов.

Несколько региональных лидеров, готовых обменять лояльность Ельцину на различные блага, подписали двусторонние договоры с федеральным центром о

разграничении полномочий (согласно этим договорам, регионы получили значимые привилегии в части налогов и прав собственности). Отдельные бизнесмены смогли получить контроль над прибыльными государственными предприятиями. Оппозиционные партии и политики тоже опасались выступить против режима, в целом они не создавали угрозы его подрыва. Однако цена президентских выборов 1996 года для Ельцина и его окружения была крайне высока: их проигрыш повлек бы за собой как минимум потерю власти, если не угрозу преследования.

Накануне выборов вероятность поражения Ельцина казалась очень высокой, ставя под вопрос гарантии его личной безопасности. Организаторы кампании Ельцина всерьез рассматривали варианты отмены выборов или непризнания их результатов в случае поражения, и даже пытались осуществить новый роспуск парламента. Однако цена выживания правящей группы путем отказа от выборов и силового подавления конкурентов была слишком высока: это могло усилить конфликт элит еще глубже, чем в 1993 году, и повлечь за собой непредсказуемые последствия. В конце концов, команда Ельцина вынуждена была добиваться сохранения статус-кво любой ценой. Выборы прошли явно несправедливо, однако они не встретили сопротивления со стороны оппозиции, которая признала их итоги. Так был сделан еще один шаг в сторону от электоральной демократии.

После президентских выборов наспех сколоченная «выигрышная коалиция» сторонников Ельцина снова распалась: ее участники, обретя дополнительные ресурсы, вступили в новый раунд конфликтов. Они вспыхнули между актерами, претендовавшими на то, чтобы прийти к власти на смену Ельцину. В преддверии очередного цикла выборов 1999–2000 годов стихийно сложившаяся новая коалиция из числа региональных лидеров и «олигархов» была готова к захвату позиции доминирующего актора, пытаясь победить на (вынужденно) конкурентных выборах.

Этому сценарию препятствовало соотношение сил, которое стихийно сложилось в ходе «войны за ельцинское наследство». Сторонники передачи власти от Ельцина к Владимиру Путину, обозначавшиеся в российском политическом сленге термином «семья» (в нее входили члены семьи Ельцина и связанные с ними лица), смогли привлечь на свою сторону разные группы элит, игравшие ключевую роль в борьбе. Одержав победу на выборах и заняв пост президента весной 2000 года, Путин не просто захватил позицию доминирующего актора, но и смог добиться монополизации власти, которая Ельцину не могла даже присниться. Для этого он приложил немалые усилия по четырем ключевым направлениям: нейтрализовал конкурентов, реформатировал «выигрышную коалицию», обеспечил себе поддержку общества и изменил «правила игры».

Слабость государства и неэффективность режима в 1990-е годы не позволяли поддерживать устойчивость «картельных соглашений» российских элит. Они весьма быстро распадались, а их участники выходили из-под контроля доминирующего актора, неспособного обеспечить собственный контроль. Путин смог резко изменить эти условия в свою пользу. Благодаря в целом успешной силовой операции в Чечне и рецентрализации управления страной Путин смог восстановить административный потенциал государства. Высокие нефтяные цены и проведение ряда реформ обеспечили ежегодный экономический рост на уровне 6–8% вплоть до глобального кризиса 2008 года.

Безусловная победа на президентских выборах давала Путину карт-бланш на любые шаги во внутренней политике, и он воспользовался этими возможностями, чтобы урезать автономию подчиненных акторов. Государственная Дума поддерживала большинство президентских законопроектов, созданная Кремлем «партия власти» «Единая Россия» смогла взять под контроль большинство мест в нижней палате парламента. Лидеры ряда регионов, которые прежде почти

бесконтрольно распоряжались своими «вотчинами», оказались серьезно ограничены, а в верхней палате парламента их сменили назначенные чиновники.

Одновременно Путин начал атаки на независимые СМИ. Многие из них вскоре оказались вынуждены прибегнуть к самоцензуре, а критиковавший его телевизионный канал НТВ перешел под контроль «Газпрома». «Олигархам» вскоре было сделано «предложение, от которого невозможно отказаться». Путин заявил о «равноудаленном» подходе государства к бизнесу в обмен на его отказ от влияния на принятие важнейших политических решений. Несогласные с этим предложением «олигархи» были подвергнуты преследованиям. В течение нескольких лет после прихода к власти Путин установил полный контроль над «выигрышной коалицией» и смог ослабить всех своих реальных и потенциальных конкурентов.

Вскоре Путин как доминирующий актер сконцентрировал контроль над таким большим объемом ресурсов, что смог без особых усилий подавлять своих оппонентов. В 2003 году с согласия Путина глава крупнейшей российской частной нефтяной компании ЮКОС Михаил Ходорковский был обвинен в уходе от уплаты налогов и других нарушениях закона, а вскоре — осужден на длительный срок. Его бизнес захватила государственная компания «Роснефть». Тогда же «Единая Россия» получила свыше двух третей мандатов в Государственной Думе, после чего остальные партии утратили значение.

В 2004 году по инициативе Путина были отменены всеобщие выборы глав исполнительной власти регионов: они стали фактически назначаться по предложению президента. Реформа партийной системы, которая ужесточила правила регистрации политических партий, и изменения избирательной системы (повышение заградительного барьера для партий до 7%) резко усугубили положение оппозиции в России, исключив любую нелояльность Путину со стороны

официально зарегистрированных партий. Уже к 2007 году «Единая Россия» включила в свои ряды большинство губернаторов, ее поддерживали многие влиятельные представители бизнеса, и партия претендовала на господство на политической арене страны в среднесрочной перспективе¹²⁵. Эти шаги уже не просто уводили Россию все дальше от демократии, но все сильнее продвигали ее по пути строительства авторитаризма.

Авторитарное институциональное строительство 2000-х годов в России было призвано не только закрепить статус-кво, но и исключить любые возможные альтернативы, сделав их цену для всех потенциальных «несогласных» за пределами высокой. Даже исчерпание срока президентских полномочий Путина в 2008 году прошло довольно безболезненно. Он передал пост главы государства своему лояльному преемнику Дмитрию Медведеву, который не имел ни стимулов, ни ресурсов для существенных изменений статус-кво. Сам Путин занял пост премьер-министра России. Именно в период президентства Медведева были приняты поправки в Конституцию, которые продлевали срок полномочий президента и Государственной Думы и были направлены на сохранение режима электорального авторитаризма в неизменном виде. Более того, по признанию Медведева, они с Путиным заранее договорились о том, что, пробыв на президентском посту один срок, Медведев уступит этот пост Путину, а сам займет должность премьер-министра. Эта «обратная замена» была анонсирована накануне парламентских выборов осенью 2011 года.

Намеренно осуществлявшееся в 2000-е годы систематическое «отравление» российских политических институтов привело к тому, что российские правящие группы закрепили свое монопольное положение, минимизировав риски для участников «выигрышной коалиции». Таким образом, тяжелые «детские болезни» российского

политического режима периода 1990-х годов в результате этих усилий переросли в хронические заболевания.

В 2010-е годы российский авторитарный режим вступил в стадию своей консолидации. Хотя на парламентских выборах 2011 года «Единая Россия», неожиданно и для самой правящей группы, и для представителей оппозиции, согласно официальным данным, набрала лишь 49,3% голосов избирателей. Многочисленные данные говорили, что реальная поддержка «партии власти» была существенно ниже. На фоне недовольства обратной заменой Путина и Медведева на посту главы государства это спровоцировало волну доселе невиданных массовых протестов с требованиями отмены результатов выборов и более широкой демократизации всех аспектов политической жизни страны. Протесты вынудили власти к частичной либерализации некоторых «правил игры», но последствия этих событий оказались не слишком кардинальными. Вскоре после того, как в 2012 году Владимир Путин вернулся на пост главы государства, в стране началось более серьезное «закручивание гаек» и усиление репрессий, призванное не только нанести удар по реальным и потенциальным противникам режима, но и продемонстрировать российским гражданам, что цена их противостояния властям может оказаться слишком высока.

В феврале 2014 года в Украине после массовых протестов пал режим президента Виктора Януковича, а сам он вынужден был бежать из страны. Российские власти вступили на путь острой внешнеполитической конфронтации. Буквально через несколько недель территория Крыма была взята Россией под контроль и включена в ее состав по итогам прошедшего в Крыму референдума. Параллельно на Юго-Востоке Украины начался силовой захват части территории вооруженными формированиями, действовавшими при явной поддержке российских силовых структур. В ответ на эти действия России США и страны Европейского союза ввели санкции против российских чиновников и организаций. В ответ на это

российские власти вскоре сами ввели запрет на поставку продовольствия из этих стран.

Конфликт вокруг Украины, принявший затяжной характер, распространился на все сферы российской внешней политики. Имел он и значительное внутривластное измерение. С одной стороны, присоединение Крыма вызвало резкое повышение уровня массовой поддержки Путина и его внешнеполитического курса (специалисты называют это явление «сплочение вокруг флага»)¹²⁶. С другой, на фоне международного конфликта прежняя политика «закручивания гаек» лишь усугубилась. Конфронтация со странами Запада была чрезвычайно дорогостоящей для российской экономики, наряду с другими факторами она способствовала вялому экономическому росту на фоне снижения реальных доходов. Но эта конфронтация стала важным инструментом консолидации российского политического режима. Путин смог без особого труда переизбраться на новый президентский срок в 2018 году, а преобладание «Единой России» в Госдуме лишь упрочилось.

По мере приближения 2024 года, когда должны были истекать президентские полномочия Путина (ограниченные нормами принятой в 1993 году Конституции), стремление сохранить политический статус-кво любой ценой и не допустить перемен в стране в обозримом будущем все более преобладало в действиях, которые предпринимали Путин и его окружение. В январе 2020 года был начат процесс внесения в Конституцию многочисленных поправок, важнейшей из которых стала новая норма об «обнулении» предыдущих сроков президентских полномочий. Она позволяла Путину находиться у власти на протяжении как минимум еще двух сроков, вплоть до 2036 года.

Представители правящей группы не скрывали своих намерений «зацементировать» страну¹²⁷ так, чтобы ни у представителей элит, ни у граждан даже не возникло мысли о том, что во главе России может стоять кто-либо иной, кроме

Путина. Эти поправки, несмотря на многочисленные возражения, не встретили сильного противодействия со стороны россиян. На всероссийском голосовании, которое состоялось летом 2020 года на фоне пандемии и сопровождалось большим количеством злоупотреблений, пакет поправок получил одобрение большинства российских избирателей.

Так окончательно завершился длившийся почти три десятилетия путь России от советского к постсоветскому авторитаризму, от господства коммунистического режима к персоналистскому режиму Владимира Путина. *Процессы трансформации российского режима закончились полным отказом правящих групп от дальнейших преобразований, своего рода тупиком, в котором они намерены оставить страну на максимально долгий срок.* В известном смысле метафора Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и о полном триумфе демократии после краха коммунистической системы¹²⁸ тридцать лет спустя обернулась в случае России своей противоположностью: ее современная история закончилась полным отказом страны от демократии.

Мы не знаем и не можем знать будущего. Мы не в состоянии оценить ни вероятность того, что нынешний политический режим в России сохранится на протяжении следующих десятилетий и переживет своих создателей, ни вероятность и направленность политических перемен, если и когда они произойдут. Однако в заключительной главе книги мы обсудим возможные варианты дальнейших преобразований российского политического режима, их шансы и перспективы. А пока обратимся к анализу того, почему и как российская политика за три десятилетия проделала свой нынешний путь от краха одного авторитарного режима к строительству и консолидации другого, и обсудим, какие уроки наша страна может и должна извлечь из недавнего опыта. Речь об этом пойдет в трех последующих главах.

ГЛАВА 3

1990-Е: «ДИЛЕММА ОДНОВРЕМЕННОСТИ»

25 декабря 1991 года Советский Союз официально прекратил существование. Вечером этого дня над Кремлем был спущен красный флаг СССР, взамен его был поднят российский триколор. На месте СССР возникли и утвердились новые независимые государства, включая Россию, прежде самую крупную из входивших в СССР союзных республик. К концу 1991 года распад СССР стал неизбежен, воспринимался многими россиянами без особых эмоций, да и в целом не вызвал значимого сопротивления. Прекращение существования Советского Союза стало аналогом юридического оформления развода супругов, чей брак фактически распался до этого.

Постсоветские государства шли своими дорогами политических преобразований, сталкиваясь и с общими проблемами посткоммунистических реформ, и со специфическими проблемами, характерными для отдельных государств. Спустя почти три десятилетия только странам Балтии удалось построить консолидированные демократии, а в некоторых из стран, входивших в СССР (например, в Узбекистане и Туркменистане), произошел прямой переход от советского авторитаризма к постсоветскому. В отдельных странах провал демократизации стал точкой отсчета в становлении нового авторитаризма (как в Беларуси), а для некоторых государств (как Грузия или Молдова) на первый план вышли этнополитические конфликты, сопровождавшиеся насилием.

По сравнению с другими постсоветскими государствами Россия, казалось бы, обладала наибольшим экономическим и человеческим потенциалом для успешной демократизации. В этой республике коммунистический режим, на первый взгляд, уступил место электоральной демократии еще в июне 1991 года. Тогда российские избиратели на всенародных выборах президента республики из шести кандидатов отдали предпочтение Борису Ельцину, который получил 57% голосов. Сторонники Ельцина обладали небольшим перевесом в составе российского парламента и декларировали свою решимость провести жизненно важные для страны преобразования.

После победы над коммунистическим путчем в августе 1991 года дальнейшего продвижения демократизации в России так и не произошло, и на протяжении 1990-х годов наша страна все дальше и дальше уходила в сторону от этого пути. Более того, в 1990-е годы демократические институты в России — конкурентные выборы, политические партии, парламента, свобода слова — в значительной мере оказались дискредитированы, что способствовало их целенаправленной деградации и последующему уничтожению и/или выхолащиванию в 2000-е годы.

Продолжая медицинскую аналогию, можно сказать, что 1990-е годы стали периодом тяжелых и мучительных болезней российской политики. Некоторые из них имели наследственный характер, другие были типичными и, вероятно, неизбежными «детскими болезнями» (вроде ветрянки или коклюша), а третьи — следствием неверной диагностики и ошибочного лечения. Лекарства от них оказались куда опаснее, нежели сами недуги, и сыграли немалую роль в том, что «детские болезни» в 2000-е годы переросли в хронические заболевания.

Справедливо или нет, но 1990-е годы в России получили словно приклеившееся к ним обозначение «лихие». Это слово содержит в себе как позитивные, так и негативные коннотации, и останется таковым в восприятии как

переживших 1990-е современников, так и их потомков. Внезапно обрушившиеся на страну новые экономические свободы сочетались с глубоким экономическим спадом и кризисами управления, с этническими конфликтами (в частности, на Северном Кавказе), с ростом насилия и преступности, с политической нестабильностью, с противостоянием различных политических сил и с неэффективностью государства. В этих условиях только что провозглашенной российской демократии не удалось оправиться от «родовых травм» нового российского политического строя, возникавшего в муках на руинах СССР.

Российская демократия была сознательно принесена в жертву теми, кто не был заинтересован в ее становлении и стремился отложить ее строительство «до греческих календ». Именно в период «лихих» 1990-х в российскую политическую почву, только лишь начавшую оттаивать от глубокого оледенения советской эпохи, были преднамеренно брошены семена авторитаризма, которые дали свои ядовитые всходы в 2000-е годы. Почему и как эти семена были посеяны и проросли в нашей стране? Почему новые российские лидеры, оказавшиеся у руководства страной в 1991 году под лозунгами демократии и свобод, повели Россию в совсем ином направлении? Было ли такое развитие событий неизбежным и неотвратимым, или оно стало следствием стратегических решений, которые принимали российские политические акторы на различных «развилках» периода «лихих» 1990-х годов, наполненных многочисленными бурными событиями? Будем искать ответы на эти и другие вопросы на страницах данной главы.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ И РОССИЙСКИЙ ОТВЕТ

Накануне распада СССР, осенью 1991 года, немецкий социолог Клаус Оффе, рассуждая о проблемах, которые стояли перед

посткоммунистическими странами, заметил, что они столкнулись с необходимостью проводить преобразования такого масштаба, который не имел аналогов в мировой истории. Все эти преобразования им предстояло осуществлять одновременно. Посткоммунистическим странам надо было трансформировать:

- 1) имперское национально-государственное устройство, сформированное в советский и досоветский периоды, — в современные национальные государства;
- 2) находившуюся в состоянии упадка централизованную плановую систему — в свободную рыночную экономику;
- 3) однопартийный политический режим — в конкурентную демократию.

Оффе отмечал, что если страны Западной Европы в прошлом решали все эти задачи последовательно (и отнюдь не всегда успешно) на протяжении веков и десятилетий, то посткоммунистическим странам Восточной Европы и бывшего СССР необходимо одновременно осуществлять процесс «тройного перехода», проводя трудные и болезненные реформы на всех этих трех аренах сразу. Соклазн растянуть преобразования во времени, выстроить их последовательность в ту или иную логическую цепочку (сперва государственность, затем рынок, затем демократия) или вовсе отказаться от них был слишком велик.

«Дилемма одновременности», по мнению Оффе, парадоксальным образом заключалась в том, что, несмотря на все очевидные сложности и вызовы, только одновременное проведение демократизации, рыночных реформ и строительство новых национальных государств могло принести странам бывшего коммунистического лагеря относительно быстрый успех. В то же время попытки решать все эти задачи последовательно, «шаг за шагом», грозили лишь усугублением кризисов¹²⁹.

Глядя на опыт посткоммунистических стран спустя почти три десятилетия, можно сказать, что «дилемма одновременности» была разрешена относительно успешно в странах Восточной Европы, которые в 1990-е годы создали демократические политические режимы и рыночную экономику, а в 2000-е годы стали членами Европейского союза¹³⁰. Гораздо более болезненным и драматическим оказался опыт стран бывшей Югославии, где распад союзного государства стал точкой отсчета серии кровавых войн в ущерб демократизации и рыночным реформам. Процессы трансформации в этом регионе затянулись и сопровождались довольно тяжелыми издержками.

В России и в ряде других постсоветских государств траектория преобразований оказалась кардинально иной. Хотя нашей стране удалось избежать рисков распада на отдельные государства и/или полного «отслоения» от нее отдельных территорий, Россия все же не смогла построить эффективное (с точки зрения качества управления) национальное государство ни в 1990-е, ни в 2000-е годы. Помешали совсем иные причины.

Рыночные реформы в России сопровождались глубоким и длительным трансформационным спадом в экономике, который сменился ростом лишь начиная с 1999 года. Хотя в конце концов российская экономика перешла на рыночные рельсы, и в 2000-е годы демонстрировала немалые успехи, сегодня ее едва ли можно охарактеризовать как свободную и эффективную. Демократизация, начатая еще в конце советского периода, в 1990-е годы оказалась остановлена, а в 2000-е сначала свернута, а затем и полностью сведена на нет.

Что повлекло за собой именно такое развитие событий в российском случае? Почему «дилемма одновременности» после падения коммунистического режима в нашей стране так и не была решена? И почему альтернативы этому подходу, предложенные в 1990-е годы, привели как минимум к неоднозначным последствиям в двух из трех измерений

«тройного перехода» (национально-государственное строительство и рыночная экономика) и дали однозначно негативный эффект для политических реформ?

Поиски ответов на эти вопросы требуют от нас переосмыслить варианты развития событий, выбор между которыми определял повестку политических процессов в России 1990-х и 2000-х годов. Для этого необходимо подробнее проанализировать основные «критические моменты» и действия, которые предпринимали политические акторы. Последствия предпринятых ими действий определили траекторию дальнейших изменений и задали ограничения для последующих шагов.

Я полагаю ошибочными представления, что траектория российских политических преобразований была заведомо предопределена независимо от того, какие конкретные шаги делали конкретные политики. Столь же ошибочно и стремление приписывать результаты этих преобразований исключительно доброй (или, скорее, злой) воле тех или иных политиков. Оба этих подхода не оставляют места для углубленного анализа политических процессов, подменяя его простыми, но заведомо неполными и неточными объяснениями. Я исхожу из иной предпосылки: *структурные условия (внешние, не зависящие от действий политических акторов) объективно задают ограничения их возможных шагов. Но в рамках этих ограничений идеи и интересы самих акторов определяют их приоритеты и предпочтения, а сочетания имеющихся у них ресурсов, стратегий и ожидания возможных шагов друг друга способствуют выбору, который направлен на максимизацию их собственных выгод.*

Иногда этот выбор оказывается успешным для самих акторов, но приносит большие издержки для страны в целом. Иногда получается наоборот: издержки оказываются велики как для акторов, так и для страны. Российский опыт 1990-х годов в этом отношении примечателен еще и тем, что распад СССР на фоне острого экономического кризиса создал очень

высокую неопределенность, которая осложняла принятие и воплощение в жизнь любых решений в управлении страной.

Существовавшие на протяжении десятилетий прежние «правила игры» утратили актуальность в 1991 году, вместе с крахом коммунистической партии и Советского Союза. Возможности органов власти по принуждению обычных граждан, политических и экономических акторов были сильно ограничены. Горизонт планирования резко сузился до месяцев, если не недель. Многие принятые в таких условиях решения просто по определению влекли за собой непредсказуемые и порой непреднамеренные последствия как для самих российских политиков, так и для страны, которой они пытались управлять.

Первый из важнейших «критических моментов» в российской политике постсоветского периода случился накануне прекращения существования СССР, осенью 1991 года. Уже после провала путча в августе 1991 роспуск СССР стал неизбежным. Обсуждению подлежали лишь характер и параметры «развода». Вслед за этим перед российскими лидерами, которые внезапно оказались на капитанском мостике распадавшейся страны, неизбежно встал вопрос о характере и направленности преобразований в России. К столь быстрому развитию событий по большому счету никто не был готов: многие решения принимались спонтанно и *ad hoc*, исходя из текущей политической конъюнктуры и восприятия событий ключевыми игроками. При этом если для ряда других союзных республик распадавшегося СССР на первый план выходили вопросы, связанные с обретением независимости и строительством собственной государственности, а в ряде случаев — и разрешения этнополитических конфликтов, то для России ключевым аспектом «дилеммы одновременности» стал приоритет рыночных реформ в экономике по отношению к строительству демократических институтов. Можно говорить о том, что *Россия выбрала рынок, принеся в жертву демократию.*

Ситуация в России и в Советском Союзе в целом в тот момент была слабо управляемой и воспринималась многими участниками и наблюдателями как близкая к катастрофе¹³¹. Экономика страны находилась на грани коллапса, этнические конфликты в республиках СССР на фоне роста сепаратистских и националистических движений переходили в стадию открытой сецессии (выхода из состава государства). Силовое противостояние часто перерастало в боевые действия. Союзные органы власти утратили рычаги управления ситуацией. На этом фоне российские органы власти, созданные для управления одной (пусть и самой большой) из республик СССР, были вынуждены решать задачи управления страной в целом.

Однако несмотря на всевозможные риски и вызовы, в тот момент у российских лидеров имелся в распоряжении весьма важный ресурс — высокий уровень массовой поддержки, отчасти проявившийся при подавлении путча в августе 1991 года. Сохранялись и надежды на перелом негативных трендов в политике и экономике последних лет СССР. Таким образом, несмотря на всю сложность ситуации, у российских лидеров, пришедших к власти в ходе распада советской политической системы, осенью 1991 года открывалось, пусть и узкое, «окно возможностей» для выбора дальнейшего пути развития страны.

Согласно логике Оффе, можно было предложить возможное для российского случая решение «дилеммы одновременности» образца осени 1991 года. Первым делом российский парламент должен была принять новую Конституцию, позволявшую переучредить «с нуля» российское государство на новых институциональных основаниях (уже без остатков Советского Союза). Затем президент и парламент должны были согласиться провести «учредительные выборы» новых органов власти всех уровней по новым «правилам игры», тем самым укрепив российскую государственность. Одновременно с этим, сформировав на переходный период временное правительство страны, опирающееся на доверие граждан, Россия могла

быстро провести необходимые рыночные реформы в экономике.

Примерно по такому пути проходили посткоммунистические преобразования в некоторых странах Восточной Европы и Балтии. Однако на деле в России и в других постсоветских странах подобное развитие событий не просто оказалось нереальным, но даже не рассматривалось политическими элитами страны как желательная и/или возможная альтернатива. Такое развитие событий во многом было связано с текущей расстановкой сил в российском руководстве по итогам выборов 1990–1991 годов и после провала путча¹³². *Задачи строительства нового государства, отличавшегося от прежнего советского, тогда в России не только никем не ставились в повестку дня, но и вообще не воспринимались всерьез.* Тогдашние политики, напротив, считали овладение рычагами власти, «унаследованными» от распадавшегося СССР, решением стоявшей перед ними задачи.

Политикам в большинстве стран бывшего СССР приходилось создавать государственность этих стран почти что «с нуля», и поэтому они вынуждены были в 1990-е годы проводить политические реформы и создавать новые политические институты — демократические (в Украине) или авторитарные (в Казахстане): это было необходимым шагом в строительстве новых независимых государств. Российские политики перед собой такие задачи не ставили: они решили обойтись косметическим ремонтом организаций и институтов, которые достались им в ходе распада СССР.

История не терпит сослагательного наклонения, и мы никогда уже не узнаем, могли бы принести успех в России быстрые одновременные реформы по всем направлениям или иная их последовательность. Или, напротив, такой подход обернулся бы провалом с куда более драматическими последствиями для России? На практике российская «дилемма одновременности» была решена совершенно иным путем:

- 1) демократические политические реформы сперва оказались отложены, а затем были подвергнуты кардинальной ревизии;
- 2) рыночные реформы сопровождались глубоким и длительным трансформационным спадом и растянулись на долгие годы;
- 3) проблемы национально-государственного устройства были решены лишь частично благодаря поддержанию территориального статус-кво в России «по умолчанию» и сопровождались весьма глубоким упадком административного потенциала российского государства.

Важнейшие решения, принятые в октябре-ноябре 1991 года, предусматривали совсем иное развитие событий. Собранный в Москве Съезд народных депутатов России по инициативе президента России Бориса Ельцина не стал рассматривать проект новой Конституции, который был подготовлен конституционной комиссией парламента, созданной в 1990 году (этот проект фактически предполагал переучреждение российского государства на новой основе — вместо РСФСР как одной из республик тогда еще существовавшего СССР)¹³³. Конституционные преобразования были отложены «на потом» — официальным обоснованием этого шага стал приоритет радикальных экономических реформ, анонсированный Ельциным и поддержанный большинством депутатов. Более того, по предложению Бориса Ельцина Съезд наложил мораторий на проведение новых выборов на всех уровнях власти.

Съезд наделил Ельцина большой властью: согласился с фактическим совмещением им постов президента и премьер-министра России, предоставил ему право издавать указы нормативного характера, право единолично формировать состав кабинета министров, назначать и снимать со своих постов глав органов исполнительной власти большинства регионов и многих городов на период до декабря 1992 года.

Позднее этот механизм получил в России неофициальное наименование «вертикаль власти».

В результате Россия фактически «заморозила» все существовавшие на тот момент политические институты и прежнее национально-государственное устройство страны. Приоритетом номер один для российских правящих групп (и значительной части россиян) стало проведение экономических рыночных реформ. Сформированное под руководством Ельцина правительство России, экономический блок которого возглавил Егор Гайдар, с января 1992 года начало либерализацию розничных цен. Оно намеревалось провести быстрые рыночные преобразования в рамках схемы, получившей название «вашингтонский консенсус»: либерализация цен, финансовая стабилизация и приватизация государственных предприятий¹³⁴.

Однако быстро добиться финансовой стабилизации правительству Ельцина–Гайдара так и не удалось. Одной из причин этого стало то, что после распада СССР постсоветские государства (кроме стран Балтии) сохранили единую валюту и не могли проводить самостоятельную монетарную политику (это подстегнуло инфляцию). Реформы российской экономики оказались крайне растянуты во времени, «долина слез» неизбежного трансформационного экономического спада¹³⁵ была насыщена многими драматическими поворотами и в конечном итоге завершилась дефолтом и резкой девальвацией российской валюты в 1998 году¹³⁶. Специалисты, как и сами участники тогдашних событий спорили и еще долго будут спорить о том, что «пошло не так» с рыночными преобразованиями в России 1990-х годов и возможно ли было провести их более успешно и/или не столь болезненно¹³⁷. Но так или иначе, рыночные реформы, сопровождавшиеся ростом преступности, стали весьма суровым испытанием для многих россиян и были негативно восприняты в массовом сознании¹³⁸.

В плане национально-государственного устройства России удалось избежать территориального распада и острых

кровавых конфликтов, вызванных сепаратизмом и попытками сецессии (Чечня оказалась единственным исключением, подтвердившим правило). Но платой за это стало дальнейшее ослабление силового и распределительного потенциала российского государства, и без того глубоко подорванного после распада СССР на фоне экономического спада.

Суммируя, можно утверждать, что такая смена приоритетов и отказ от проведения политических реформ в пользу экономических преобразований, который произошел в России осенью 1991 года, обеспечил стране по меньшей мере неочевидные и сомнительные выгоды.

Издержки политического развития оказались очень высоки, и отказ России от политических реформ стал первым, но далеко не последним шагом на пути к строительству авторитаризма в нашей стране — «замораживание» российских политических институтов, сформированных с иными целями и для иных политических условий, оказалось «слабым звеном» выстроенной конструкции преобразований. Они не выдерживали (и заведомо не могли выдержать) нагрузку преобразований: это было равнозначно тому, как если бы детский трехколесный велосипед участвовал в спортивном соревновании наряду с гоночными моделями.

Прежде всего это касается Съезда народных депутатов и Верховного Совета, избранных на конкурентных выборах весной 1990 года. Изначально они выступали в роли своего рода «детской площадки» в одной из республик тогдашнего СССР, от которой зависело немного. Теперь им пришлось функционировать «по-взрослому», принимая решения в масштабах страны, к чему они были совершенно не приспособлены. Представительные органы власти функционировали крайне неэффективно. Вскоре российский парламент, как и избранные весной 1990 года региональные и местные советы, оказался «мишенью» уничтожающей критики и в итоге пал жертвой конфликтов элит.

Отказ от проведения новых выборов после краха коммунистического правления нанес тяжелый удар и по новым политическим партиям, которые возникали в 1990–1991 годах как грибы после дождя. Российские политики, оказавшиеся у рычагов власти после падения прежнего режима, не хотели подвергать себя риску новых выборов. Отказавшись от принятия и внедрения в жизнь новых демократических «правил игры», они стремились обеспечить себе «свободу рук», которой в конечном итоге воспользовались отнюдь не в целях демократии¹³⁹.

Почему же российская «дилемма одновременности» оказалась решена в пользу отказа страны от демократизации и последующего поворота к авторитаризму? В пользу такого выбора приводят два обоснованных аргумента. Один из них состоит в том, что в ситуации глубокого экономического кризиса, в котором пребывала российская экономика на момент распада СССР, побочным эффектом демократизации могли бы стать не успешные рыночные реформы, а популистская макроэкономическая политика, которая лишь усугубила бы кризис и в экономике, и в политике. Примеров такого рода много в опыте стран Латинской Америки того времени. Однако хотя угрозы и риски такого политического курса действительно были велики, страны Восточной Европы, пошедшие по пути одновременных демократизации и рыночных реформ, сумели этих рисков избежать¹⁴⁰.

Другой аргумент связан с тем, что на фоне роста сепаратистских настроений и националистических движений в ряде республик и регионов России обеспечить успешное сохранение страны в тех же границах и без кровопролитных конфликтов было бы крайне затруднительно. Новые выборы, проводимые на региональном и общероссийском уровне, могли подхлестнуть эти тенденции и усугубить казавшиеся реальными многим политикам и экспертам риски распада России по образцу происходившего у них на глазах распада СССР. Такими опасениями, в частности, был обоснован

введенный осенью 1991 года мораторий на региональные выборы и установление «вертикали власти» (которая, однако, не охватывала республики в составе России)¹⁴¹.

Но главные соображения, обусловившие стратегический выбор российских лидеров осенью 1991 года, носили совершенно иной характер. Российские президент и парламент к тому моменту оказались в ситуации, когда они получили в свои руки важнейшие рычаги власти в стране не то чтобы совсем случайно, но во многом благодаря удачному для них стечению обстоятельств. Политическая система СССР внезапно рухнула (в том числе из-за усилий российских лидеров), и запретный плод сам упал к тем, кто сильнее тряс дерево. Но в рядах российских политиков к тому моменту не было идейного единства. Вокруг президента страны Бориса Ельцина в 1990–1991 годах стихийно сформировалась коалиция «негативного консенсуса», состоявшая из самых разных личностей и группировок, которые объединились против общего врага в лице союзных властей.

В эту коалицию входили и идеологические либералы (сторонники рыночных реформ, часть из которых скептически воспринимала демократизацию)¹⁴², и называвшие себя «демократами» — антикоммунисты (многие из них не разделяли демократических взглядов)¹⁴³, и заинтересованные группы — соискатели политической ренты, которые примкнули к победителям конфликтов, и вовремя присягнувшие Ельцину чиновники общероссийского и регионального уровня¹⁴⁴. Добившись своей цели и оказавшись у руля страны, они менее всего были заинтересованы в том, чтобы вскоре утратить власть, тем более в результате конкурентной борьбы, которая могла привести их к поражению на выборах.

Характерно, что осенью 1991 года главным публично прозвучавшим аргументом в пользу отказа от проведения в регионах России всеобщих выборов глав исполнительной власти послужили расчеты аналитиков штаба Ельцина,

ожидавших, что сторонники Ельцина могли одержать на них победу не более чем в 10–12 регионах страны¹⁴⁵. Хотя у Ельцина и его окружения действительно было не так много потенциальных сильных кандидатов в регионах, однако характерно, что в этих рассуждениях демократия рассматривалась почти исключительно как победа «демократов» в ходе выборов. Вопрос о новых выборах президента и парламента России тогда даже не ставился всерьез в повестку дня, хотя популярность Ельцина осенью 1991 года была весьма высока, и он мог бы одержать победу на новых выборах, сформировав и парламентское большинство в свою поддержку.

Логика «мы теперь у власти — это и есть демократия», которую озвучил Собчак в разговоре с автором этих строк летом 1990 года, безусловно преобладала в восприятии участников тогдашней «выигрышной коалиции», которые оказались в тот момент предоставлены сами себе, подобно подросткам в романе Голдинга. Одни их главные политические оппоненты утратили власть (Горбачев и его окружение), другие были исключены из политического процесса (коммунисты находились в состоянии шока после запрета КПСС в 1991 году указами Ельцина и смогли вернуться на политическую сцену лишь в 1993 году, когда компартия была воссоздана в России на новой основе), третьи были маргинальны и невлиятельны¹⁴⁶. В посткоммунистических странах Восточной Европы и Балтии, да и в той же Украине такое развитие событий бы было нереальным в силу фрагментации элит и конфликтов между их различными сегментами, и благодаря тому, что элиты (по крайней мере, декларативно) выступали с позиций приверженности демократии, имея в виду перспективы потенциального вхождения в «большую Европу». Для российских элит в 1991 году такие стимулы были несущественными.

В такой ситуации слова Пшеворского о том, что «демократия — это политический режим, где партии

проигрывают выборы»¹⁴⁷, означали для российских политиков, что демократия содержит неоправданные, с их точки зрения, риски. Не стоит удивляться, что для оказавшейся у власти в России в 1991 году пестрой «выигрышной коалиции» сторонников Ельцина такая демократия и впрямь была ни к чему — не в силу их личных качеств, а потому, что уступать власть по доброй воле без понуждающих к тому мотивов не заинтересован ни один рациональный политик. Но никаких иных стимулов, кроме доброй воли, которые могли бы заставить российских лидеров приступить осенью 1991 года к строительству нового государства и к выработке новых демократических «правил игры», в тот момент просто не просматривалось. *Поэтому демократизация страны была отвергнута как вариант «по умолчанию» и в дальнейшем уже ни разу не становилась приоритетом повестки дня российской политики.*

ЕЛЬЦИН ПРОТИВ ПАРЛАМЕНТА: ПЕРВАЯ КРОВЬ

Реконструируя позднейшие воспоминания и высказывания участников событий 1990-х годов в СМИ, можно утверждать, что *надежды многих сторонников Ельцина, которые поддержали осенью 1991 года «замораживание» политических институтов, опирались на ожидания если не успеха радикальных экономических реформ за относительно недолгий промежуток времени, то хотя бы преодоления наиболее тяжелых последствий охватившего страну кризиса.* Лишь после этого, по их мнению, могло наступить время для дальнейшей демократизации политического режима¹⁴⁸. Этим надеждам не суждено было сбыться.

Экономический спад в России оказался не только глубоким, но и очень затяжным, создав тем самым новые вызовы для политических преобразований. Стихийно сложившаяся вокруг Ельцина в августе 1991 года «выигрышная коалиция» была слишком велика и разнородна, чтобы разделить между собой

доставшуюся в руки ельцинского лагеря большую «добычу», не обделив при этом никого из участников. Ельцин, чья массовая поддержка и авторитет намного превосходили не только авторитет каждого из участников «выигрышной коалиции», но и всех их, вместе взятых, оказался способен произвольно менять формат этой коалиции, и мог сам исключать из нее нелояльных или бесполезных для себя младших партнеров (чем он позднее неоднократно пользовался в ходе президентства). В итоге на фоне усиливающегося экономического спада «выигрышная коалиция» сторонников Ельцина с неизбежностью распалась, вступив на путь острых конфликтов между вчерашними соратниками.

Делегировав большой объем полномочий Ельцину и не получив взамен никаких значимых вознаграждений, ряд представителей Съезда народных депутатов и Верховного Совета не без оснований чувствовали себя обманутыми. Часть из политиков, выступавших на стороне Ельцина в 1990–1991 годах, все больше разочаровывалась ходом экономических реформ и переходила ко все более жесткой критике правительственного курса, да и в целом ельцинского лагеря. В свою очередь, для Ельцина подобное политическое размежевание и нарастание поляризации оказалось выгодным. Оно позволило ему, с одной стороны, переложить часть издержек переходного периода на противодействие со стороны своих политических противников, а с другой — успешно использовать новый конфликт с прежними союзниками в целях максимизации собственной власти.

Первый раунд конфликта начался в апреле 1992 года, когда на очередном Съезде народных депутатов России рассматривался новый (доработанный) вариант проекта Конституции России на фоне весьма критического обсуждения политики правительства. К тому моменту прежнее (довольно неустойчивое) большинство сторонников Ельцина среди депутатов начало размываться, и некоторые из них советовали ему идти на «размен»: договориться с депутатами о принятии

новой Конституции России, взамен отправив в отставку Гайдара и ряд непопулярных министров. Такое развитие событий предполагало неизбежный компромисс и весьма вероятное уменьшение полномочий и реальной власти Ельцина, с которым он не мог согласиться.

В конечном итоге проект новой Конституции был отложен в «долгий ящик» и фактически похоронен. Состав правительства подвергся некоторым переменам, но его курс был продолжен (более того, в июне 1992 года Ельцин поручил Гайдару исполнение обязанностей премьер-министра). Уже весной 1992 года Ельцин заявил, что «Съезд надо разогнать», так как он является главным препятствием на пути экономических реформ в России. Отчасти такие оценки имели под собой основания: депутаты принимали популистские решения, которые могли привести к увеличению бюджетного дефицита и росту инфляции и которые президент и правительство все равно не выполняли (да и не могли выполнить). В целом же вклад Съезда в общий масштаб проблем, с которыми сталкивалась Россия, был немалым, но он намеренно преувеличивался с целью переложить ответственность на депутатский корпус. После того, как в 1993 году Съезд был распущен, масштаб проблем отнюдь не уменьшился.

Последующие политические маневры и попытки различных политиков искать компромиссы между президентом и депутатами, небескорыстно предлагая себя на роли посредников, успеха не имели. На этом фоне представители заинтересованных групп (прежде всего, руководители республик в составе России) искусно пользовались нарастанием конфликта по принципу «ласковый теленок двух маток сосет», стремясь извлечь все большие объемы ренты в обмен на обещания лояльности. Ситуация на Съезде и в Верховном Совете к тому моменту складывалась не в пользу Ельцина: все большее число депутатов стремилось лишить президента полномочий, которые парламент делегировал ему в 1991 году, а то и еще больше ограничить его власть. Ресурсы

участников конфликта были неравны, а характер этих ресурсов различался.

Действия парламента опирались на нормы конституционной законности, в соответствии с которыми Съезд формально мог принять любое законодательное решение по любому вопросу. Однако к концу 1992 года поддержка депутатского корпуса в глазах избирателей резко упала. Съезд (длинные заседания которого транслировались по ТВ) воспринимался как в лучшем случае бесполезное собрание не всегда адекватных личностей, и резкие шаги с его стороны не получали публичной санкции на власть среди россиян. Многие действия депутатов, будучи законными, отнюдь не были легитимными.

Напротив, Ельцин, как всенародно избранный глава государства, пользовался общественной поддержкой и доверием со стороны сограждан (хотя ее уровень упал по сравнению с 1991 годом). В отличие от действий депутатов, его шаги в значительной мере были легитимными, хотя зачастую явно и откровенно нарушали многие действовавшие в стране законы. Именно острое противоречие между легитимностью и законностью в конце концов и предопределило исход конфликта между президентом и парламентом.

К декабрю 1992 года срок дополнительных полномочий Ельцина официально истек, и он должен был предложить на утверждение Съезда народных депутатов кандидатуру премьер-министра. Кандидатура Гайдара ожидаемо набрала менее половины голосов участников Съезда. В этой ситуации, вероятно, президент мог бы при желании склонить на свою сторону часть оппонентов, тем более что предложение депутатов о внесении в Конституцию России поправок об обязательном согласовании с парламентом назначений ряда министров не получило необходимой поддержки. Но Ельцин пошел по совсем иному пути. Он выступил на заседании Съезда, призвав своих сторонников покинуть заседание и сорвать кворум, и публично объявил, что в России необходимо

провести референдум по вопросу о доверии либо ему, либо Съезду.

Демарш Ельцина особого успеха не имел: его не поддержали даже союзники среди депутатов. «Силовые» министры подтвердили лояльность действовавшей на тот момент Конституции, и после нескольких раундов переговоров Ельцину пришлось пойти на временное перемирие. Съезд принял постановление о том, что в апреле 1993 года в России должен пройти референдум по основным положениям новой Конституции России, а Ельцин был вынужден вновь предложить Съезду кандидатуру премьер-министра. Кандидатура Гайдара при новом голосовании опять оказалась забаллотирована, и в итоге на посту премьер-министра был утвержден вице-премьер правительства по вопросам топливно-энергетического комплекса Виктор Черномырдин, пользовавшийся поддержкой депутатского корпуса.

Смена премьер-министра, однако, не помогла разрешить этот конфликт. Курс правительства Черномырдина не слишком отличался от гайдаровского, и влияние парламента на его политику оставалось незначительным. Президент откровенно игнорировал решения Съезда и Верховного Совета, и не собирался возвращать полученные от них полномочия, в то время как у парламента не оставалось рычагов влияния на ситуацию кроме демонстрации своего несогласия с Ельциным. Идея референдума по положениям новой Конституции была демонстративно похоронена обеими сторонами конфликта, а предложение провести одновременные досрочные перевыборы и президента, и парламента встречало их неприятие.

Напряженность нарастала. После обменов резкими заявлениями и неудачной попытки импичмента президента в марте 1993 года Съезд назначил на 25 апреля референдум по четырем вопросам: 1) о доверии президенту страны; 2) о доверии социально-экономической политике правительства; 3) об отношении к досрочным выборам президента; 4) об отношении к досрочным выборам Съезда. Агитация в ходе

референдума проходила в условиях беспрецедентного доминирования президентской стороны в большинстве медиа. Съезд отвечал обвинениями в коррупции в адрес правительства, но не смог расширить базу своей поддержки.

В итоге явка избирателей на референдум составила 64%. 58% участвовавших высказались в поддержку президента, 52% проголосовавших поддержали политику правительства. В то же время 37% избирателей высказались за досрочные выборы президента и 86% (или 48% от общего числа избирателей) — за досрочные выборы депутатов. Но поскольку результаты этого референдума не имели юридической силы, они стали лишь демонстрацией отношения избирателей к участникам конфликта. По сути, механизм референдума не смог служить средством разрешения политического конфликта. *Референдум не создавал условий для выбора в пользу демократического правления и верховенства права. Напротив, массовая поддержка лишь провоцировала Ельцина к тому, чтобы интерпретировать результаты голосования как мандат избирателей на единоличное правление. Парламент оказался полностью дискредитирован и в конечном итоге обречен на гибель.*

После референдума политическая реформа и проведение новых выборов стали неизбежны, борьба вокруг принятия новой Конституции обострилась. Важнейшие разногласия между президентом и парламентом касались разделения властей. Ельцин настаивал на проекте Конституции с президентско-парламентской формой правления, в рамках которой контроль над кабинетом министров почти безраздельно принадлежал главе государства. Депутаты выступали за проект премьер-президентской республики, где кабинет министров был подотчетен лишь парламенту. Эти два проекта были несводимы друг к другу, и принятие согласованного решения на фоне острого конфликта оказалось заведомо нереальным.

После серии маневров Ельцин решился на государственный переворот. Вечером 21 сентября 1993 года он огласил указ о

ропуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета России и о назначении на 12 декабря 1993 года выборов нового парламента. В свою очередь, на следующий день экстренно собранный Съезд объявил Ельцина низложенным и назначил вице-президента Александра Руцкого исполняющим обязанности президента. В стране возникло юридическое и фактическое двоевластие. Ряд политических партий и политиков, в том числе влиятельных региональных лидеров, выступили за «нулевой вариант», предполагавший одновременные досрочные перевыборы президента и парламента.

3 октября во время демонстрации сторонников Съезда в Москве вспыхнули уличные беспорядки. В ночь на 4 октября в ответ на предпринятую ими попытку штурма телецентра «Останкино» Ельцин отдал приказ о применении силы по отношению к своим противникам. Резиденция парламента была расстреляна из танковых орудий. В ходе штурма, по официальным данным, погибло 146 человек (в основном случайные жертвы). Руководители парламента и лидеры оппозиции во главе с Рутким были арестованы, деятельность некоторых оппозиционных партий на время приостановлена.

В результате длившийся около полутора лет острый конфликт Ельцина и его противников был разрешен по принципу «игры с нулевой суммой»: президентская сторона полностью уничтожила своих конкурентов, которые опирались лишь на узкий круг поддержки. Заодно в огне пожара, охватившего здание Верховного Совета, сгорели идеи разделения властей и парламентаризма в России. При этом президентская сторона смогла сполна воспользоваться результатами победы, чтобы закрепить их в качестве новых «правил игры» в российской политике¹⁴⁹.

Первоначально Ельцин намеревался доверить принятие новой Конституции России новому составу парламента, нижняя палата которого должна была избираться на выборах 1993 года, а верхняя — формироваться из числа

представителей региональных органов власти. Однако после роспуска парламента Ельцин получил возможность действовать без прежних ограничений. Не будучи скован обязательствами (в том числе обязательствами по отношению к своим политическим сторонникам), он решил вынести проект Конституции на референдум, совместив его проведение с выборами в обе палаты парламента — в нижнюю, Государственную Думу (450 депутатов) и верхнюю, Совет Федерации (178 депутатов, по 2 от каждого из регионов страны).

Новые выборы проходили по правилам, которые победители успешно смогли навязать побежденным. Некоторые оппозиционные партии и политики коммунистической и националистической ориентации не были допущены к участию, а часть представителей оппозиции во главе с Российской коммунистической рабочей партией (РКРП) выступила за бойкот выборов. Их более умеренные союзники, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), хотя и добилась снятия запрета, наложенного Ельциным на свою деятельность, вела кампанию весьма вяло, не без оснований опасаясь угрозы повторного запрета.

Выборы не были справедливыми с точки зрения равного доступа кандидатов и партий к ресурсам, необходимым для ведения кампании. Государственные медиа предоставляли минимальные возможности для бесплатных выступлений кандидатов и партий, не ограничивая возможности платной рекламы. Новостные программы ТВ и радио, публикации газет были полны скрытой рекламы в пользу двух проправительственных партий: «Выбор России» и отчасти Партии российского единства и согласия (ПРЕС). Их лидеры вели кампанию, используя свои ресурсы как членов правительства и сотрудников Администрации президента, а региональные лидеры, которые баллотировались в Совет Федерации, использовали административные рычаги для собственного избрания (в отличие от Госдумы, Совет

Федерации должен был работать на непрофессиональной основе). Отвечавшие за проведение выборов избирательные комиссии всех уровней формировались по распоряжению органов исполнительной власти и обладали дополнительными возможностями для контроля над ходом кампании¹⁵⁰.

Важнейшей особенностью парламентских выборов 1993 года стало их совмещение с конституционным референдумом. Фактически проект новой Конституции был призван закрепить победу Ельцина в завершившемся конфликте и максимизировать его власть, в то время как полномочия парламента в проекте были значительно урезаны по сравнению с вариантами, которые обсуждались ранее. Прежде всего, парламент был лишен возможности определять состав и курс правительства, а президент обладал довольно широкими возможностями по роспуску Государственной Думы в случае ее нелояльности. Конституция содержала довольно обширный перечень прав человека и гражданина, ориентированный на лучшие зарубежные образцы деклараций гражданских и политических свобод, но в ней не было конкретных механизмов их реализации, а их воплощение в жизнь фактически было отдано на откуп президенту страны, получившему символический статус «гаранта конституции».

В свою очередь, президент России, согласно Конституции, обладал возможностями делать практически все, что ему непосредственно не запрещалось законами, а одна из ее статей прямо устанавливала, что президент самостоятельно определяет основные направления внутренней и внешней политики страны¹⁵¹. *Сам Ельцин накануне референдума по принятию Конституции сравнил устанавливавшийся ею политический строй с российской монархией периода 1907–1917 годов¹⁵², а позднее высказал свой взгляд на роль главы государства: «Кто-то должен быть главным в стране: вот и все»¹⁵³.* Фактически единственным прямым ограничением президентской власти в тексте новой Конституции России

стала норма, запрещавшая занимать пост главы государства свыше двух сроков подряд.

Поэтому значение выборов оказалось вторичным по отношению к конституционному референдуму. Распределение мест в парламенте не было приоритетной целью для Ельцина, и он отказался от публичной поддержки даже лояльных по отношению к нему партий (прежде всего «Выбора России»), сосредоточив основные усилия на проведении конституционного референдума. Когда некоторые оппозиционные партии выступили с критикой проекта Конституции, Ельцин потребовал от них «не трогать» Конституцию, а первый вице-премьер правительства (и по совместительству один из лидеров «Выбора России») Владимир Шумейко даже потребовал исключить эти партии из участия в выборах.

Результаты голосования 12 декабря оказались весьма противоречивыми¹⁵⁴. В нем приняло участие 54% избирателей, при этом в двух регионах России (Татарстан и Чечня) недовольные политикой Центра региональные власти организовали бойкот плебисцита. Бойкотировала выборы и референдум и часть радикальных противников Ельцина. По официальным данным, Конституция была принята незначительным большинством голосов. За принятие проекта проголосовало чуть более 58% избирателей (примерно столько же поддержали Ельцина на референдуме в апреле 1993 года).

Однако в полном объеме результаты выборов и референдума опубликованы не были. А когда спустя несколько месяцев после голосования в СМИ появились публикации, которые ставили под сомнение официальный исход голосования и утверждали, что его итоги могли быть фальсифицированы, по всей стране все бюллетени, использованные в ходе голосования на выборах и референдуме, были уничтожены по поручению Центральной избирательной комиссии¹⁵⁵. Скорее всего, истинных итогов голосования, прошедшего в декабре 1993 года, так никто

никогда и не узнает. Тем не менее новая Конституция России была сочтена принятой.

Следствием конфликта элит в «критический момент» осени 1993 года стало политическое решение по принципу «победитель получает все»¹⁵⁶. *Ельцин, избавившись от конкурентов, смог максимизировать свою власть и навязать стране наиболее выгодные для него правила игры. Новая Конституция России задала основные рамки политического устройства страны, но содержала весьма существенный авторитарный потенциал, лишней раз подтвердив справедливость утверждения Адама Пшеворского: «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается»¹⁵⁷.* Порядок, установившийся в 1993 году, во многом задал траекторию последующего политического развития России.

БОРИС ЕЛЬЦИН И ДРУГИЕ: ОТ «ЗАГОГУЛИН» К «ЗАГОГУЛИНАМ»

Казалось бы, новые правила игры, которые Ельцин смог навязать политическому классу страны осенью 1993 года, позволяли ему в отсутствие институциональных ограничений едва ли не полностью монополизировать власть и беззастенчиво применять стратегию подавления любых конкурентов (так ведет себя Александр Лукашенко в Беларуси после 1996 года и по сей день). Но вопреки вроде бы открывшимся возможностям для ничем не ограниченного произвола Ельцин вынужден был отказаться от монопольного господства и вплоть до завершения своего президентства отнюдь не выступал диктатором, единолично доминирующим на политической сцене, да и в целом не вел себя как «самый главный в стране». Скорее, он вынужден был вступать в самые разные неформальные альянсы и коалиции, стремясь удержать свою власть, а российская политика в эти годы переживала весьма неожиданные повороты, которые сам Ельцин в

присущей ему образной манере обозначал словом «загогулины». Каковы причины такого развития событий?

Ограничения, с которыми после октября 1993 года столкнулся российский политический режим, носили не институциональный, а политический характер. Они были связаны не с правилами игры, а с тем, что ни Ельцин, ни другие акторы не могли играть по этим правилам так, как им самим хотелось бы: их ресурсы были ограничены, а выбор стратегий носил вынужденный характер. Глубокий и длительный экономический спад повлек за собой снижение массовой поддержки и Ельцина, и политического режима в целом, а списывать издержки непопулярного политического курса после роспуска парламента было уже не на кого. И элиты, и граждане России воспринимали Ельцина как неэффективного руководителя и не вполне адекватного лидера, а такие выходки, как попытки в нетрезвом виде дирижировать военным оркестром в Германии, не повышали его популярность.

На фоне экономического спада все более заметной становилась слабость российского государства, которое не располагало эффективными механизмами принуждения¹⁵⁸. Федеральный центр не мог эффективно контролировать управление многими регионами, в особенности республиками, руководители которых настаивали на «суверенитете» в контроле над природными ресурсами и финансовыми потоками. Правоохранительные органы переживали глубокий упадок и острое недофинансирование, поэтому функции поддержания правопорядка и контроля за соблюдением выполнения контрактов в бизнесе все чаще брали на себя «силовые предприниматели» из состава криминальных группировок. В таких условиях многие решения, принимавшиеся в Кремле, не могли исполняться должным образом и зачастую оставались на бумаге.

Сложившаяся в ходе конфликта с парламентом новая «выигрышная коалиция» вокруг Ельцина оказалась слишком

рыхлой и разнородной. Она включала в себя и различные заинтересованные группы соискателей ренты, и часть бюрократического аппарата, и идейных либералов-рыночников, которые вскоре после 1993 года оказались отстранены от принятия многих ключевых решений. По сути, коалиция победителей конфликта осени 1993 года распалась на несколько конкурирующих клик.

В таких условиях Ельцин уже не нуждался в подавлении своих реальных и потенциальных оппонентов. Более того, перед ним все острее вставала проблема собственного политического выживания. У Ельцина было недостаточно ресурсов, чтобы одержать верх над своими потенциальными противниками на всех аренах. Но и у них, да и у всех других акторов, не было ни стимулов, ни ресурсов для устойчивой кооперации по принципу «негативного консенсуса».

Хотя на выборах Госдумы в декабре 1993 года оппозиционные партии различных оттенков смогли получить около половины мест в палате, благодаря избранию большого числа независимых депутатов состав парламента оказался более-менее подконтролен президенту и правительству. Несмотря на две попытки принять решение о вотуме недоверия правительству (октябрь 1994 и июнь 1995 годов), устойчивое оппозиционное большинство в парламенте не сформировалось, а основным механизмом принятия решений стало создание неустойчивых коалиций *ad hoc* по поводу конкретных законопроектов¹⁵⁹. Неустойчивость состава и численности думских фракций способствовала высокой партийной фрагментации депутатского корпуса, в то время как стимулы к коалиционной политике оказались подорваны.

В этих условиях Ельцин вынужден был сменить стратегию и пойти на кооперацию с подчиненными акторами, включая часть своих бывших противников. Эти маневры весьма заметно отразились на неформальных «правилах игры» в российской политике. Начиная с 1994 года Ельцин и его администрация пытались добиться явных и неявных договоренностей о

сохранении политического статус-кво, заключения своего рода «картельных соглашений» элит. Ряд республиканских лидеров, которые были готовы разменять суверенитет на материальные блага, «присягнув» Ельцину, подписали двусторонние договоры с Центром, предоставившие им многочисленные привилегии в части налогов и прав собственности (Чеченская республика, пережившая кровавые конфликты с Центром — две «чеченские войны» 1994–1996 и 1999–2001 годов — снова оказалась в этом плане лишь исключением)¹⁶⁰.

Оппозиционные партии и политики были включены в рамки нового режима, не создавая при этом угрозы его подрыва. Даже в 1995–1999 годах, когда КПРФ обладала почти большинством в Госдуме, она предпочитала политическое маневрирование и компромиссы с исполнительной властью вместо острой конфронтации¹⁶¹. Представители нарождавшегося российского крупного бизнеса стали ключевыми бенефициарами «залоговых аукционов»¹⁶², когда правительство России передало контрольные пакеты акций крупнейших предприятий в нефтяной отрасли, металлургии и других отраслях в залог российским банкам в обмен на выплату ими денег. Фактически российские власти передали контроль над крупными предприятиями произвольно отобранным бизнесменам, тесно связанным с чиновниками и помимо денег гарантировавшим правительству политическую поддержку в преддверии намеченных на лето 1996 года президентских выборов. Эти меры позволили Ельцину поддерживать статус-кво, хотя общественные настроения и расстановка сил складывались не в его пользу.

На состоявшихся в декабре 1995 года выборах в Государственную думу второго созыва почти половину мест в палате получили кандидаты от КПРФ и ее союзников, тогда как проправительственный блок «Наш дом — Россия» во главе с Черномырдиным набрал немногим более 10% голосов избирателей. При этом парламентские выборы 1995 года носили в целом справедливый характер.

Проправительственные партии и кандидаты использовали административные ресурсы в свою поддержку, но в условиях открытой конкуренции это мало повлияло на исход кампании, который в основном отражал волю избирателей.

Хотя оппозиция добилась контроля над Думой, она не могла сформировать правительство или повлиять на его политический курс, а ее инициативы блокировались президентом и правительством. Однако результаты выборов продемонстрировали слабость позиций проправительственных партий и относительно высокую популярность оппозиции. На первый взгляд, президентские выборы, состоявшиеся всего лишь полгода спустя, неизбежно должны были завершиться победой оппозиционного кандидата и сменой политического курса правительства. Однако в ходе голосования, состоявшегося летом 1996 года, Ельцин одержал убедительную победу над своим главным конкурентом — лидером КПрФ Геннадием Зюгановым.

Накануне президентской кампании уровень массовой поддержки Ельцина не превышал 5%, будучи подорван затяжным спадом в экономике и непрекращающейся крайне непопулярной войной в Чечне. Поражение Ельцина на президентских выборах и приход к власти оппозиции исключали его выживание не только в качестве политического лидера, но и в плане личной безопасности (Ельцину, скорее всего, пришлось бы отвечать за силовой роспуск парламента и за войну в Чечне). Цена поражения на выборах была слишком высока, чтобы Ельцин и его союзники могли пойти на такой риск.

Поэтому правящая группировка всерьез рассматривала варианты возможной отмены выборов или объявления их результатов недействительными в случае поражения Ельцина. В марте 1996 года окружение Ельцина даже приступило было к роспуску Госдумы, намереваясь запретить КПрФ и отменить выборы. Однако цена отказа от существующих «правил игры» и выживания правящей группы посредством подавления

оппозиции и отказа от выборов могла оказаться слишком высокой. Такой шаг мог расколоть элиты еще глубже, чем в 1993 году, привести к окончательной утрате Ельциным контроля над ситуацией в ряде регионов, да и в стране в целом. Вероятнее всего, в результате подобного государственного переворота легитимность Ельцина и всего политического режима оказалась бы под угрозой. Поэтому в «критический момент», в марте 1996 года, был сделан вынужденный выбор в пользу проведения президентских выборов, но об их справедливом характере говорить не приходилось¹⁶³.

Избирательному штабу Ельцина во главе с Анатолием Чубайсом удалось мобилизовать в его поддержку практически все доступные Кремлю ресурсы, что позволило добиться сплочения и расширения коалиции сторонников и среди элит, и среди российских граждан. В ход пошли административные рычаги: штаб использовал государственный аппарат в Центре и в регионах для ведения кампании и контроля над основными СМИ. Благодаря большим финансовым вливаниям, включая кредиты Международного валютного фонда, Кремлю удалось купить лояльность большинства социальных групп, в том числе обеспечив выплату части государственных долгов по пенсиям и заработной плате военным и сотрудникам бюджетных отраслей.

С рядом влиятельных лидеров российских регионов и республик Ельцин заключил новые договоры о разграничении полномочий, а длившаяся почти полтора года война в Чечне сменилась перемирием. Интеллигенция была запугана нагнетанием ужасов в сценарии, если бы коммунисты вернулись к власти в стране. Артисты на серии проходивших по всей стране бесплатных концертов призывали молодежь голосовать за Ельцина под лозунгом «Голосуй, или проиграешь!».

Некоторые из конкурентов Ельцина были изначально «включены» в его кампанию (как генерал Александр Лебедь, который после первого тура голосования открыто перешел на

его сторону); другие, как лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский, подверглись давлению и дискредитации. Вместе с тем главный конкурент Ельцина Зюганов стал жертвой жесткой публичной обструкции в СМИ. Несмотря на значительное число своих «твердых» сторонников, Зюганов в ходе выборов так и не смог создать достаточно широкую коалицию из числа противников статус-кво и оказался в политической изоляции. Будучи неспособен заручиться поддержкой со стороны большинства избирателей, необходимой для победы на выборах, после первого тура выборов он фактически отказался от дальнейшей борьбы. Специалисты оценивали кампанию Зюганова как весьма бледную и маловыразительную, и иногда даже выдвигали предположения о сговоре между правящей группировкой и оппозицией¹⁶⁴.

Немалую роль в исходе голосования сыграло также административное давление на избирателей, свидетельством чего стало резкое изменение результатов голосования за Ельцина и за Зюганова в первом и втором турах выборов в ряде регионов. На отдельных территориях было документально зафиксировано немалое количество фальсификаций в пользу Ельцина, однако нет свидетельств того, что они обусловили исход голосования. Несправедливые выборы, впрочем, не встретили отпора со стороны значимых политических акторов, включая оппозицию, признавшую их итоги. Более того, проигравшая на выборах КПРФ позднее сменила тактику, объявив лозунг «врастания во власть», и позднее уже не представляла сколько-нибудь значимой угрозы для правящей группы¹⁶⁵.

В итоге предвыборная кампания наряду с другими факторами сыграла не последнюю роль в успехе Ельцина, который, по официальным данным, одержал победу над Зюгановым в первом туре голосования (35% против 32%) и по итогам второго тура (53% против 40%). Но переизбрание на второй президентский срок стало для Ельцина «пирровой

победой»: 65-летний пожилой человек, организм которого был подорван злоупотреблением спиртным и инфарктом, не выдержал напряжения в ходе кампании.

В промежутке между первым и вторым турами голосования Ельцин перенес сердечный приступ и уже не появлялся на публике. А после переизбрания ослабленный Ельцин оказался не в состоянии управлять своим окружением, и процесс «дележа добычи» по итогам выборов свелся к вознаграждению постами участников кампании. Чубайс возглавил Администрацию президента, Лебедь на некоторое время занял пост секретаря Совета Безопасности (но через три месяца был отправлен в отставку), ряд влиятельных постов получили и предприниматели, спонсировавшие кампанию Ельцина. Некоторые из них, как Борис Березовский, играли значимую роль в борьбе различных группировок за сферы влияния в Кремле и активно влияли на ряд ключевых политических назначений¹⁶⁶, а также на перераспределение активов в ходе приватизации — такого рода политика получила название «захват государства»¹⁶⁷.

Черномырдин, сохранив пост главы правительства, был при почти полной поддержке оппозиционной Думы вновь утвержден на своем посту. В правительстве было создано 10 должностей вице-премьеров, представлявших разные политические группировки и клики. Ну а Ельцин осенью 1996 года перенес тяжелую операцию на сердце. Длительная болезнь вывела его из строя более чем на полгода, и позднее он уже никогда не смог восстановить бывшего физического здоровья и политического влияния.

Так или иначе, президентские выборы 1996 года сыграли ключевую роль в сохранении статус-кво. «Любой порядок» снова оказался лучше «любого хаоса»: хотя ни один значимый актер и не мог быть удовлетворен существующей ситуацией, никто не был способен односторонне изменить «правила игры» в свою пользу. Такое временное и неустойчивое равновесие

политических сил вскоре привело к весьма пагубным последствиям.

«ВОЙНА ЗА ЕЛЬЦИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ», ЧАСТЬ 1

После переизбрания Ельцина на второй срок «выигрышная коалиция» вокруг него оказалась по-прежнему рыхлой и неустойчивой. Для физически и политически ослабленного Ельцина встала задача подбора преемника, способного обеспечить гарантии безопасности ему и его окружению. В то же время общая неудовлетворенность положением дел в стране вынуждала его к смене правительственного курса и к проведению более активной политики. В марте 1997 года Ельцин предпринял попытку развернуть ситуацию в этом направлении. Он провел реорганизацию кабинета Черномырдина, в котором ключевые посты первых вице-премьеров заняли «молодые реформаторы»: Чубайс и бывший нижегородский губернатор Борис Немцов, который рассматривался в качестве возможного преемника Ельцина на президентском посту.

Это решение устраивало далеко не всех представителей российских элит. Многие заинтересованные группы, пользовавшиеся в своих целях близостью к власти и доступом к принятию решений, не желали лишаться привилегированного положения, а попытки правительства избавиться от «захвата государства» представителями крупного бизнеса (олигархами) встретили с их стороны жесткое сопротивление. Конфликт вокруг приватизации предприятий вскоре приобрел более ожесточенный характер: телеканалы ОРТ и НТВ, контролируемые олигархами (соответственно, Березовским и Владимиром Гусинским) начали кампанию по дискредитации новых претендентов на лидерство.

Влияние «молодых реформаторов», во многом основанное на их поддержке президентом, оказалось подорвано, а многочисленные планы по проведению реформ налоговой

системы, жилищно-коммунальной и социальной сфер, бюджетного устройства, отношений Центра и регионов так и остались нереализованными. Чубайс и некоторые из его соратников были обвинены в получении крупных сумм в виде гонорара за еще не написанную ими книгу о приватизации в России и в результате лишились своих ключевых постов¹⁶⁸.

Фактически острый конфликт элит был обусловлен борьбой за передел сфер влияния и началом «войны за ельцинское наследство». Российский политический режим все чаще стал обозначаться как «олигархия» в связи с ролью, которую стремились играть олигархи в борьбе за власть. Другим ключевым термином в описании российской политики того времени стало понятие «семья», обозначавшее не только непосредственно членов семьи Ельцина, но и все его окружение, ставшее символом неэффективности управления и коррупции¹⁶⁹.

В преддверии цикла парламентских и президентских выборов 1999–2000 годов уход Ельцина с поста главы государства становился неизбежным. Дело было не только в ограничении сроков президентских полномочий. Даже здоровье Ельцина не являлось в этом плане совершенно непреодолимым препятствием. Но вновь, как в 1996 году, добиться поддержки Ельцина среди избирателей было уже нереально. Уровень недовольства россиян экономической ситуацией в стране, политическим режимом и лично главой государства был очень высок на фоне продолжавшихся хронических задержек с выплатами пенсий и зарплат работникам бюджетных учреждений, фактического выхода многих регионов из-под контроля Центра и нерешенных проблем упадка правопорядка и законности в стране.

Недовольство нарастало и в российском политическом классе, представителям которого сильно надоели и «загогулины» президента, и неэффективность управления в целом. Но цена поста президента была столь высока, что сам вопрос о том, станут ли выборы механизмом смены власти в

России, и если да, то как именно этот механизм может сработать, приобретал особое значение. Ни разу прежде за всю историю России ни один глава государства не покидал свой пост в результате выборов. Между тем даже лояльные прежде Ельцину политики, в том числе Черномырдин и мэр Москвы Юрий Лужков, заявляли о своем намерении участвовать в намеченных на 2000 год президентских выборах.

Отсутствие координации между ними усиливало неопределенность, и ни один из претендентов не мог, да и не хотел дать необходимых гарантий политического и физического выживания представителей ельцинской «семьи». В марте 1998 года Ельцин неожиданно для большинства наблюдателей принял решение об отставке правительства Черномырдина и выдвинул на пост главы правительства 35-летнего министра топлива и энергетики Сергея Кириенко, всего лишь за несколько месяцев до этих событий занявшего свой пост.

Отставку кабинета и назначение Кириенко представители российских элит восприняли негативно. Государственная Дума утвердила его кандидатуру лишь после того, как Ельцин в третий раз представил его депутатам, угрожая в противном случае роспуском нижней палаты. Не обладавший достаточным авторитетом и влиянием, Кириенко мог проводить в жизнь свои решения, опираясь лишь на поддержку президента. Его кабинет имел не политический, а чисто «технический» характер, будучи призван решать тактические задачи. Правительство было в очередной раз реорганизовано на фоне крайне низких цен на нефть и разразившегося финансового кризиса в странах Азии, помноженного на фискальный кризис (неспособность собирать налоги) внутри России.

В результате такого развития событий правительство оказалось не в состоянии удерживать контроль. Вскоре рост пирамиды российского государственного долга приобрел угрожающие масштабы. Власти действовали с запозданием, сталкиваясь с сопротивлением в Госдуме и за ее пределами, и

не обладая достаточной политической поддержкой¹⁷⁰. 17 августа 1998 года правительство и Центральный Банк с согласия Ельцина вынуждены были объявить о девальвации рубля и о замораживании финансовых обязательств российского государства перед отечественными и зарубежными кредиторами. 23 августа Ельцин подписал указ об отставке правительства Кириенко, после чего экономический кризис в России перерос в политический¹⁷¹.

Кризис не только нанес сильный удар по многим компаниям и обесценил сбережения граждан, породив волну массового недовольства. Он резко увеличил уровень неопределенности, всерьез и надолго дискредитировал и «молодых реформаторов», и в целом либеральные реформы в России. Оказалось довольно сильно подорвано влияние олигархов, которые лишились не только немалой части своих активов, но и возможностей для «захвата государства»¹⁷². Ряд региональных лидеров требовал от Центра большей самостоятельности по распоряжению ресурсами. Партии и думские фракции, как левые, так и правые, не без оснований возлагали вину за кризис на Ельцина (и без того крайне непопулярного в глазах россиян), а тот, в свою очередь, временно возложил исполнение обязанностей премьер-министра на возвращенного из отставки Черномырдина, вновь угрожая Думе роспуском в случае отказа утвердить его премьером.

Такое развитие событий не могло устраивать российские элиты. Черномырдин был непопулярным среди населения политиком, который, по мнению и избирателей, и элит, нес ответственность за экономический кризис. Его перспективы не могли внушать оптимизм. Никто не верил в способность кабинета Черномырдина переломить негативные тенденции в экономике и управлении страной, а его возвращение на пост премьер-министра означало бы фактическое признание его преемником Ельцина. Черномырдин в преддверии выборов мог

получить контроль над государственным аппаратом, что не устраивало других потенциальных претендентов.

После того, как кандидатура Черномырдина была дважды провалена в парламенте, Ельцин оказался перед сложной дилеммой: представлять вновь ту же самую непопулярную кандидатуру, а затем идти на роспуск Думы и новые выборы, или найти иную, приемлемую для депутатов кандидатуру премьера. Внеочередные выборы на фоне масштабного кризиса могли еще больше навредить Ельцину, поэтому Кремль не был заинтересован в их проведении. Так Ельцин был вынужден пойти на компромисс: на пост премьер-министра была предложена кандидатура 69-летнего министра иностранных дел Евгения Примакова, который не был связан ни с одной из конкурировавших за влияние в Кремле группировок, не нес ответственность за кризис в экономике и не идентифицировался с коррупционными скандалами. В сентябре 1998 года Примаков стал главой кабинета при поддержке подавляющего большинства депутатов Госдумы.

И сама фигура Примакова, и связанный с его назначением компромисс рассматривались многими лишь как временное и частичное решение. Согласно российской Конституции, правительство страны не было самостоятельным, являясь не более чем командой наемников-профессионалов, которые несли ответственность лично перед президентом. Но правительству Примакова удалось, опираясь в том числе на согласие почти всех фракций парламента, добиться первых успехов: ситуация в экономике через несколько месяцев стабилизировалась, и после болезненного дефолта вскоре начался экономический рост, позднее принявший устойчивый характер.

Между тем по мере приближения электорального цикла смена власти в Кремле воспринималась как неизбежная, и Примаков в этом свете все чаще рассматривался как весьма перспективный кандидат на пост главы государства. Он был приемлемым для ряда партий, региональных лидеров, части

экономических элит и общественного мнения. Но кабинет Примакова оставался заложником Ельцина — его политический курс вступал в явное противоречие с интересами «семьи» и связанных с ней группировок бизнеса, стремившихся добиться передачи президентской власти в руки приемлемого кандидата. Идея Примакова о заключении «пакта» между президентом, правительством и палатами парламента по поводу моратория на отставку правительства, на роспуск Думы и импичмент президента вплоть до очередных выборов (то есть временное сохранение статус-кво до выборов с последующим перехватом позиции доминирующего актора самим Примаковым) была однозначно отвергнута Кремлем.

В стране в это время усиливались требования отставки Ельцина и проведения досрочных президентских выборов. Еще весной 1998 года Государственная Дума по инициативе КПРФ создала комиссию по подготовке импичмента президента, обвинив его в совершении ряда тяжких преступлений, включая роспуск СССР, расстрел парламента в 1993 году и ведение войны в Чечне. Угроза импичмента долгое время служила лишь средством политического давления на Кремль и не воспринималась всерьез (по Конституции приведение этой угрозы в действие было крайне затруднительным). Но в мае 1999 года большинство депутатов (284 из 450) проголосовало за импичмент, обвинив Ельцина в развязывании войны в Чечне.

Этого числа голосов оказалось недостаточно для начала процедуры отстранения Ельцина от власти (по Конституции было необходимо не менее 300 голосов), но жертвой этого демарша оказался Примаков: накануне голосования по началу процедуры импичмента Ельцин без каких-либо публичных объяснений отправил его в отставку. Главой кабинета стал прежний министр внутренних дел Сергей Степашин, который был без дискуссий утвержден на этом посту Думой в качестве «технического» премьер-министра. Но и Степашин, который пытался маневрировать между различными группировками и

не имел собственной политической повестки, не устроил «семью», и в августе 1999 года он был внезапно заменен главой Федеральной службы безопасности (ФСБ) Владимиром Путиным, которого Ельцин публично представил согражданам как будущего президента России. Казалось, что политический кризис в стране в преддверии выборов достиг своего предела.

«ВОЙНА ЗА ЕЛЬЦИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ», ЧАСТЬ 2

Одновременно с назначением Путина на пост главы правительства Ельцин подписал указ о новых выборах в Государственную Думу в декабре 1999 года. Само расписание выборов предполагало, что они станут прелюдией к очередным президентским выборам 2000 года, и их результаты становились ориентиром как для избирателей, так и для элит: победитель этих выборов фактически получал все козыри в борьбе за президентский пост, цена которого была исключительно высока.

К этому моменту конфликт между бывшими участниками «выигрышной коалиции» вступил в открытую фазу. Общественное мнение уже списало Ельцина почти со всех счетов и явно поддерживало его предстоящий уход с политической сцены. Но «негативный консенсус» по отношению к сложившемуся статус-кво преобладал среди российских политических и экономических акторов. Те формальные и неформальные «правила игры», которым они следовали ранее, показали свою неэффективность в ходе кризиса 1998 года. Неудивительно, что среди российских элит отмечался «запрос на рецентрализацию» государственного управления¹⁷³. Одновременно с этим критики Ельцина, от КПРФ до «Яблока», ставили в повестку дня вопросы об усилении полномочий парламента, ограничении президентской власти и консолидации партийной системы. Этот критический фон определял и настрой на перемены в стране в ходе выборов.

В преддверии электорального цикла 1999–2000 годов начала складываться довольно рыхлая коалиция региональных лидеров и олигархов, стремившаяся к победе на думских выборах и последующему захвату позиции доминирующего актора. Ее основным создателем выступал Лужков, которому удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятельных региональных лидеров, включая президента Татарстана Минтимера Шаймиева под флагом сперва объединения «Отечество», а затем и созданного на его базе блока «Отечество — вся Россия» (ОВР). Однако для успеха в масштабах страны этого было явно недостаточно. Осторожные региональные лидеры не слишком стремились брать на себя обязательства перед московским мэром, да и настрой представителей бизнеса был по большей части выжидательным.

Однако после того, как Лужкову удалось привлечь на свою сторону Примакова, популярность которого после отставки резко возросла, лагерь потенциальных фаворитов выборов обрел лидера. Предполагалось, что успех ОВР на думских выборах приведет к выдвижению на президентских выборах Примакова как единого кандидата, который будет поддержан различными сегментами федеральных и региональных элит. Примаков, с его успешным опытом руководства правительством, казался именно таким кандидатом: многие наблюдатели полагали, что в случае участия Примакова в президентских выборах он мог бы заручиться поддержкой и со стороны КПРФ. Лужков рассматривался как потенциальный кандидат на пост премьер-министра России. К лету 1999 года политические конфликты российских элит, казалось, приобрели характер открытой электоральной конкуренции, когда борющиеся за власть и влияние группировки элит оказались вынуждены идти на выборы, создавая свои партии и в ходе этой борьбы привлекая на свою сторону сторонников как из числа влиятельных акторов в Центре и в регионах, так и среди избирателей.

В преддверии выборов, стремясь дистанцироваться от непопулярного Ельцина, лидеры ОВР резко критиковали его самого и его администрацию. Казалось, что Кремль был не в силах что-либо противопоставить этой критике¹⁷⁴: лишь в ходе кампании был создан лояльный Кремлю избирательный блок «Единство», который возглавил министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу. Но его шансы на первых порах выглядели весьма незначительными.

Однако вскоре ситуация резко изменилась, выйдя за рамки предвыборной борьбы. Еще весной 1999 года федеральные силовые структуры начали подготовку к силовой операции в Чечне против неподконтрольных Кремлю чеченских вооруженных отрядов. В августе 1999 года группы боевиков прорвались на территорию Дагестана, вступив в бои с местной милицией. После того, как к боевым действиям подключились регулярные армейские подразделения и части МВД, боевиков удалось вытеснить в Чечню и начать их преследование.

В начале сентября в Москве и в Волгодонске произошла серия взрывов жилых домов, которые унесли несколько сотен жизней. Эти события потрясли страну: угрозы безопасности превратились из весьма абстрактного термина в часть повседневности россиян. Спустя несколько дней в одном из домов в Рязани был обнаружен мешок со взрывчаткой, после чего представители ФСБ заявили, что проводили там контртеррористические учения, а мешок был будто бы наполнен сахаром. В связи с этим выдвигались даже версии о причастности к взрывам российских спецслужб, но доказательств этому не было представлено, и реальные виновники взрывов не установлены и по сей день.

Массовое восприятие, в том числе и под воздействием политиков и СМИ, возлагало ответственность за взрывы на чеченских террористов. Это обусловило перелом в общественных настроениях по отношению к событиям в Чечне. Если во время первой чеченской войны 1994–1996 годов ее оценки россиянами были главным образом негативными, то

после взрывов в Москве требования возмездия стали всеобщими. На этом фоне Путин продемонстрировал решительность и жесткое намерение уничтожить боевиков, и даже заявил в одном из интервью о намерении «мочить в сортире» террористов, если придется. В октябре 1999 года в Чечню были введены российские войска, что положило начало второй чеченской войне. Уже на первом этапе она принесла федеральным войскам видимые успехи: боевиков удалось вытеснить из равнинных районов республики, а концу 1999 года в руках федеральных войск оказались столица Чечни — Грозный и большинство других населенных пунктов республики.

Успешная военная кампания позволила добиться мощного укрепления политического авторитета и влияния Путина¹⁷⁵. Речь шла не только о его массовой поддержке, но и о смене настроений элит по ходу избирательной кампании. Взрывы в Москве нанесли сильный удар по авторитету лидеров ОВР, подорвав веру элит в их способность обеспечить защиту от новых угроз. В ситуации, когда от претендентов на руководство страной нужна была демонстрация способности к решению внезапно возникших и ставших наиболее острыми проблем, ОВР как «партия будущей власти» оказалась весьма уязвимой. Примаков, не обладая властью, не имел возможности влиять на ход событий. Лужков же, ранее не без оснований гордившийся экономическим благополучием столицы, оказался под огнем критики и обнаружил себя в положении «завхоза, не способного обеспечить порядок в своем хозяйстве»¹⁷⁶.

На фоне укрепления позиций Путина эти обстоятельства были использованы Администрацией президента в борьбе против ОВР. По ходу кампании «Единство» все чаще ассоциировалось с поддержкой Путина. Сам популярный премьер-министр объявил Шойгу одним из своих лучших друзей и заявил, что будет голосовать за список «Единства». Вскоре после этого уровень массовой поддержки «Единства» резко возрос, что послужило сигналом для различных акторов

(включая региональных лидеров), которые на глазах начали стремительно перебегать из лагеря поддержки ОВР на сторону потенциальных победителей. Да и сами лидеры блока демонстрировали полную лояльность Путину.

Главным орудием в ходе кампании стали каналы телевидения, которые для большинства избирателей были основным источником информации о партиях и кандидатах. Самые главные общероссийские каналы, ОРТ и РТР, подвергли ОВР уничтожающей критике, вплоть до обвинений в адрес Лужкова о соучастии в заказных убийствах. В то же время они «продвигали» «Единство» с помощью косвенной рекламы и односторонней подачи новостей. Там, где местные телеканалы контролировались ОВР, картина новостей была противоположной, но аудитория и ресурсы местных каналов явно уступали федеральным.

«Информационные войны», по оценкам исследователей, оказали значительное влияние на голосование избирателей, подорвав поддержку ОВР¹⁷⁷. Но они сами по себе являлись лишь отражением конфликта элит, в ходе которого блок ОВР стремительно терял очки, причем быстрота разрушения его электоральной базы даже обгоняла темпы формирования электорального потенциала «Единства». Этой ситуацией успешно воспользовался Союз правых сил (СПС), созданный при активном участии либеральных политиков, входивших в состав прежних правительств. Как и «Единство», он пользовался поддержкой президентской администрации и ведущих телеканалов.

Итоги выборов продемонстрировали новую расстановку сил. КПРФ с 24,3% голосов вместе со своими союзниками получила 130 из 450 мандатов в Думе и не могла претендовать даже на роль «группы вето». Зато «Единство» с 23,3% голосов стало главным победителем выборов, разгромив ОВР (13,3%), которое вскоре пережило фактический распад. Буквально сразу после выборов ряд региональных лидеров, входивших в ОВР,

заявили о безусловной поддержке ими Путина, дезавуировав прежние претензии ОВР на превращение в партию.

Результаты парламентских выборов создали возможности для неожиданного для многих шага Ельцина. Накануне Нового года, 31 декабря, он выступил по телевидению с заявлением о своем уходе в отставку с поста президента России. Согласно Конституции, Совет Федерации назначил внеочередные президентские выборы на 26 марта 2000 года. До проведения выборов президентские полномочия исполнял премьер-министр Путин, первым же своим указом предоставивший гарантии неприкосновенности Ельцину и членам его семьи. Фактически Ельцин назначил Путина своим преемником, передав ему всю полноту президентской власти.

Это заявление было встречено благожелательно и общественным мнением, и элитами: сам факт, что Ельцин, утративший и популярность, и способность к управлению, наконец-то покинул свой пост, воспринимался позитивно. Президентский пост занял фактический победитель парламентских выборов, которого элиты, да и общественное мнение готовы были признать в качестве доминирующего актора. Выборы в этом плане играли роль инструмента легитимации уже принятого политического решения, и режим пережил «критический момент» преемственности власти, избежав рисков открытых конфликтов.

На фоне и без того высокой популярности Путина его шансы на победу на внеочередных выборах были велики. Экономический рост, приобретающий все более уверенный характер, усиливал поддержку нового лидера. Перед другими потенциальными кандидатами встал выбор между участием в выборах без серьезных шансов на победу и отказом от борьбы. Коалиция Примакова–Лужкова распалась, ее вчерашние участники предпочли кооптацию в состав теперь уже новой «выигрышной коалиции» вокруг Путина. Примаков вынужденно объявил о своем отказе от участия в выборах, а вскоре и блок ОВР поддержал кандидатуру Путина на выборах.

Сама кампания на фоне скандальных думских выборов проходила достаточно вяло. Путин в основном использовал свой ресурс как действующего главы государства, опираясь на поддержку общественного мнения, которая значительно возросла после его назначения исполняющим обязанности президента. По ходу кампании в лагерь сторонников Путина переходили все новые организации и публичные деятели, региональные лидеры и представители бизнеса. Хотя все эти акторы серьезной роли в ходе кампании не играли, их позиции носили знаковый характер, демонстрируя обществу консенсус, сложившийся вокруг фигуры нового лидера.

Его возвышение оказалось безоговорочным, и речь о каких-либо обязательствах Путина по отношению к выстроившимся в очередь союзникам даже не шла. Характерно, например, что Путин отказался представить свою предвыборную программу, заявив, что в этом случае она подвергнется критике со всех сторон. Голосование продемонстрировало безоговорочную победу Путина: он набрал 52,9% голосов избирателей, и эти результаты выборов не были оспорены никем из кандидатов, а их исход не вызывал сомнений. 7 мая 2000 года Путин официально вступил в должность президента России. Так, вместе с периодом «лихих» 1990-х «война за ельцинское наследство» завершилась приходом к власти нового главы государства. Неудавшаяся демократизация страны подошла к своему окончанию.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 1990-Х

Период 1990-х годов, насыщенный острыми конфликтами и временными тактическими компромиссами элит, большинство специалистов расценивали как весьма неоднозначный и глубоко противоречивый с точки зрения политического развития страны. Задачи «тройного перехода» были решены лишь частично и далеко не лучшим образом. Затянувшиеся и крайне болезненные экономические реформы начали

приносить первые плоды лишь после кризиса 1998 года, когда начавшийся рост экономики пришел на смену глубокому и длительному трансформационному спаду (в дальнейшем этот рост приобрел впечатляющий характер и продолжался вплоть до 2008 года). Однако два других измерения российской трансформации — динамика политического режима и преобразования национально-государственного устройства страны — демонстрировали многочисленные и масштабные патологии.

На первый взгляд, несмотря на трагическое разрешение конфликта октября 1993 года, Россия, пусть непоследовательно и неуверенно, но все же продвигалась по пути демократизации. На референдуме была принята новая Конституция страны (пусть весьма далекая от идеалов демократии), созданы основы избирательной системы, начал работать профессиональный парламент, избранный на основе межпартийной конкуренции, созданы благоприятные условия для развития партийной системы. Но эти реформы были лишь частичными: они не создавали гарантий проведения честных выборов и механизмов смены власти вследствие конкуренции за голоса избирателей (то есть демократической подотчетности).

Кампания президентских выборов 1996 года развеяла иллюзии в отношении демократического потенциала российского политического режима. Борьба клик среди российских элит, противостояние региональных и общероссийских заинтересованных групп обуславливали фрагментацию политического класса и поддерживали междоусобицу, которая, хотя внешне напоминала демократическую конкуренцию, была построена на иных основаниях. *Никто из акторов в 1990-е годы не обладал достаточными ресурсами для монополизации власти, в том числе из-за того, что сами ресурсы были расплывлены, а возможности акторов по их изъятию и перераспределению наталкивались на слабость и фрагментацию государства.* Таким образом, в России в этот период фактически сложился

«плюрализм по умолчанию», когда фрагментированные элиты не способны были сформировать устойчивую «выигрышную коалицию», возглавляемую лидером, чья доминирующая позиция не подвергалась сомнению. В таких условиях конфликты и компромиссы российских элит носили временный и неустойчивый характер¹⁷⁸. Равновесие политического режима было лишь частичным, и о его консолидации говорить попросту не приходилось.

Эти конфликты и компромиссы элит повлияли на формальные и неформальные «правила игры». Многие законы и другие нормативные акты, принимавшиеся в 1990-е годы, были полны половинчатых формулировок, преднамеренных умолчаний и непреднамеренных «дыр». Однако в условиях отмечавшейся всеми наблюдателями слабости российского государства эти «правила игры» поддерживали, по крайней мере на некоторое время, элементы демократического устройства в России. *Тем не менее демократия не могла закрепиться сама собой, «по умолчанию», без усилий по ее строительству и воплощению в жизнь, предпринимать которые не был заинтересован никто из значимых акторов.* Все они боялись нарушения политического статус-кво, не имея гарантий сохранения своего статуса и влияния в будущем, и в то же время не готовы были предпринимать усилия для институционального закрепления конкуренции — оно предполагало бы смену власти в результате выборов, что противоречило принципу «мы теперь у власти — это и есть демократия».

Платой за поддержание статус-кво стал ряд глубоких патологий в российской политике и государственном управлении. Речь шла не только о заведомо несправедливом характере выборов и на федеральном уровне, и в ряде регионов страны. Российская партийная система характеризовалась высоким уровнем партийной фрагментации и электоральной неустойчивости¹⁷⁹. В части взаимоотношений Центра с регионами наблюдалась спонтанная передача сверху вниз

важнейших рычагов управления, включая правила регулирования¹⁸⁰ и административные ресурсы, в том числе фактическое право неисполнения федеральных законов, контроль над силовыми структурами (прокуратурой, милицией)¹⁸¹, экономическими ресурсами и особенно правами собственности¹⁸², а также над бюджетными средствами, субнациональная доля которых к 1998 году возросла в общем объеме бюджета страны почти до 60%.

Утрата Центром рычагов воздействия на региональные политические процессы вела к превращению региональных элит в акторов, способных играть роль «группы вето» в ходе федеральных выборов, тем самым вынуждая Центр к новым уступкам. «Захват государства» группировками бизнеса и вызванные этим извлечение ренты и масштабная коррупция делали практически невозможным реализацию любого сколь-нибудь последовательного политического курса в различных сферах¹⁸³. Наконец, систематическое откладывание или замораживание принятия многих крайне необходимых решений сыграло немалую роль и в финансовом кризисе 1998 года¹⁸⁴.

Когда критики нынешнего политического режима в России пытаются разглядеть в «лихих 1990-х» окно возможностей для успешного политического развития страны, позднее захлопнутое в 2000-е годы¹⁸⁵, такие оценки выглядят как минимум неоправданными. Как видно из этой главы, на каждой развилке политической истории страны — в 1991, 1993, 1996 и 1999-2000 годах — российские элиты поступали в своих корыстных интересах, всякий раз делая шаг в сторону от демократизации. Просто расплата за эти шаги наступила позднее, в 2000-е и 2010-е годы.

К концу 1990-х годов в России демократизация зашла в тупик, но основания для поворота страны к авторитаризму еще не были сформированы. Отчасти ему препятствовали масштабная фрагментация российских элит, глубокий и

длительный кризис российского государства, которое после распада СССР пребывало в состоянии упадка с точки зрения силового и инфраструктурного потенциала. Однако такое положение дел носило неустойчивый и неэффективный характер, оно рассматривалось большинством политических и экономических акторов как временное и в целом нежелательное. Они отдавали себе отчет, что в 2000-е годы политическое равновесие, сложившееся в России после 1993 года и поддерживавшееся «по умолчанию», ждут серьезные перемены. Хотя никто не был уверен, окажутся ли они к лучшему. *В итоге спрос на перемены был удовлетворен в 2000-е годы, но лекарство от патологий 1990-х годов оказалось опаснее, чем болезни переходного периода.*

ГЛАВА 4

2000-Е: ЭТАЖИ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ»

Из анализа, представленного в первых двух главах этой книги, следует, что демократии не возникают и не укореняются сами собой, «по умолчанию», просто в результате падения предшествующих авторитарных режимов. Даже если демократические институты — выборы, партии, legislatures — вводятся в оборот и декларируются в конституциях и законах, это само по себе не означает, что они в дальнейшем продолжают выполнять демократические функции, а не трансформируются в институты авторитаризма. Многие демократии в мире в течение долгих десятилетий так и не консолидируются, будучи уязвимы к их «захвату» со стороны авторитарных политиков. Некоторые провозглашенные, но так и не добившиеся успехов демократии попросту проваливаются.

Россия 1990-х годов не стала исключением: *демократия, провозглашенная на руинах прежнего коммунистического режима, не добилась успехов как в силу комплексности и сложности «дилеммы одновременности», так и в силу того, что новые правящие группы не были заинтересованы в смене власти в результате демократических выборов.* Такой исход посткоммунистической трансформации означал уязвимость нового политического режима, который был лишен иммунитета к авторитаризму, но при этом ослаблен длительным и драматическим упадком 1990-х годов, который, в свою очередь, во многом стал побочным эффектом драматического краха прежней советской экономической и политической модели.

Но сами собой не возникают и не укореняются не только демократии, но и авторитарные режимы. Даже если авторитарным лидерам удастся прийти к власти тем или иным путем, они далеко не всегда оказываются способны выстроить механизмы, которые обеспечивают их господство в длительной перспективе. Многие из этих режимов, особенно военные, испытывают неразрешимые проблемы со своей легитимностью, в силу чего сроки их существования в среднем короче, чем у других авторитарных режимов¹⁸⁶.

Другая проблема многих автократий — неэффективность и неспособность решать социально-экономические вопросы соответствующих стран — хорошо знакома многим россиянам на примере последних десятилетий Советского Союза¹⁸⁷. Поэтому неудивительно, что авторитаризм «по умолчанию» часто проваливается: консолидировать авторитарные режимы так и не удается, а их лидеры лишаются власти в результате внутриэлитных конфликтов и/или сопротивления со стороны масс.

В этом отношении опыт посткоммунистической России может служить примером своего рода «истории успеха» строительства авторитарного режима взамен провалившейся демократии. В 2000-е годы российские власти смогли успешно адаптировать для достижения своих целей — максимизации собственной власти — тот набор политических институтов, который возник в 1990-е годы, при этом во многом подменив их содержание. По крайней мере в среднесрочной перспективе им удалось успешно решить и проблему легитимности нового авторитарного режима, и проблему его эффективности, тем самым заложив основы для его консолидации в 2010-е годы.

Такое развитие событий стало возможным в результате сочетания структурных факторов и действий российских политических игроков. В 2000-е годы на смену длительному упадку 1990-х годов пришел период восстановления: рост экономики повлек за собой повышение доходов граждан¹⁸⁸. Российские власти смогли умело воспользоваться этими

процессами, чтобы принудить к лояльности одних акторов и избавиться от влияния других, поставить под свой контроль политические и общественные институты (от СМИ до некоммерческих организаций), изменить формальные и неформальные «правила игры» в отношении распределения власти и ресурсов, выстроить иерархическую модель управления страной, получившую в российском политическом лексиконе название «вертикаль власти». Если в 1990-е годы в России возникли предпосылки для строительства авторитаризма, то в 2000-е годы эти предпосылки были воплощены в жизнь, тем самым задав последующую траекторию политического развития страны.

В чем причины такого хода событий в российской политике 2000-х годов и как они отразились на ее политической эволюции? Был ли этот период российской политической истории, который одни специалисты расценивали как «стабильность», а другие как «застой», альтернативой турбулентному периоду «лихих» 1990-х годов или, скорее, его логическим продолжением? Почему и как Путин и его соратники смогли монополизировать политическую власть в стране? Каковы были в этот период стимулы и стратегии российских лидеров для достижения их политических целей, какие факторы способствовали их успеху? Почему Путин, проведший огромную работу по строительству авторитаризма в России, на время передал пост главы государства своему преемнику Дмитрию Медведеву, а позднее вернулся на этот пост и какие уроки российские власти вынесли из этого опыта? Поискам ответов на эти и другие вопросы посвящена данная глава.

«ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕВОЗМОЖНО ОТКАЗАТЬСЯ»

Приход Владимира Путина к власти в России в 1999–2000 годах во многом стал результатом серии случайностей. На излете

второго срока президентства Бориса Ельцина он оказался в нужное время в нужном месте и проявил личную лояльность к своему патрону Ельцину. Но сложись ситуация иначе, в роли преемника мог оказаться иной политик из числа лоялистов уходящего президента или из числа его оппонентов (как, например, Примаков). В связи с этим некоторые критики нынешнего российского политического режима связывают последующее строительство авторитаризма с личностью Путина и с опытом его предшествующей работы в спецслужбах, полагая, что при ином стечении обстоятельств (если бы преемником Ельцина оказался, скажем, Борис Немцов)¹⁸⁹ Россия избежала бы авторитарных соблазнов.

История не терпит сослагательного наклонения, и мы никогда не узнаем, что случилось бы с Россией, если бы победителем в «войне за ельцинское наследство» оказался кто-то иной. Рискну, однако, высказать предположение, что *предпосылки для строительства авторитаризма в России к 1999–2000 годам уже были сформированы, и любому политическому лидеру ими, что называется, было грех не воспользоваться.* Но именно Путин смог наиболее успешно в довольно сжатые сроки добиться максимизации собственной власти, и уже в 2000-е годы стать не только и не столько преемником Ельцина, сколько безусловным и не оспариваемым доминирующим актором на фоне высоких темпов экономического роста в стране: его президентство резко отличалось от периода правления Ельцина.

С точки зрения формальных «правил игры» институты, которые Путин унаследовал от времен Ельцина, казалось бы, обеспечивали ему эффективную монополизацию власти. Он мог опираться на Конституцию 1993 года, предоставлявшую главе государства весьма широкие и слабо очерченные полномочия, которые едва ли не автоматически позволяли ему выступать в качестве доминирующего актора. Но на практике политическому господству препятствовали несколько важных ограничений.

Во-первых, слабость российского государства вынуждала политических лидеров применять важнейшие инструменты контроля — как «кнут», так и «пряник» — в ограниченном масштабе и с большими оговорками. Ельцин мог поощрять или наказывать конкретных чиновников или бизнесменов лишь ad hoc, но не систематически.

Во-вторых, фрагментация элит и на федеральном, и на региональном уровнях не позволяла главе государства успешно поддерживать эффективную и устойчивую «выигрышную коалицию». Проще говоря, каждый из представителей элит играл только за себя и не имел стимулов для устойчивой кооперации. Даже если и когда элитам (как в ходе президентских выборов 1996 года) удавалось сплотиться вокруг Ельцина, эти альянсы носили временный и тактический характер.

В-третьих, уровень массовой поддержки политических лидеров и режима в целом в 1990-е годы оставался весьма низким. На фоне глубокого и длительного экономического спада режим воспринимался россиянами как крайне неэффективный, и его легитимность находилась под вопросом.

Таким образом, максимизация власти и превращение в доминирующего актора не на словах, а на деле, предполагавшее, что Путин будет соответствовать тому «идеальному типу» главы государства, который обрисовал Ельцин («кто-то должен быть главным в стране: вот и все»)¹⁹⁰, требовало от преемника нетривиальных усилий. *Путину необходимо было почти одновременно решить три тесно связанные друг с другом задачи: 1) восстановить и резко укрепить силовой и распределительный потенциал российского государства; 2) принудить самые разные сегменты российских элит к безусловному подчинению главе государства при минимизации рисков нелояльности с их стороны; 3) обеспечить устойчиво высокий уровень массовой поддержки режима.*

Решение задач (1) и (3) требовало от Путина и его соратников успехов в экономическом развитии страны и

эффективных усилий по реорганизации государственного управления. Решение задачи (2) имело политический характер. Путин должен был не просто показать российскому правящему классу, «кто в доме хозяин». В отличие от Ельцина, который время от времени увольнял отдельных чиновников и даже применял силовые методы подавления конкурентов (как это произошло в октябре 1993 года и чуть было не случилось в марте 1996 года), Путин должен был создать и поддерживать то сочетание негативных и позитивных стимулов, которое обеспечивало лояльность российских элит режиму в целом и лично Путину независимо от влияния других факторов.

Путину предстояло предложить своим подчиненным такое сочетание «кнута» и «пряника», которое не оставляло бы им иного выбора стратегии поведения, кроме безусловного подчинения: неважно, по доброй воле или по принуждению. Такой механизм координации элит далее обозначается как «навязанный консенсус»¹⁹¹. Его наиболее точное и краткое определение представлено фразой, которой пользовались представители семьи Корлеоне из кинофильма «Крестный отец», — «предложение, от которого невозможно отказаться».

Однако способы достижения российского «навязанного консенсуса» 2000-х годов сильно отличались от тех, которыми пользовались для достижения своих целей персонажи «Крестного отца». Вито Корлеоне и его сыновья опирались главным образом на жесткое и демонстративное насилие и/или угрозы его применения. Напротив, российский политический режим в 2000-е годы не был высокорепрессивным да и сегодня пока еще не является таковым, несмотря на тенденции, о которых пойдет речь в главах 5 и 6. Скорее наоборот: *главным средством, поддерживавшим «навязанный консенсус» в России 2000-х годов, был не «кнут», а «пряник».*

Лояльность по отношению к режиму и лично Путину открывала представителям российских элит доступ к

различным «кормушкам» (источникам ренты) в качестве платы за их политическую поддержку. Такой механизм управления страной, основанный на коррупции, открывал участникам «навязанного консенсуса» возможности для личного обогащения и заодно позволял Путину без особого труда избавиться от нелояльных подчиненных, обвинив их в многочисленных злоупотреблениях (многие из которых носили вполне реальный, а не вымышленный характер). На первый взгляд, такой способ поддержания «навязанного консенсуса» был крайне неэффективным и дорогостоящим, но его выгоды для поддержания стабильности режима намного превышали издержки.

Путин смог довольно быстро сформировать устойчивый «навязанный консенсус» во многом благодаря успешному экономическому росту и достижениям в сфере государственного строительства. Опираясь на этот механизм, он смог переформатировать не только неформальные, но и формальные «правила игры» в российской политике, предприняв серию шагов по институциональному закреплению авторитаризма в нескольких важнейших сферах: разделение властей, партийная и избирательная системы, взаимоотношения Центра и регионов. В итоге именно эта политическая стратегия способствовала успешной максимизации власти Путина и его окружения.

Подходы Путина и семьи Корлеоне к достижению целей максимизации собственной власти, богатства и обусловленного ими престижного потребления (материальных благ, статуса, престижа) демонстрировали не только различия, но и общие признаки. В их основе лежала опора на персональные связи «патрона» с его многочисленными разнородными клиентами, лично обязанными своему «крестному отцу», обеспечивавшему их благополучие, что гарантировало их безусловную лояльность. Такое развитие событий стало возможным в условиях «постреволюционной» консервативной стабилизации в России, которая пришла на смену бурным

революционным преобразованиям периода «тройного перехода»¹⁹².

Если Ельцин в 1990-е годы фактически был вынужден спешно лепить свою «выигрышную коалицию» на обломках рухнувшего режима из того материала, что оказывался у него под рукой, то Путин в 2000-е годы обладал достаточным запасом времени и ресурсов для последовательного и целенаправленного выстраивания «навязанного консенсуса». Поэтому у него была возможность умело подбирать и расставлять на ключевые позиции верных соратников, находить и иногда специально создавать безопасные ниши для нестойких «попутчиков» и изолировать, а то и наказывать нелояльных потенциальных конкурентов, способных бросить вызов его господству. Такая перегруппировка сил позволила Путину переформатировать структуру персональных связей российских элит в рамках «выигрышной коалиции».

Исследование изменений социальных взаимосвязей российских элит в 2000-е годы весьма ярко продемонстрировало достижения Путина на этом пути. В 2000 году, когда он только пришел к власти, персональные взаимосвязи членов российского правительства строились вокруг нескольких «узловых» деятелей эпохи Ельцина (таких, как Анатолий Чубайс), а сам Путин на этом фоне выступал лишь первым среди равных. В российском журналистском сленге такая схема внутриэлитных взаимодействий получила название «противостояние башен Кремля», которые символизировали группировки, боровшиеся друг с другом за власть и влияние.

Однако уже к 2008 году, когда Путин уступил на время президентский пост Медведеву, он уже выступал единственным центром притяжения всех персональных взаимосвязей членов правительства России¹⁹³. Иначе говоря, *среди российских элит попросту не было никого, обладавшего потенциалом влияния, независимым от доминирующего актора.* Николай Петров уподоблял такую схему взаимосвязей своего рода

«солнечной системе»¹⁹⁴. Хотя группировки и клики в составе элит никуда не делись, Путин как доминирующий актер к тому времени если не полностью определял поведение различных акторов и ключевые решения в российской политике, то, как минимум, был способен не допустить нежелательных для него действий со стороны любых игроков.

У Путина на руках изначально оказались два важнейших козыря, позволившие быстро переиграть всех его реальных и потенциальных соперников. Во-первых, Путин обрел легитимность благодаря успехам на поле электоральной политики. Его победа на президентских выборах 2000 года была основана на широкой и во многом вполне искренней массовой поддержке, в отличие от переизбрания на второй срок Ельцина в 1996 году, которое состоялось лишь благодаря мобилизации всех сегментов элит и под угрозой отказа от выборов как таковых. Поддержка избирателями Ельцина в 1996 году была голосованием против Зюганова, тогда как выборы 2000 года показали высокую популярность Путина, хотя, по сути, избиратели лишь одобрили ставленника российских элит, и не более того (но и не менее)¹⁹⁵.

Во-вторых, Путин смог продемонстрировать свою эффективность благодаря смене тенденций экономического развития страны после пережитого ею спада 1990-х годов, и особенно после кризиса 1998 года. Отчасти успеху Путина способствовал эффект низкой базы. После глубокого и длительного спада экономики (начавшегося еще до распада СССР в 1990 году) восстановительный рост России был почти неизбежен. Позднее рост мировых цен на нефть позволил правительству России относительно быстро решить проблемы финансовой стабилизации, укрепления национальной валюты, ликвидации задолженности по зарплатам и пенсиям, выплаты части внешнего долга и др.

Однако было бы неверно сводить быстрое преодоление последствий трансформационного спада и переход к росту и развитию исключительно к текущей конъюнктуре, которая

оказалась столь благоприятной для Путина. Значимыми были и предпринятые в начале 2000-х годов новые шаги на пути экономических реформ (хотя оценки их вклада в последующие события весьма сильно расходятся)¹⁹⁶. После того, как ключевые посты в экономическом блоке правительства заняли либеральные экономисты, руководство страны одобрило разработанную под их руководством программу экономической политики, выдержанную в духе либерального курса начала 1990-х годов. Условия для ее реализации были куда комфортнее, чем десятилетием ранее, и некоторые из предпринятых шагов (налоговая реформа) дали ощутимые эффекты, хотя в целом предложенный комплекс мер был воплощен в жизнь лишь на 36%¹⁹⁷.

Снижение налогов помогло увеличить их собираемость и вывести часть доходов граждан и компаний из «теневого» оборота¹⁹⁸, отмена ряда ограничений на куплю-продажу сельскохозяйственных земель способствовала развитию аграрного сектора, а либерализация рынка труда сильно облегчила для представителей бизнеса возможности по найму и увольнению работников¹⁹⁹. Специалисты продолжают спорить о том, в какой мере эти шаги российского правительства способствовали бурному росту экономики России в 2000-е годы по сравнению с другими факторами²⁰⁰, но не приходится сомневаться в том, что экономический рост сам по себе оказался важнейшим фактором укрепления власти Путина.

Российский президент и его правительство сосредоточили в своих руках рычаги контроля над важнейшими экономическими активами, а близкие к Путину лица заняли ключевые посты в крупных российских компаниях, начиная от «Газпрома» и заканчивая «Российскими железными дорогами», а также стали получателями крупных государственных контрактов и заказов. Если в 1990-е годы «олигархи», включая Березовского, осуществляли «захват государства» извне, со стороны частного бизнеса, то в 2000-е годы уже ведущие

чиновники во главе с Путиным произвели «захват государства» изнутри, добившись того, что экономические ресурсы российского государства оказались поставлены на службу их собственным интересам²⁰¹. Сформированный таким образом «кумовской капитализм» стал одним из ключевых элементов политико-экономического устройства России²⁰².

Плоды экономического роста в России стали важным источником усиления позиций Путина²⁰³, обеспечивая ему высокий уровень массовой поддержки и, как следствие, немалую «свободу рук» в политике. И даже позднее, когда рост экономики после 2008 года замедлился, а на смену быстрому росту доходов россиян пришла их стагнация, если не падение, по данным массовых опросов Левада-центра, уровень поддержки Путина среди различных групп россиян вплоть до 2020 года почти никогда не опускался ниже 60–65%, а доля россиян, считавших, что «дела в стране идут в правильном направлении», очень редко снижалась ниже 40%. Таким образом, претензии Путина на роль доминирующего актора в российской политике опирались не только на его контроль над взаимодействиями элит, но и на настроения масс, а главное — на реальные успехи в развитии страны.

Умелое выстраивание состава и композиции «выигрышной коалиции» служило хотя и необходимым, но недостаточным условием для максимизации власти Путина. Достижение этой цели требовало от него не просто расстановки лично лояльных ему деятелей на ключевые посты в управлении страной, но и изменения тех формальных и неформальных «правил игры», которые достались ему в наследство от советского периода и от 1990-х годов. Эти изменения требовали от Путина и его соратников выбора оптимальной стратегии по успешному выстраиванию и поддержанию «навязанного консенсуса» и создания таких институтов, которые наиболее эффективно помогали ему максимизировать власть.

График 2. **Россияне одобряют Путина**

Источник: Левада-центр. Одобрение деятельности Владимира Путина (<https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>).

График 3. **Страна развивается в верном направлении**

Источник: Левада-центр. Положение дел в стране (<https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>).

Прежде всего Путин предпринял меры по принуждению к лояльности тех акторов, которые служили источниками реальных и потенциальных вызовов (прежде всего со стороны парламента, политических партий, региональных элит, «олигархов» и СМИ). Главным инструментом этого принуждения выступал государственный аппарат, который в 2000-е годы также подвергся кардинальному реформатированию. Путин начал свое президентство с весьма решительных намерений восстановить и укрепить административный потенциал российского государства, особенно в силовом отношении.

Первые же его программные заявления содержали ключевое слово «государство» почти в том же ключе, что слово «рынок» в выступлениях либеральных экономистов начала 1990-х годов или слово «Бог» в религиозных текстах²⁰⁴. Государство может выступать в политике в разных ипостасях²⁰⁵, но в России оно прежде всего стало инструментом подавления оппонентов и перераспределения ресурсов в руках правящих групп (хотя, разумеется, этим его роль не ограничивалась). Военные действия в Чечне во многом легитимировали использование служб безопасности и других силовых структур в качестве ключевого инструмента в российской политике.

Многие критически настроенные наблюдатели связывали такой механизм «возрождения государственности» с прошлым Путина как сотрудника КГБ²⁰⁶, однако причины и следствия происходивших в стране в 2000-е годы изменений были значительно глубже. Эти процессы демонстрировали не только значительное усиление роли сегментов элит, связанных с вооруженными силами и службами безопасности (которые в российской политике после 1991 года были вытеснены на периферию власти), но и усиление автономии силовых структур и правоохранительных органов, которые из влиятельного инструмента в руках нового доминирующего

актера вскоре стали превращаться в самостоятельных политических игроков со своими интересами и ресурсами.

Если в 1990-е годы многие специалисты отмечали «захват государства» в России извне, со стороны «олигархов»²⁰⁷, то в 2000-е, и особенно в 2010-е годы, на смену ему пришел «захват государства» изнутри, со стороны «силовиков» и связанных с ними заинтересованных групп. Хотя такая стратегия «возрождения российской государственности» в экономическом смысле была крайне неэффективной, но политически опора на силовые структуры как основной ресурс государственного строительства оказалась для Кремля выигрышной. Путин успешно использовал ее для восстановления и поддержания баланса сил между различными сегментами элит, в то время как лозунг «наведения порядка», который сам Путин преподнес россиянам как «диктатуру закона», был воспринят с немалым энтузиазмом и обеспечил новому главе российского государства массовую поддержку.

Упадок правопорядка и всплеск преступности в 1990-е годы создавали немало проблем для России, поэтому стремление поставить «силовое предпринимательство» под государственный контроль²⁰⁸ воспринималось как необходимый шаг. Однако вновь, как и в 1990-е годы, в 2000-е в России оказался справедлив горький тезис Адама Пшеворского: «Поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается»²⁰⁹. Путин и его «диктатура закона» в 2000-е годы воспринимались многими россиянами как единственно возможная альтернатива хаосу. Но именно эта альтернатива впоследствии повлекла за собой нарастание проблем с законностью и произвол «силовиков».

Следующим шагом Путина и его команды стало реформирование «выигрышной коалиции», которая досталась им в наследство от Ельцина. Кремлю удалось кооптировать и поставить под свой контроль тех акторов, которые могли претендовать на политическую автономию. Но

те, кто пытался претендовать на политическое влияние за пределами рамок «навязанного консенсуса», подверглись атакам с различных сторон и вскоре перестали оказывать значимое воздействие на политические и экономические процессы в стране. «Предложение, от которого невозможно отказаться» обязывало ко многому тех акторов, которым оно было сделано.

Первым эпизодом, с которого начался процесс кооптации, стало начало работы нового созыва Государственной Думы. В 1993–1999 годах нижняя палата российского парламента служила базой оппозиционных партий различных оттенков (от КПрФ до «Яблока») ²¹⁰. Однако после триумфа «Единства» на думских выборах 1999 года Кремль мог претендовать если не на большинство мандатов, то как минимум на «блокирующий пакет» при принятии решений ²¹¹. Уже на первом заседании Думы «Единство» и его лояльные сателлиты, управляемые президентской администрацией, достигли неформального соглашения с КПрФ о разделе между ними наиболее значимых постов в руководстве палаты и ее комитетов не пропорционально численности фракций (как это было ранее), а по принципу большинства.

Коммунисты сохранили за собой пост председателя Думы, а «Единство» и его сателлиты провели своих ставленников на должности председателей ее ключевых комитетов. В результате другие фракции (прежде всего, «Отечество»), получили лишь ряд второстепенных постов и вынуждены были согласиться со своим подчиненным статусом. Неудивительно, что вскоре «Отечество» заявило о своем союзе с «Единством» на правах младшего партнера, и в 2001 году оказалось кооптировано в состав созданной по инициативе Кремля новой партии «Единая Россия» (ЕР) на основе принципа «недружественного поглощения». В свою очередь, ЕР «и ее сателлиты создали в Думе коалицию в поддержку Путина, контролировавшую голоса 235 депутатов из 450.

Обеспечив себе устойчивое лояльное парламентское большинство, Кремль организовал новый передел власти в Думе: весной 2002 года коммунисты и их союзники оказались под жестким давлением и встали перед выбором — лишиться постов руководителей палаты и ее комитетов, либо покинуть партию. Неудивительно, что вскоре КПРФ окончательно и бесповоротно утратила влияние на деятельность Думы²¹². Таким образом Кремль обеспечил безусловный контроль над принятием в парламенте основных законов, и правительство России впервые после 1991 года получило поддержку в парламенте, необходимую для принятия ряда мер в области налогового, трудового, пенсионного, судебного законодательства²¹³ (в прежние годы проекты законов в этих сферах откладывались из-за отсутствия поддержки со стороны депутатов). По сути, политическое значение Думы с этого момента и по сей день свелось к юридическому оформлению политических и экономических решений, ранее принятых исполнительной властью и/или президентской администрацией²¹⁴. Дума не то чтобы утратила политическое значение, но ее влияние на российскую политику заметно ослабло.

Успешное обеспечение контроля над Думой помогло Кремлю решить другую, не менее важную задачу — добиться рецентрализации власти и снизить влияние региональных элит на общероссийские политические процессы. Сразу после своего вступления на пост президента России в мае 2000 года Путин объявил о создании семи федеральных округов (каждый из них включал в себя ряд регионов страны, и вместе они покрывали всю территорию России), и о назначении в них своих полномочных представителей с весьма широким и слабо очерченным набором полномочий. Представители президента должны были обеспечить контроль за соблюдением в регионах федеральных законов и за использованием федерального имущества, а также координировать действия

территориальных служб различных федеральных органов исполнительной власти, прежде всего силовых структур.

Власть региональных лидеров, многие из которых бесконтрольно распоряжались ресурсами своих «вотчин», оказалась частично ограничена²¹⁵. Основания для их господства создавались широкими формальными и неформальными властными полномочиями глав исполнительной власти регионов, а также порядком формирования верхней палаты парламента — Совета Федерации. Начиная с 1996 года в его состав входили «по должности» руководители законодательных собраний и органов исполнительной власти регионов России. Такой способ формирования Совета Федерации повсеместно критиковался как неэффективный с точки зрения законотворчества и не обеспечивавший реального представительства интересов регионов в федеральном центре.

Путин предложил новый законопроект, направленный на то, чтобы лишить глав органов власти регионов права заседать в верхней палате парламента, и тем самым снизить их возможности воздействовать на принятие решений в Центре, а заодно и депутатской неприкосновенности. Летом 2000 года Дума приняла закон, согласно которому к началу 2002 года Совет Федерации был реформатирован, и места в его составе были заняты профессиональными законодателями. Новые члены верхней палаты, однако, не избирались в его состав ни напрямую, ни косвенно — они назначались на свои посты региональными органами власти. В верхнюю палату вошли в основном профессиональные лоббисты, лояльные Кремлю, но обладавшие весьма сомнительной легитимностью. Вскоре после этой реформы Совет Федерации полностью утратил всякое политическое значение и впоследствии лишь послушно «штамповал» решения, ранее принятые Кремлем и одобренные Думой²¹⁶.

В целом рецентрализация управления Россией, которая получила в журналистском обиходе название «укрепление

вертикали власти», преследовала цели усиления президентской власти за счет ослабления региональных элит по принципу «игры с нулевой суммой». Еще один закон, одобренный Думой, дал президенту право распускать выборные законодательные собрания регионов России и смещать с постов избранных глав их исполнительной власти в случае нарушения ими федеральных законов. Несмотря на сопротивление Совета Федерации, эти законы были быстро приняты с незначительными поправками, и большинству региональных лидеров пришлось вынужденно согласиться со своим подчиненным статусом.

Для тех акторов, кто был не готов играть по новым правилам, серьезным уроком послужил конфликт в ходе выборов главы администрации Курской области, когда кандидатура губернатора Александра Руцкого за день до голосования была исключена из бюллетеней по решению суда из-за нарушений им закона о выборах (хотя по этим мотивам можно было лишить права быть избранным любого претендента на любой пост, включая Путина). Вскоре после этого уже почти никто из региональных лидеров не только не смел открыто возражать Путину, но даже претендовать на политическую автономию от Кремля.

Одновременно Кремль усилил давление на неподконтрольные ему средства массовой информации — прежде всего, на телевидение, имевшее наиболее широкую аудиторию и возможность влиять на общественное мнение. Собственно, эту функцию важнейшие телевизионные каналы выполняли в ходе выборов 1996 и 1999 годов, и теперь настало время поставить их под контроль Кремля. Уже летом 2000 года, пользуясь контролем государства над 51% акций первого канала телевидения, охватывавшего всю страну, Кремль добился смены политики канала, отстранив от рычагов управления одного из наиболее активных олигархов Бориса Березовского, который ранее фактически управлял им как своей собственностью²¹⁷.

Единственным общероссийским негосударственным телеканалом, который вел неподконтрольную Кремлю политику, оставался НТВ, который принадлежал другому олигарху, Владимиру Гусинскому. НТВ поддержал «Отечество» на парламентских и Явлинского на президентских выборах и открыто критиковал политику Путина в Чечне. В мае 2000 года Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело против Гусинского и ряда возглавляемых им компаний. Вскоре Гусинский был арестован, но позднее его выпустили на свободу и позволили уехать за границу.

После этого на контроль над НТВ стал претендовать его крупнейший кредитор — управляемый государством «Газпром», который в 2001 году добился смены руководства компании и его редакционной политики. Часть журналистов НТВ, не согласных с этим решением, перешла на канал ТВ-6, который контролировал все тот же Березовский. Но к концу 2001 года и ТВ-6 был закрыт по решению суда. Другие общероссийские телеканалы и прочие средства массовой информации, ранее занимавшие независимую от Кремля позицию, после этого не решались проявлять нелояльность к Путину и его политике²¹⁸. Независимые медиа оказались вскоре вытеснены в узкие ниши, если не сказать в «гетто».

По сходной схеме «кнута» и «пряника», кооптации и поощрения лоялистов и наказания тех, кто претендовал на автономию, развивались тогда и взаимоотношения между Кремлем и представителями крупного бизнеса. Летом 2000 года Путин на встрече с олигархами, которая проходила в его загородной резиденции, сделал ключевым лидерам российского бизнеса отдельное «предложение, от которого невозможно отказаться»: оно позднее получило неофициальное название «шашлычное соглашение»²¹⁹. Суть его сводилась к тому, что Путин от имени государства пообещал не пересматривать результаты приватизации и возникшие по ее итогам права собственности и сохранить «равноудаленный» подход по отношению к олигархам. В то же время от

представителей бизнеса требовались лояльность по отношению к Кремлю и невмешательство в процесс принятия важнейших политических решений.

Те немногие олигархи, которые не согласились с условиями этого неформального соглашения, вскоре подверглись наказанию. Борис Березовский, наиболее явно претендовавший на политическую автономию, лишился части своих активов, вынужден был продать оставшиеся по заниженной цене и вслед за этим покинул Россию. У остальных представителей российского бизнеса в такой ситуации уже попросту не оставалось выбора. Одновременно Кремль восстановил контроль над крупнейшими корпорациями, которые формально принадлежали государству, но, по существу, контролировались их менеджментом: наиболее ярким примером стала смена руководства крупнейшего газового монополиста — «Газпрома». Тогда же прокуратура и налоговые органы предприняли ряд проверок и расследований в отношении некоторых компаний, обвиняя их в неуплате налогов и других нарушениях законов.

Эти атаки четко обозначали намерение Кремля ограничить влияние групп экономических интересов на принятие значимых решений, минимизировать их политическую автономию и в целом поставить под контроль государства. Сходные тенденции возобладали и в отношениях Кремля с некоммерческими общественными организациями «третьего сектора». Они также получали доступ к государственной поддержке в обмен на свою политическую лояльность. Вскоре не только все лидеры бизнеса, но и почти все сколько-нибудь влиятельные и публично заметные российские общественные деятели оказались полностью лояльны Кремлю, по доброй воле или вынужденно согласившись на подчиненный статус.

Таким образом, уже в течение первых лет первого президентского срока Путин обеспечил условия для максимизации и монополизации своей власти. Выстроенный им «навязанный консенсус» российских элит

был основан на следующих принципах. Во-первых, согласие элит на отказ от открытой политической конкуренции (то есть фактически табу на электоральную демократию как таковую). Во-вторых, признание элитами господства доминирующего актора над всеми остальными (подчиненными) акторами безо всяких условий. В-третьих, согласие элит с преобладанием формальных и неформальных «правил игры», односторонне навязанных доминирующим актором в ходе регулирования экономических и политических отношений в стране.

Казалось бы, одностороннее навязывание «правил игры» со стороны Путина противоречило идее «диктатуры закона», которую он сам выдвинул в центр своей политической программы. Но на деле путинская «диктатура закона» существенно отличалась от принципа верховенства права (rule of law). Она означала сугубо инструментальное использование любых формальных правовых механизмов как орудия селективного применения санкций на всех уровнях управления государством. В таких спорных случаях, как конфликт вокруг НТВ или исключение Руцкого из участия в выборах, правовые нормы или обвинения в их нарушении использовались как орудие, обслуживающее текущие интересы Кремля. Подобные наборы норм и правил и практика их селективного применения государственным аппаратом, ставшие частью «навязанного консенсуса», не способствовали установлению единых «правил игры» как основы верховенства права. Они обеспечивали господство произвола (arbitrary rule)²²⁰. Эти инструменты были еще успешнее использованы Кремлем на следующем этапе строительства авторитаризма.

ОТ КОНКУРЕНЦИИ К ИЕРАРХИИ

Все правители в мире хотели бы управлять своими странами как можно дольше и с как можно меньшими ограничениями, безо всяких сдержек и противовесов. В большинстве политических режимов они сталкиваются с ограничениями,

которые на них накладывают институты и другие политические акторы (внутренние и международные). Однако лидеры новых, только возникающих политических режимов часто оказываются способны минимизировать эти ограничения в процессе строительства авторитаризма. После распада СССР некоторые постсоветские государства, в которых были установлены персоналистские авторитарные режимы — включая Узбекистан или Туркменистан — демонстрировали большие успехи на этом пути. Однако в других случаях попытки такого рода терпели полный крах, в том числе в ходе «цветных революций» в Грузии, Украине и Кыргызстане.

В России в 2000-е годы была использована иная стратегия строительства авторитарного режима, который пришел на смену неудавшейся демократии. Российский политический режим в 1990-е годы был сугубо персоналистским, и несколько попыток Кремля по созданию «партий власти»²²¹ не принесли больших успехов. Однако авторитарный поворот в России 2000-х годов сопровождался взлетом «Единой России», которая вплоть до настоящего времени доминирует на парламентских и электоральных аренах национального и регионального уровней. Именно в 2000-е годы Кремль предпринял ряд последовательных целенаправленных усилий по созданию доминирующей партии как инструмента стабильности и преемственности нового авторитарного режима²²². Эта стратегия принесла Кремлю немалые успехи, на протяжении ряда лет обеспечивая функционирование электорального авторитаризма.

Почему Кремль обратился к этой стратегии в 2000-е годы и почему она оказалась успешной? Отчасти этот выбор стал следствием уроков, которые российские лидеры извлекли из опыта России 1990-х годов и из опыта других постсоветских стран. Хотя политический режим 1990-х годов был довольно непопулярен среди российских граждан (прежде всего, из-за своей низкой эффективности), Кремль обладал довольно широким пространством для маневра и весьма умело

использовал тактику «разделяй и властвуй». Но такой подход был довольно рискованным, поскольку не создавал гарантий стабильности и преемственности режима, и опыт ряда других постсоветских стран, в частности Украины²²³, давал основания для немалых опасений: конкурентные выборы создавали угрозу потери власти.

Да и в самой России опыт президентских выборов 1996 года рассматривался как нежелательный образец для правящих групп, а риски смены власти в ходе «войны за ельцинское наследство» в 1999–2000 годах повлекли за собой подрыв лояльности прежде подчиненных региональных и отраслевых элит, создавших в преддверии парламентских и президентских выборов 1999–2000 годов рыхлую коалицию «Отечество — Вся Россия». Такое развитие событий представляло угрозу не только политическому, но и личному выживанию Ельцина и его окружения. И хотя Кремль смог его избежать благодаря успешной избирательной кампании²²⁴, повлекшей за собой переход элит в лагерь сторонников «Единства», в 2000-е годы российские лидеры не хотели вновь наступать на те же самые грабли.

Кроме того, первые годы правления Путина изменили горизонт планирования, доступный представителям Кремля. В 1990-е годы предел времени, которым могли оперировать российские политики, составлял месяцы; в 2000-е ему на смену пришли уже не просто годы, но четырехлетние (на тот момент) циклы общенациональных выборов. Таким образом, Путин, в отличие от своего предшественника Ельцина, мог планировать сохранение своего господства «всерьез и надолго», и потому был способен не только исходить из сугубо краткосрочных соображений, но и стремиться к тому, чтобы создать долгосрочные основания преемственности и стабильности политического статус-кво.

С этой точки зрения те инструменты господства, которыми располагал Кремль в начале 2000-х годов, выглядели не слишком полезными для достижения его целей. Выбор

стратегий строительства авторитарного режима у Кремля был не слишком велик. «Жесткий» вариант персоналистского авторитаризма, поддерживающего лояльность элит и масс путем интенсивных репрессий, мог принести желаемые результаты, но такая стратегия была бы для Кремля слишком затратной. Помимо этого, режим мог столкнуться с вызовами международной изоляции, что на тот момент явно не входило в планы российских лидеров, претендовавших на иной статус на международной арене. Более того, поскольку в рамках «жестких» авторитарных режимов шансы представителей элит оказаться жертвами репрессий куда выше, чем у обычных граждан, многие участники российской «выигрышной коалиции» не имели никаких стимулов для столь рискованного предприятия.

Поэтому в 2000-е годы российские власти не пошли по этому пути, а прибегли к нему позднее, в 2010-е годы, когда международная изоляция России стала свершившимся фактом, а репрессии стали неизбежным инструментом поддержания политического статус-кво. Но в начале 2000-х годов стратегия строительства «мягкого» авторитарного режима, опирающегося на доминирующую партию, выглядела намного привлекательнее и для Кремля, и для различных сегментов элит.

Такой режим мог служить эффективным инструментом правящей группы, поскольку позволял Кремлю одновременно достичь трех целей: 1) повысить легитимность режима с помощью эффективного политического патронажа и создания барьеров для появления альтернатив существующему статус-кво²²⁵; 2) гибко реализовывать политический курс правящей группы благодаря неидеологической природе режима и доминирующей партии²²⁶; 3) поддерживать консолидацию элит посредством дополняющих и усиливающих друг друга политических и административных механизмов. Однако, хотя данная стратегия строительства авторитарного режима могла принести Кремлю крупные выгоды, она требовала

значительных политических инвестиций, которые не сразу давали отдачу.

Несмотря на то, что политическая среда 2000-х годов была крайне благоприятной для строительства авторитарного режима в силу начавшейся рецентрализации российского государства, быстрого экономического роста и концентрации контроля над важнейшими экономическими активами в руках связанных с Кремлем чиновников и бизнесменов, успешная реализация этой стратегии требовала не только организационных усилий, но и политической, и институциональной инженерии. Кремль должен был не просто исключить нелояльность подчиненных акторов посредством временного и тактического «картельного соглашения», но обеспечить их полномасштабную кооптацию, интегрировав всех значимых акторов в состав единого централизованного механизма политического управления, координируемого президентской администрацией.

«Навязанный консенсус», достигнутый Путиным в начале 2000-х годов, служил хотя и необходимым, но явно недостаточным условием для решения этой задачи, актуальность которой стала особенно значима для Кремля после волны «цветных революций» 2003–2005 годов, которая вызвала у российских правящих групп страхи перед повторением такого развития событий и в России (эти страхи, впрочем, были, да и по сей день остаются явно необоснованными).

Стратегия российских властей по строительству авторитаризма включала в себя три компонента:

- кооптация в единый общероссийский «эшелон» локальных «политических машин», контролируемых главами исполнительной власти регионов и муниципалитетов²²⁷;
- выстраивание подконтрольной Кремлю манипулятивной партийной системы, призванной обеспечить лояльность элит и масс существующему политическому режиму независимо от его эффективности;

- возврат связанным с Кремлем лицам «командных высот» в экономике, призванный, с одной стороны, максимизировать извлечение ренты чиновниками, а с другой — затруднить, если не полностью исключить возможности альтернативной координации реальной и/или потенциальной политической оппозиции.

Предпринятые в начале 2000-х годов изменения взаимоотношений Центра и регионов, получившие в российском политическом жаргоне название «федеральная реформа», помогли восстановить контроль Кремля над региональными элитами. Но их результаты были недостаточными для решения политических задач авторитарного строительства. Кремль смог восстановить административный потенциал российского государства на основе укрепления рычагов контроля над регионами, повысить эффективность управления, сузить ресурсные базы региональных элит и открыть прежде закрытые региональные рынки, которые вскоре оказались захвачены общероссийскими компаниями, рецентрализовать бюджетно-финансовые потоки с помощью реформы налогового законодательства. Благодаря этим мерам Центр мог успешно использовать «кнут» в отношении региональных элит, а благодаря экономическому росту — подкреплять его сладкими «пряниками».

Вместе с тем большинство глав исполнительной власти регионов (губернаторов) в начале 2000-х годов сохранили и даже упрочили свой политический контроль над регионами. Им удалось кооптировать и/или подавить многих автономных политических и экономических акторов. По данным Григория Голосова, в 1995–1999 годах действующие главы исполнительной власти регионов побеждали на региональных выборах в 45 из 88 регионов, а в 1999–2003 годах они сохранили свои посты на 59 из 88 региональных выборов, причем потерпели поражение лишь в 16 регионах, и еще в 13 выборах не принимали участие²²⁸. Таким образом,

рецентрализация начала 2000-х годов, хотя и усилила позиции ряда региональных лидеров, но отнюдь не сделала их зависимыми от Кремля.

Неудивительно, что в ряде случаев, не имея шансов самостоятельно добиться контроля над политической и экономической ситуацией в регионах, Кремль прибегал к выборочному индивидуальному «торгу» с влиятельными главами регионов. Его исходом становилось либо сохранение статус-кво на уровне руководства регионом в обмен на требуемый Центру исход федеральных выборов (как произошло в 2003 году в Башкортостане), либо, напротив, уход неугодного Центру главы региона на высокий пост в Москву, после чего власть и/или собственность в регионе перераспределялись в пользу Кремля. Так произошло в Якутии, глава которой отказался от участия в выборах на новый срок в обмен на пост вице-спикера Совета Федерации. Вскоре после этого Центр добился избрания в Якутии своего кандидата на пост главы республики и восстановил контроль над ее алмазной отраслью, которая в 1990-е годы находилась под контролем якутских элит. По схожей схеме губернаторы Приморского края и Санкт-Петербурга перешли в ранг федеральных министров, покинув свои посты, а на их место пришли кандидаты, поддержанные на выборах Кремлем²²⁹.

Селективное применение санкций и индивидуальный «торг» позволяли Центру успешно добиваться желательных для него результатов, минимизируя при этом собственные издержки контроля. Эти меры в целом лежали в русле стратегии «диктатуры закона» (восстановления потенциала российского государства при отсутствии гарантий верховенства права), охватившей все сферы российской политики в 2000-е годы²³⁰, и политика рецентрализации здесь отнюдь не была исключением.

Помимо административных механизмов, Центр все активнее использовал политические партии для ослабления регионализма в политической жизни страны и обеспечения

вертикальной интеграции всех политических процессов в регионах России под своим контролем. Принятый в 2001 году закон «О политических партиях» запретил регистрацию региональных партий, которые по большей части служили «политическими машинами» региональных элит. Начиная с 2003 года по инициативе президентской администрации на выборах региональных законодательных собраний была принудительно введена смешанная избирательная система, призванная закрепить влияние в регионах федеральных партий, и прежде всего главного орудия Кремля — «Единой России». Но этот шаг дал ограниченный эффект с точки зрения усиления контроля Центра над региональными лидерами.

Оказалось, что в 2003–2004 годах «Единая Россия» добивалась успехов на региональных выборах лишь там, где отделения этой партии сами находились под контролем губернаторов. Те же не имели стимулов «класть все яйца в одну корзину» и распределяли поддержку между разными партиями и блоками, которые были созданы находившимися под их контролем отделениями общенациональных партий. Реформа региональных избирательных систем, по словам Петра Панова, привела к тому, что авторитарные регионы становились еще более авторитарными, а конкурентные — еще более конкурентными²³¹.

Таким образом, стимулирование партийной конкуренции расширяло набор политических альтернатив на региональном уровне, что в длительной перспективе могло бы способствовать подрыву губернаторских региональных «политических машин». Но такое развитие событий отнюдь не входило в планы Кремля, который был заинтересован прежде всего в усилении своей власти в ходе федеральных и региональных выборов. Добиться этого можно было лишь при интеграции региональных «политических машин» в состав общенациональной партийной системы.

Логическим завершением политики рецентрализации стало решение об отказе от всеобщих выборов глав исполнительной

власти регионов и о переходе к их де-факто назначениям, принятое осенью 2004 года. Таким способом Кремль смог минимизировать политическую неопределенность в регионах: на смену непредсказуемости исхода конкурентных выборов пришла иерархия контроля, которая предполагала навязывание новых «правил игры» во всех без исключения регионах. Отмена губернаторских выборов повлекла за собой укрепление позиций «Единой России» в регионах. Свидетельством тому стало принятое осенью 2005 года решение о номинации кандидатов на посты глав регионов по предложению партий — победительниц региональных выборов. «Единая Россия» уже к 2007 году завоевала большинство практически во всех региональных законодательных собраниях.

На персональном уровне в отношениях Центра и регионов изменилось немного: в большинстве регионов на посты глав исполнительной власти в 2005–2007 годах были назначены прежние руководители. Однако введение практики фактического назначения глав исполнительной власти регионов, по сути, означало новый раунд «торга» Центра с локальными лидерами. Он решал проблему взаимных обязательств элит, которая ранее препятствовала превращению «Единой России» в доминирующую партию во всех регионах страны. Новые правила задавали и новые стимулы к поведению региональных лидеров, вынуждая их быть лояльными «Единой России». У них не оставалось прежних возможностей для диверсификации политических инвестиций в различные партии и непартийные образования.

Поэтому не стоит удивляться, что на думских выборах 2007 года 65 из 85 глав исполнительной власти регионов вошли в список «Единой России», хотя еще на думских выборах 2003 года в список ЕР входило менее половины региональных лидеров. ЕР, в свою очередь, смогла сформировать большинство почти во всех региональных законодательных собраниях. К концу 2007 года, за отдельными исключениями, в

регионах почти не осталось значимых политических альтернатив «Единой России».

В свою очередь, Центр готов был сохранять у власти прежних региональных лидеров лишь в обмен на их способность приносить Кремлю голоса избирателей²³². На назначенных глав исполнительной власти была возложена полнота ответственности за положение дел на вверенной им территории и самое главное — за результаты выборов, которые стали главным фактором политического выживания глав регионов в 2005–2012 годах²³³. Способность контролировать субнациональный электоральный процесс любыми средствами, даже в ущерб эффективности регионального и местного управления, обеспечила сохранение у власти ранее назначенных Центром региональных лидеров и в ходе федеральных выборов 2007–2008 годов. *Политический компромисс между главами регионов и Центром по принципу «монопольное сохранение власти в обмен на "правильные" результаты голосования» стал важнейшей составной частью российского политического режима. В итоге, за редкими исключениями, регионы России оказались полностью подчинены Кремлю политически, экономически и административно.*

Другим направлением строительства авторитаризма стало реформирование партийной системы. Хотя новая «партия власти» «Единая Россия» (ЕР) уже с момента своего создания обладала большинством мест в Думе²³⁴, этого было недостаточно для ее доминирования. На думских выборах 2003 года список ЕР получил лишь 37,6% голосов. Однако неявная коалиционная политика ЕР в одномандатных округах и последующие изменения думского регламента привели к формированию «сфабрикованного сверхбольшинства»: ЕР стала обладателем более чем двух третей думских мандатов²³⁵. Доминирование ЕР укрепилось, а любые возможные альтернативы ему в Думе утратили смысл. Как однажды высказался тогдашний председатель Думы и формальный

руководитель ЕР Борис Грызлов, парламент — это «не место для дискуссий». В соответствии с замыслом Кремля, Дума в дальнейшем послушно одобряла почти все законопроекты, предложенные президентом и правительством России.

Начиная с 2003 года Кремль запустил новую волну институциональных изменений, которые были направлены на дальнейшее сужение поля межпартийной конкуренции. Барьер для прохождения партийных списков в Государственную Думу (и в большинство региональных законодательных собраний) был повышен с 5 до 7%. Также новая редакция закона о политических партиях резко ужесточила организационные требования и уровень членства при регистрации политических партий (50 000 членов), а ранее созданные партии должны были пройти перерегистрацию на новых условиях. Входной барьер на российском рынке партийной политики вырос настолько, что создать новые партии без согласия Кремля стало крайне затруднительным. Число партий, допущенных к думским выборам 2007 года, сократилось до 15 по сравнению с 46 на предыдущих выборах. Запрет на создание предвыборных блоков поставил крест на выживании малых партий.

Реформа избирательной системы на парламентских выборах (на смену смешанной системе пришло голосование за закрытые партийные списки) не только повысила дисциплину внутри ЕР и лояльность ее депутатов Кремлю²³⁶, но и позволила «партии власти» достичь электорального доминирования по итогам думских выборов 2007 года, когда список ЕР во главе с Путиным получил 64,3% голосов. Успеху ЕР способствовал не только высокий уровень массовой поддержки Путина (он являлся лидером списка партии), но и несправедливый характер выборов. По сути, ни одна иная партия не способна была представить значимую альтернативу «партии власти».

Большинство политических партий в мире создаются политиками для завоевания власти благодаря получению голосов избирателей на выборах. Генезис российских «партий власти» был совершенно иным. ЕР, как и ее предшественники,

была создана высшими чиновниками для максимизации своего контроля над политическим процессом. Это различие определило основные характеристики российской «партии власти» в трех ключевых аспектах: организация, идеология и роль в управлении государством.

Партийная организация ЕР была построена по принципу «внешнего управления» со стороны Кремля. В то время как официальное руководство ЕР в основном отвечало за текущие дела, руководители президентской администрации выступали как ее внешние акционеры, контролирующие принятие стратегических решений и их исполнение. В этом «партию власти» следует уподобить фирме, чьи активы принадлежат не ее менеджерам, а более крупному многоотраслевому холдингу, нанимающему менеджеров и исполнителей и время от времени меняющему ее персонал. Например, накануне парламентских выборов 2007 года более трети бывших членов думской фракции ЕР (главным образом, депутаты-одномандатники, имевшие длительный опыт парламентской деятельности) не были включены в партийный список и утратили свои посты независимо от исхода голосования. «Внешнее управление» быстро превратило ЕР в высокодисциплинированную и централизованную организацию, вся деятельность которой строго регулировалась Кремлем.

Генезис «партии власти» повлек за собой отсутствие у ЕР идеологии, в которой она попросту не нуждалась. Для Кремля роль ЕР сводилась к инструменту для поддержания статус-кво, что в принципе не предполагало самостоятельную роль партии в каких бы то ни было переменах. Поэтому ЕР систематически и целенаправленно демонстрировала лояльность российскому политическому режиму и лично Путину, а содержательная позиция партии по ключевым вопросам намеренно оставалась размытой и неопределенной. Характерен главный лозунг ЕР на думских выборах 2007 года: «Голосуй за план Путина!» — без какой бы то ни было расшифровки содержания этого «плана».

В контексте российской политики 2000-х годов такой подход был вполне оправдан на фоне снижения политической неопределенности, когда спрос на идеологии как продукт на российском электоральном рынке резко снизился. В условиях конкурентной политики идеология необходима для политических партий с точки зрения долговременности их существования²³⁷, однако в постсоветских странах идеология не была для партий столь значимым ресурсом²³⁸. Более того, в относительно краткосрочной перспективе неидеологическая природа была скорее достоинством ЕР, нежели ее бременем, оставляя широкое пространство для политического маневра, которое было недоступно раздробленной оппозиции.

Наконец, генезис ЕР обрекал ее на подчиненную, если не маргинальную роль в процессе выработки и реализации политического курса. Кремль нуждался в «партии власти» лишь в качестве послушного исполнителя, а не автономного партнера. Поэтому в 2000-е годы ключевые федеральные и особенно региональные чиновники вступали в ряды ЕР, однако сами члены партии (включая федеральных и региональных депутатов) лишь время от времени вознаграждались (как правило, второстепенными) постами в рамках исполнительной власти. Даже эти посты доставались партийцам в основном благодаря их персональным качествам и клиентелистским связям, а не в силу их принадлежности к «партии власти».

Несмотря на претензии лидеров ЕР, за пределами федерального и региональных парламентов ее роль в принятии решений оставалась символической. Хотя члены ЕР присутствовали в кабинетах министров, они были обязаны своим положением президенту страны, а не партии, и не могли оказывать какое бы то ни было партийное влияние на курс правительства. Напротив, ЕР проводила курс правительства в Думе и вынуждена была принимать на себя издержки непопулярных решений, подобных «монетизации льгот» в январе 2005 года²³⁹ или позднее, в 2018 году, повышения возраста выхода россиян на пенсию²⁴⁰.

В целом технократический подход к государственному управлению и принятию решений, преобладавший в России в начале XXI века, практически не оставлял места для партийной политики²⁴¹. Основные черты ЕР — то, что она является «партией власти», ее неидеологичность, «внешнее управление» ею, ее второстепенная роль в управлении государством — были логичны для персоналистского авторитарного режима, строившегося в России. И если советский опыт господства КПСС было принято обозначать как «партия-государство», то доминирование ЕР можно обозначить как «государство-партия»: она фактически выполняла функции своего рода отдела президентской администрации. Впрочем, и другие партии в России во многом играли сходную роль²⁴².

В 2000-е годы в России отмечалось немало примеров активного участия Кремля не только в строительстве «партии власти», но и в создании лояльных и/или фиктивных альтернатив ей. Эти кремлевские «проекты» служили двум взаимно дополняющим друг друга целям: (1) страхование статус-кво с помощью формирования своего рода суррогатного заменителя по принципу «не класть все яйца в одну корзину» (минимизация риска неопределенности исхода выборов) и (2) ослабление оппозиции путем разбиения ее голосов партиями-«спойлерами» (не имеющими шансов победить, но оттягивающими на себя часть голосов).

Столкнувшись с повышенным предложением среди потенциальных партий-сателлитов, Кремль был активен во возвращении «управляемой оппозиции». Под его патронажем накануне думских выборов 2003 года был создан блок «Родина»: он объединил мелкие левые и националистические партии и возглавлялся довольно популярными политиками Дмитрием Рогозиным и Сергеем Глазьевым. «Родина» вела агрессивную кампанию под популистскими и националистическими лозунгами, дабы снизить долю голосов за КПрФ, которая тогда еще воспринималась в Кремле как главная сила оппозиции. Исход голосования превзошел все

ожидания: «Родина» получила 9,1% голосов и сформировала собственную думскую фракцию. Но вскоре она вышла из-под контроля Кремля, что повлекло за собой сперва исключение из партии Глазьева, а затем и уход Рогозина с поста ее лидера²⁴³.

Взлет и падение «Родины» побудили Кремль к запуску нового «проекта», призванного решать две задачи: служить резервом «партии власти» и отнимать голоса у коммунистов. В 2006 году по инициативе Кремля путем слияния трех ранее существовавших партий-сателлитов была создана новая партия «Справедливая Россия» (СР). Она декларировала левые программные позиции и активно эксплуатировала социалистическую риторику. Этот шаг был воспринят как попытка создания «управляемой» двухпартийной системы в России. Политический стратег президентской администрации Владислав Сурков даже заявлял, что, хотя ЕР останется основной опорой Кремля, его «правой ногой», СР должна выступать ее возможной заменой, или «левой ногой» на случай, «если правая нога затечет».

Хотя на электоральной арене СР не завоевала голоса сторонников КПРФ, но партия «левой ноги» в целом успешно выступила на региональных выборах и на думских выборах 2007 года, превратившись в своего рода «Ноев ковчег» для ряда политиков, ранее входивших в различные партии от КПРФ до «Яблока». Партийным политикам, не входившим в ЕР, предстоял тяжелый выбор между подчинением Кремлю и (относительной) автономией от него, что на деле означало выбор между выживанием на условиях полной лояльности и деградацией, если не полным исчезновением с политической арены. Такой выбор поставил в тяжелое положение российские либеральные партии: «Союз правых сил» фактически прекратил существование в 2008 году, а «Яблоко» утратило свое представительство в Думе и в большинстве региональных органов власти.

После «шашлычного соглашения» сильно изменились в 2000-е годы и взаимоотношения государства и бизнеса. На

первый взгляд, достигнутое по его итогам равновесие было взаимовыгодным. Российское государство сделало важные шаги навстречу «олигархам», создавая благоприятные условия для ведения бизнеса. В свою очередь, крупный бизнес, хотя и не отказался от лоббирования своих интересов в Думе и в региональных органах власти, не мог открыто диктовать свои условия российскому государству. Он принимал «правила игры», выработанные в Кремле, активно поддерживал ряд шагов Путина, включая рецентрализацию государственного управления, разрушавшую барьеры на пути развития бизнеса и направленную на становление единого общероссийского рынка.

Президент и правительство, казалось бы, официально признали крупные объединения предпринимателей в качестве своих младших партнеров. Такой баланс сил оказывал в 2000–2003 годах благоприятное воздействие на курс экономических реформ и на сохранение в России политического плюрализма²⁴⁴. Однако на практике это положение дел было обусловлено лишь ситуационной расстановкой сил. Оно не опиралось на формальные «правила игры» и не учитывало интересы важнейших игроков в Кремле и вокруг него, которые рассматривали бизнес как своего рода «дойную корову», как источник обогащения, а не как важнейший инструмент развития страны. Для них «шашлычное соглашение» было лишь тактической сделкой, и его условия легко можно было пересмотреть при изменении политической и экономической конъюнктуры.

На такой пересмотр российские власти провоцировали как политические, так и экономические факторы. Рост мировых цен на нефть и повышение доходов от ресурсной ренты подталкивали их к огосударствлению экономики, к пересмотру взаимоотношений с бизнесом и в целом к экономической политике, базирующейся на все более и более масштабном государственном регулировании экономики²⁴⁵. А в политическом плане идея ревизии итогов приватизации 1990-х

и восстановления государственного контроля над приватизированными компаниями все в большей мере пользовалась поддержкой среди россиян, которые — обоснованно или нет — считали национализацию экономики справедливым возмездием за пережитые в 1990-е годы трудности²⁴⁶. Пересмотр прав собственности, прежде всего в нефтегазовом секторе, который служил основным источником ренты, оказался важнейшей темой парламентских выборов 2003 года.

В октябре 2003 года основной акционер и глава крупнейшей частной российской нефтяной компании ЮКОС Михаил Ходорковский был арестован и позднее осужден на длительный тюремный срок (он был освобожден из заключения лишь в конце 2013 года и сразу после этого вынужден был покинуть Россию). Мотивы этого ареста во многом носили политический характер. Ходорковский лоббировал свои интересы в парламенте и стремился поддерживать на выборах несколько партий, в списки которых были включены его ставленники. Он также планировал продать нефтяную компанию ЮКОС американским компаниям (в качестве возможных покупателей назывались Shevron и Conoco Phillips) и заняться политической деятельностью.

Арест Ходорковского повлек за собой и возбуждение уголовного дела против ЮКОСа по обвинению в уклонении от уплаты налогов. Последующее вменение ЮКОСу немыслимо масштабных (и заведомо завышенных) долгов перед российским государством повлекло за собой банкротство компании: ее основные активы были проданы в счет уплаты этих долгов. Российские власти, используя непрозрачные механизмы и действуя через подставные посреднические структуры, добились перехода принадлежавших ЮКОСу предприятий под контроль государственной нефтяной компании «Роснефть», совет директоров которой возглавлял ближайший соратник Путина Игорь Сечин. Активы ЮКОСа

были приобретены «Роснефтью» по цене намного ниже рыночной.

Андерс Ослунд и Вадим Волков, анализирувавшие судьбу российских олигархов начала XXI века в сравнении с американскими «баронами-разбойниками» начала XX века, отмечали фундаментальные отличия логики развития событий в России 2000-х годов. В случае «дела ЮКОСа» исходом конфликта между бизнесом и российским государством стало не только судебное преследование и демонстративное наказание вступившего в конфликт с властями олигарха (как было, например, в случае Standard Oil в США), но и фундаментальный пересмотр всех прав собственности в России, получивший развитие в последующие годы²⁴⁷.

Именно «дело ЮКОСа» стало поворотным моментом во взаимоотношениях российского государства и бизнеса, обозначило переход к «захвату бизнеса» российским государством²⁴⁸ и становлению в России «государства-хищника», ориентированного на извлечение ренты чиновниками, которые прямо или косвенно контролировали экономических агентов и в той или иной мере «кормились» за их счет. ***«Дело ЮКОСа» спровоцировало волну передела прав собственности и «ползучей национализации» прибыльных активов и в других секторах экономики. Ключевыми бенефициарами этого процесса оказались ближайшие соратники главы государства.***

Стратегия реформирования политического режима и строительства авторитаризма в 2000-е годы принесла российским властям немалые выгоды. Уже к 2007 году в стране практически не осталось ни одного значимого политического актора, способного оказать сколь-нибудь существенное сопротивление правящей группе. Оппозиционные партии оказались загнаны в крайне узкие ниши, в значительной мере напомиавшие гетто. Их символическое присутствие в Думе и региональных парламентах, слабый мобилизационный

потенциал и низкий уровень массовой поддержки продемонстрировали глубокий упадок оппозиционной политики.

Олигархи, напуганные «делом ЮКОСа», были сами готовы по первому зову Кремля отдать свои активы в обмен на личное благополучие и как огня боялись любых несанкционированных политических шагов. Благодаря этому они могли развивать бизнес, будучи связаны общими интересами, а зачастую и личными узами с чиновничеством в Центре и регионах. Ключевые СМИ (прежде всего, телевидение) находились под прямым или косвенным контролем Кремля, а независимые издания и интернет-сайты оставались «нишевыми» и привлекали внимание ограниченной по масштабу политизированной аудитории. «Вертикаль власти», успешно выстроенная на уровне регионов России, вскоре достигла и нижнего «яруса» местного самоуправления, особенно после отмены всеобщих выборов мэров в ряде городов страны, и других шагов, направленных на фактическое удушение политической и экономической местной автономии²⁴⁹. Какие же изменения принесло стране строительства авторитаризма в 2000-е годы?

ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК»: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

На первый взгляд, выстраивание политического режима в России в ходе преобразований 2000-х годов отчасти напоминало восстановление советского политического строя после его краха в начале 1990-х. На смену автономии различных политических акторов пришла управляемость из Кремля, неопределенность электоральной конкуренции оказалась исчерпана, региональные и местные органы власти оказались встроены в иерархию «вертикали власти», а рынки во многом стали частью управляемых государством вертикально интегрированных компаний во главе с «Газпромом». *Политический статус и управленческие*

функции глав исполнительной власти многих регионов России к концу 2000-х годов во многом соответствовали статусу и функциям первых секретарей обкомов КПСС советского периода: как и в 1960–1970-е годы, российские регионы управлялись чиновниками, де-факто назначенными из Центра, но при формальном одобрении региональных элит²⁵⁰.

Выстраивание взаимоотношений органов власти и экономических агентов было не слишком далеко от картины, наблюдавшейся в СССР еще в 1960–1980-е годы. Конечно, «Единая Россия» не была реинкарнацией господства КПСС, роль корпораций во главе с «Газпромом» мало чем напоминала диктат прежних общесоюзных ведомств, а губернаторы так и не стали «префектами», в отличие от первых секретарей обкомов КПСС²⁵¹. Однако неконкурентный характер политического режима и монополизация экономики, основанная не на централизованном планировании, а на извлечении ресурсной ренты, имели немало общего с «поздним социализмом». И все же за внешним сходством скрывалось много кардинальных различий, связанных с природой нового российского режима и с принципами, на которых основаны его массовая поддержка и легитимность, то есть публичная санкция на власть.

Советскому политическому режиму были присущи фиктивные «выборы без выбора», то есть безальтернативное голосование граждан за единственного назначенного «сверху» кандидата, не имевшее существенного политического значения. В этом смысле советский режим мало чем отличался от других образцов «гегемонной» модели авторитаризма, примером которой на постсоветском пространстве служит, например, Туркменистан. *Напротив, российский режим не только не мог обойтись без выборов, но вынужден был опираться на них как на главное основание своей легитимности.* Путин, а до него Ельцин использовал для управления страной мандат, который он получал от избирателей.

Выборы стали неотъемлемым атрибутом политической жизни страны, и их результаты, по крайней мере в 2000-е годы, во многом отражали не только расстановку сил внутри элит, но и политические предпочтения масс. *Но российские выборы не предполагали такого исхода голосования, который не мог быть заранее предрешен правящей группой в свою пользу. Основной исход выборов всех уровней был заведомо predetermined в Кремле, и голосование избирателей служило не более чем оформлением ранее принятых решений.* Иначе говоря, российский политический режим был образцом не «гегемонного», а электорального авторитаризма, в основе которого лежало проведение несвободных и несправедливых выборов с заведомо неравными условиями предвыборной борьбы на всех стадиях (включая злоупотребления в ходе голосования и при подсчете голосов, но не ограничиваясь ими).

Режимам электорального авторитаризма были присущи различные способы ограничения конкуренции на выборах. «Жесткие» ограничения предполагали селективное исключение отдельных политических партий или кандидатов из предвыборной борьбы (отказ в регистрации или ее отмена в ходе кампании под тем или иным предлогом) и/или заведомо недостоверный подсчет голосов (то есть фальсификация выборов). «Мягкие» ограничения включали в себя заведомо неравный доступ кандидатов и партий к освещению кампании в СМИ и к финансированию кампаний в сочетании с использованием государственного аппарата для обеспечения победы правящей группы. И в том и в другом случае выборы носили заведомо несправедливый характер, но их последствия были различны.

Опора на «жесткие» ограничения электоральной конкуренции рискованна, поскольку повышает шансы на подрыв легитимности режима. В случае возникновения массового протеста это грозит перерастанием в полный коллапс режима, если издержки подавления оппозиции на

стадии подготовки выборов, а тем более после их проведения окажутся слишком высоки. Массовые фальсификации итогов голосования в Сербии (2000), Грузии (2003), Украине (2004) и Кыргызстане (2005) стали детонатором краха режимов на фоне массовой мобилизации оппозиции, а результаты президентских выборов в Беларуси (2020) повлекли за собой острый и, по-видимому, неразрешимый кризис легитимности режима Лукашенко.

Хотя «мягкие» ограничения электоральной конкуренции требуют от правящей группы существенных усилий в ходе избирательных кампаний, они позволяют минимизировать риски подрыва легитимности авторитарных режимов, не говоря уже о рисках потери власти по итогам выборов. Неудивительно поэтому, что режимы электорального авторитаризма при прочих равных чаще предпочитают использовать «мягкие» ограничения электоральной конкуренции, а не «жесткие». Кроме того, опора на последние представляет собой «билет в один конец»: режимы, использующие эту стратегию в качестве основной, не склонны возвращаться к «мягким» подходам, поскольку либерализация может грозить им еще более серьезными рисками.

Российский политический режим опирался на сложную комбинацию «жестких» и «мягких» ограничений политической конкуренции. В 2000-е годы фальсификации итогов голосования становились все более масштабными, а их ареал со временем расширялся. Но гораздо большее значение для хода избирательных кампаний имели иные институциональные и политические факторы, включая (1) запретительно высокие входные барьеры для участия в выборах партий и кандидатов; (2) одностороннее и крайне пристрастное освещение избирательных кампаний в СМИ (прежде всего, государственных); (3) прямое и косвенное финансирование избирательных кампаний лояльных партий и кандидатов за счет государства; (4) систематическое использование государственного аппарата для ведения

кампании правительственных партий и кандидатов и в целях препятствования кампании оппозиционных партий и кандидатов; (5) заведомо пристрастное рассмотрение споров между участниками выборов в пользу правительственных партий и кандидатов.

Эти аспекты выборов стали неотъемлемым атрибутом российского электорального авторитаризма, своего рода дежурными блюдами «меню манипуляций», которое характерно для ряда режимов электорального авторитаризма²⁵². При этом несвободные и несправедливые выборы были полезны российским правящим группам с нескольких позиций. Во-первых, они выполняли функцию политической легитимации статус-кво (примером могут служить президентские выборы 2004 года, на которых Путин набрал свыше 71% голосов в отсутствие значимой конкуренции). Во-вторых, они позволяли правящей группе легитимно проводить любой политический курс независимо от предпочтений избирателей и без особых ограничений идти на заведомо непопулярные решения без риска потери власти в результате очередных выборов²⁵³. В-третьих, они служили механизмом частичной смены политических элит, хотя и не в результате открытой конкуренции, а путем назначения победителей будущих выборов еще до голосования.

Такие выборы могли обслуживать политический режим настолько долго, насколько российские элиты поддерживали свой «навязанный консенсус», а формальные и неформальные «правила игры» обеспечивали сложившееся равновесие. В преддверии цикла думских и президентских выборов 2007–2008 годов эти условия оставались благоприятными для подобного развития событий.

Однако главная интрига электорального цикла 2007–2008 годов в России была связана даже не с голосованием избирателей как таковым, а с возможностью или невозможностью смены главы государства по их итогам. Поскольку Конституция ограничивала сроки пребывания

президента страны на своем посту двумя четырехлетними периодами подряд, то перед Путиным, чей второй президентский срок истекал весной 2008 года, стояла непростая дилемма. Он мог обойти эти ограничения, либо изъяв из Конституции ограничение сроков президентских полномочий, либо предложив принять новую Конституцию «с нуля», либо вообще отказаться от Конституции как набора формальных «правил игры» в российской политике.

Путин вполне мог перейти от провозглашенного еще Ельциным в 1990-е годы принципа «кто-то должен быть главным в стране: вот и все» к принципу, который декларировал назначенный в 2007 году председателем Центральной избирательной комиссии России Владимир Чуров: «Путин всегда прав». Уже ранее по такому пути пошли некоторые постсоветские авторитарные режимы от Беларуси до Казахстана. Альтернативой такому развитию событий мог стать лишь подбор лояльного Путину преемника на пост главы государства и последующая легитимация этого решения голосованием российских избирателей.

По сути, «дилемма Путина», стоявшая на повестке дня в преддверии электорального цикла 2007–2008 годов, означала выбор в пользу одного из двух вариантов эволюции электорального авторитаризма в России: украшение формального демократического «фасада», призванного замаскировать политическую монополию, либо ничем не прикрытое и не связанное формальными ограничениями авторитарное правление. Вариант с назначением преемника предполагал движение по первому пути, а избрание Путина на третий срок означало бы поворот российского авторитаризма ко второму варианту, который при таком развитии событий не слишком отличался бы от «гегемонной» модели. Дискуссии вокруг этих вариантов продолжались на протяжении нескольких лет, но в конце концов решение Путина было анонсировано лишь после выборов в Думу в декабре 2007 года, на которых ЕР получила, согласно официальным данным,

64,3% голосов избирателей и успешно обеспечила себе 315 из 450 депутатских мандатов.

Путин объявил, что кандидатом на пост президента России будет выдвинут Дмитрий Медведев, упомянутый в предисловии к этой книге (тогда он был первым вице-премьером правительства России). Выбор Путина не был неожиданным — имя Медведева ранее неоднократно называлось в качестве его возможного преемника. Появление нового главы государства преподносилось отечественной и особенно зарубежной публике как сигнал якобы имевшей место в России демократизации. Сигнал был воспринят в целом позитивно²⁵⁴, но тем более горьким оказалось последующее разочарование.

Скорее всего, мы никогда не узнаем всех деталей кремлевской политики 2000-х годов и едва ли сможем дать ответ на вопрос, почему Путин и его окружение предпочли не сохранять все рычаги власти в собственных руках «раз и навсегда» (что предполагалось в случае отказа от ограничения сроков президентских полномочий), а передать, пусть и на время, часть ресурсов и полномочий лояльному преемнику. В самом деле, такая схема сулила немалые риски для Путина: поведение его преемника, который был наделен большим объемом конституционных полномочий, заведомо предугадать и полностью проконтролировать было невозможно. По итогам этого маневра Путин мог повторить судьбу мексиканского диктатора Порфирио Диаса, который в ходе своего правления (в общей сложности 34 года) дважды уступал пост главы государства своим лояльным преемникам и потом без проблем возвращал себе всю полноту власти. Однако он запросто мог и разделить участь нигерийского президента Олусегуна Обасанджо, который после передачи власти лояльному преемнику на президентском посту был обвинен в коррупции и вынужденно покинул страну.

В случае Путина и Медведева риски потери власти оказались несущественными, и нелояльность преемника на протяжении последующих четырех лет Путину не угрожала.

Проблема, скорее, лежала в иной плоскости. Поворот российского политического режима от плохо замаскированного демократического «фасада» к ничем не прикрытой монополии Путина и его команды, если бы он состоялся в 2007 году, мог повлечь за собой довольно высокие издержки для российских элит. Легитимность режима и внутри страны, и особенно за ее пределами могла бы оказаться весьма сомнительной.

Для российских лидеров, которые были в тот период чрезвычайно чувствительны к своему международному статусу и всячески стремились к его повышению (некоторые критики даже говорили в связи с этим о «статусной игле», сравнивая этот синдром с наркотическим), оказаться в мировой политике в одном ряду с Лукашенко или лидерами стран Центральной Азии было бы как минимум весьма болезненной неприятностью. А риски сомнительной международной легитимности российского режима создавали бы проблемы и для легализации доходов и статуса российских элит за рубежом. Этот феномен, возможно, сыграл не последнюю роль в стратегическом выборе, который в конце 2007 года анонсировал Путин. Но вполне вероятно, что за ним стояла простая житейская логика «от добра добра не ищут».

Поскольку закамуфлированный электоральный авторитаризм, несмотря на немалые издержки по его поддержанию, в тот момент в целом удовлетворял Кремль, стимулы для того, чтобы пойти на кардинальный пересмотр «правил игры», оказывались явно недостаточными. Позднее, в 2020 году Путин окажется в сходной ситуации, но сделает иной выбор: вместо подбора нового лояльного преемника он предпочтет продлить свое возможное пребывание у власти до 2036 года. Но к тому моменту и возможности, и риски для российского политического режима окажутся качественно иными.

В ситуации 2007 года сохранение статус-кво, скорее всего, представляло собой выбор «по умолчанию» — Путин и его

окружение, как и многие наблюдатели, вероятно, исходили из ожиданий, что вся внешняя среда и внутривластные условия российского режима будут оставаться неизменными как минимум на протяжении периода президентства Дмитрия Медведева. Эти ожидания касались и высоких темпов экономического роста, и высоких цен на нефть на мировом рынке, и безразличия большинства российских граждан к политическим процессам в стране на фоне отсутствия реалистических альтернатив политическому статус-кво. Однако этот прогноз, который в неявной форме лег в основу перехода президентского поста от Путина к Медведеву при сохранении в России режима электорального авторитаризма, сбылся лишь отчасти.

Не встретив сколько-нибудь заметного сопротивления ни со стороны элит, ни со стороны российских граждан, в ходе голосования в марте 2008 года Медведев, по официальным данным, получил свыше 70% голосов избирателей. Путин, согласно заранее объявленной договоренности с преемником, возглавил правительство, сохранив в своих руках ключевые рычаги влияния на политический процесс в стране. Хотя, по оценкам ряда экспертов, выборы 2007–2008 годов в России сопровождались масштабными злоупотреблениями, восприятие их итогов россиянами оказалось совершенно иным. Согласно данным массовых опросов, большинство избирателей в целом восприняли выборы как «честные», а одна из участниц фокус-групп наивно (или же цинично?) заметила: «Все было честно, но на 50% результаты были подтасованы»²⁵⁵.

Механизм власти и государственного управления в России, который сложился в период президентства Медведева, получил название «правлящий тандем». Суть его сводилась к тому, что президент Медведев, будучи по факту не более чем ставленником и марионеткой Путина, выступал в роли «доброго следователя» (либерала и реформатора, призванного инициировать прогрессивные преобразования), а на ушедшего на время в тень «злого следователя» Путина ложились тяготы

оперативного управления страной. Теоретически такая схема могла бы вполне успешно работать при условии, если бы она была исключительно манипулятивной. Но на деле разделение ролей между участниками тандема оказалось нечетким. Сигналы, которые они посылали элитам и всем россиянам, были непоследовательными, а неопределенность в отношении планов «тандема» в преддверии выборов 2011–2012 годов породила неуверенность, нараставшую по мере их приближения.

Медведев сплошь и рядом пытался публично презентовать себя не как марионетку Путина, а как самостоятельного политика, стремясь публично продемонстрировать автономию от старшего партнера. В результате аппарат управления оказался дезориентирован и, как часто бывает в ситуации «слуги двух господ», выходил из-под контроля политического руководства на фоне порой непродуманной реакции Кремля. Медведев в итоге так и не смог наладить сколько-нибудь эффективный контроль даже над собственным аппаратом, не имея шансов на подбор кадров по своему усмотрению и будучи не в состоянии уволить даже очевидно некомпетентных чиновников.

Вместе с тем Медведев в ходе своего президентства предложил стране позитивную повестку дня, которая, однако, так и не была реализована. Его приоритетом стал лозунг модернизации, сформулированный в ряде программных выступлений, в серии законов и президентских указов. На практике он имел более чем скромный эффект. Процесс модернизации включает в себя не только социально-экономическую (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования, доходов и мобильности, распространение информации посредством массмедиа, уменьшение неравенства), но и политическую составляющую (распространение политических прав и свобод, становление конкурентных выборов и партийных систем, разделение властей)²⁵⁶.

В России конца 2000-х годов даже сама постановка вопроса о политической модернизации страны представляла собой явное «табу» для Кремля. Лозунг модернизации имел исключительно экономический характер. Он предполагал развитие современных информационных сервисов и высоких технологий, более активную интеграцию страны в глобализирующийся мир и повышение качества государственного управления при сохранении политического режима неизменным. Политический курс Медведева базировался на представлении, что успешная экономическая модернизация в России вполне возможна в условиях авторитаризма, а авторитарное правление необходимо для успешной модернизации страны²⁵⁷.

Критически настроенные наблюдатели не без оснований полагали, что многочисленные мантры Медведева о «модернизации» были всего лишь демагогическим прикрытием (говоря простым языком, чем-то типа «бла-бла-бла»)²⁵⁸, задача которого — создать у части российской и зарубежной общественности иллюзию прогрессивных преобразований, под видом которых скрывалось стремление сохранить статус-кво. Скорее всего, именно эти намерения во многом определяли шаги российского президента и его окружения. Однако не стоит полагать, что лозунги модернизации служили лишь инструментом политических манипуляций. Отчасти они отражали и реальное стремление части российских элит провести преобразования в экономике и в управлении страной.

Неэффективность иерархической «вертикали власти», неустранимо и неизбежно присущая ей чудовищно высокая коррупция, время от времени вспыхивающие конфликты между околоскремлевскими группировками за передел ресурсной ренты были характерны для политико-экономического управления в России накануне начавшегося в 2008 году экономического кризиса, который лишь усугубил эти проблемы. В этом отношении риторика модернизации, привнесенная Медведевым, во многом стала следствием

неудовлетворенности итогами двух путинских президентских сроков. Но эти правильные и справедливые слова не имели шансов воплотиться в сколько-нибудь серьезные дела. Из-за отсутствия у российских властей эффективных инструментов для проведения авторитарной экономической модернизации, попытка, предпринятая в период президентства Медведева, оказалась изначально бессмысленной²⁵⁹.

На практике воплощение в жизнь этого курса в лучшем случае ограничивалось поверхностным заимствованием ряда технологических новшеств: полезных, но явно недостаточных. Они не служили дополнением к демократическим механизмам открытости и подотчетности, а были призваны их подменить, выступая своего рода субститутами²⁶⁰. Например, создание «электронного правительства» и внедрение «электронной демократии» в России во многом свелось к компьютеризации документооборота ведомствами и к возможности записаться на прием к чиновникам и/или пожаловаться на их действия с помощью электронной почты и интернета. Даже достижения в сфере правовых реформ, заявленные как политический приоритет Медведева, были сведены к косметическим поправкам в законодательство вроде фактического переименования милиции в полицию²⁶¹.

В целом попытки изменить положение дел в управлении Россией к лучшему свелись к шагам, призванным создать благоприятный имидж руководства страны в глазах своих сограждан и зарубежных акторов, заодно выступая как элемент «престижного потребления» для Кремля (примером такого рода служил широко разрекламированный проект инновационного центра «Сколково»)²⁶². Поэтому вскоре среди значительной части российских элит возникло ощущение бесперспективности курса модернизации, которая во многом свелась к шагам, подобным сокращению в стране количества часовых поясов или отмене перехода России на летнее время.

Тем временем главным событием президентства Медведева стал глобальный экономический кризис 2008–2009 годов, нанесший сильный удар по экономике России. Обвал мировых цен на нефть (с \$147 за баррель летом 2008 года до \$35 за баррель в январе 2009 года) положил конец амбициозным надеждам российского руководства на глобальное лидерство страны как «мировой энергетической сверхдержавы» и обусловил серьезные вызовы в решении текущих экономических проблем. Однако обильные золотовалютные запасы и средства Стабилизационного фонда, созданные в предшествующие кризису годы, позволили не допустить коллапса экономики России, хотя ее спад оказался глубже, чем практически во всех странах «большой двадцатки» (почти 8,5% в 2008–2009 годах)²⁶³.

Кризис оказался не слишком длительным по времени, и российским властям удалось минимизировать его негативные эффекты. Но косвенные последствия кризиса имели не только и не столько экономический, сколько социально-политический характер. *В стране исподволь начало меняться восприятие самой системы управления государством. Если ранее многие граждане считали ее пусть неэффективной и коррумпированной, но в целом более или менее приемлемой на манер «наименьшего зла», то после выхода из кризиса в общественном мнении наметился запрос на альтернативы статус-кво.* Хотя эти тенденции первоначально развивались исподволь и фиксировались даже не столько на уровне массовых опросов, сколько в оценках участников проводившихся социологами фокус-групп²⁶⁴, позднее они стали преобладать и стали явными в ходе протестов 2011–2012 годов.

Между тем манипулятивная «виртуальная политика»²⁶⁵ в период президентства Медведева перешла на новый уровень: на смену «закручиванию гаек» в течение второго срока президентства Путина (проявлениями чего стали «дело ЮКОСа» и другие атаки на частный бизнес, маргинализация

оппозиции, усиление государственного контроля над СМИ, силовой разгон протестных акций, демонстративный отпор Кремля странам Запада и т.д.) пришла воображаемая «оттепель». Публичные заявления главы государства о необходимости либерализации («свобода лучше несвободы») по большей части носили характер маскировки, призванной скрыть такие шаги Кремля, как внесение изменений в Конституцию, продлевавших срок полномочий президента и Государственной Думы до 6 и 5 лет, соответственно.

На деле политическая либерализация оказалась лишь косметической правкой существующих антидемократических «правил игры» (например, барьер членства для регистрации политических партий был снижен с 50 до 45 тысяч членов). Тем не менее даже эти шаги провоцировали непомерно завышенные ожидания как у части элит (заинтересованных в том, чтобы эти слова воплощались в дела)²⁶⁶, так и у немалой части россиян. Еще одним важным эффектом либерализации стало некоторое расширение свободы самовыражения, которая ранее во многом сдерживалась самоцензурой.

Даже модернизационная риторика властей стимулировала нарастание спроса на либерализацию, верховенство права и повышение качества управления. Но Кремль не заботился о воплощении соответствующих лозунгов в жизнь, тем самым превращая их в «потемкинскую деревню», в украшение фасада, призванное скрыть авторитаризм, произвол и коррупцию. *В результате в стране углублялся разрыв между общественным спросом и государственным предложением: россияне предъявляли все больший спрос на перемены, власти предлагали сохранение политического статус-кво. Они по преимуществу заботились об украшении фасада «потемкинской деревни», не придавая достаточного значения тому, что в скрывавшейся за ним железобетонной стене авторитарного режима начали появляться трещины.*

Эти трещины стали заметны вскоре после того, как в сентябре 2011 года, на съезде ЕР в преддверии очередных

парламентских выборов Путин и Медведев анонсировали «обратную замену», или «рокировку». Путин объявил о намерении вернуться на пост президента в ходе выборов 2012 года, а Медведев возглавил список ЕР на выборах в Думу и должен был занять пост премьер-министра в новом правительстве, которое предстояло сформировать президенту Путину. Заявление Медведева о том, что «рокировка» была согласована заранее, и его выдвижение на президентский пост изначально сопровождалось договоренностью, что он пробудет на нем четыре года, а затем Путин вновь вернется на пост главы государства, служила, пожалуй, наиболее ярким проявлением манипуляций со стороны Кремля.

Видимо, расчет строился на том, что в ходе «обратной замены» в правящем «тандеме» демонтаж «потемкинской деревни» произойдет сам собой. Однако этот расчет не учитывал, что «потемкинская деревня» была населена гражданами страны, «демонтировать» которых вместе с «фасадом» (например, посредством массовых репрессий) власти были на тот момент не готовы. Убедить их по доброй воле согласиться с этими изменениями (например, посредством покупки лояльности) Кремль, по всей вероятности, считал слишком дорогим и не слишком обязательным средством.

Сочетание позитивных и негативных стимулов к массовому участию оказалось не сбалансировано: российские власти использовали «кнут» слишком селективно и слишком неэффективно, в то время как сладкие «пряники», которых (на фоне запредельной коррупции) и без того не хватало на всех, оставались по большей части виртуальными и не доставались гражданам страны в достаточной мере. Пагубная самонадеянность правящей группы была наказана в процессе думского голосования в декабре 2011 года и последовавшей за ним волны массовых протестов, что наложило отпечаток на всю последующую траекторию российского политического режима.

ГЛАВА 5

2010-Е: АВТОРИТАРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

21 февраля 2014 года президент Украины Виктор Янукович бежал из Киева, покинув свой пост после трех месяцев масштабных протестов в центре украинской столицы и в ряде других городов страны. Протесты начались после того, как Янукович под сильным давлением со стороны России отказался подписывать соглашение об ассоциации с Европейским союзом. Власти Украины пытались подавить выступления, используя различные способы, включая убийства участников протестных акций. Янукович был отстранен от власти на следующий день после своего бегства согласно решению украинского парламента, который назначил новые президентские выборы²⁶⁷.

Кремль расценил смену власти в Киеве как государственный переворот в результате заговора американских и европейских политиков (открыто поддержавших протесты) и как вызов не только для российской внешней политики, потерпевшей чувствительное поражение, но и для российского политического режима как такового. Свержение Януковича, охарактеризованное в Украине как «революция достоинства», Кремль счел продолжением серии «цветных революций», которые привели к падению автократов, начиная со Слободана Милошевича в Сербии в 2000 году.

Хотя шансы на то, что Россия повторит подобное развитие событий, были заведомо невелики (и сами «цветные революции» имели незначительное влияние на протесты в России в 2011–2012 годах), восприятие этих рисков и

представление, что Путин однажды может разделить судьбу Януковича, могли сыграть роль в том, что Кремль пошел по пути превентивной контрреволюции²⁶⁸. В ответ на смену власти в Украине российские власти не только предприняли ряд внешнеполитических шагов, но и постарались еще больше ограничить политические и гражданские свободы в России, стремясь любой ценой не допустить массовых протестов.

Реакция Кремля была асимметричной и имела далекоидущие последствия. Вскоре после смены власти в Украине Путин инициировал присоединение (аннексию) Крыма и вхождение его в состав России по итогам прошедшего в Крыму референдума (эта территория, переданная в 1954 году в состав Украины, помимо прочего, служила базой российского Черноморского флота). Вполне предсказуемо, присоединение Крыма вызвало резко негативную реакцию со стороны Украины и стран Запада, которые ввели санкции против руководителей России и Крыма, вовлеченных в этот процесс.

Однако российские власти на этом не остановились и предприняли усилия по установлению своего контроля над всей территорией Юго-Восточной Украины, которая рассматривалась ими как «Новороссия», населенная русскоязычными жителями, более лояльными по отношению к России, нежели к новой украинской власти. Попытки захвата власти пророссийскими силами предпринимались в нескольких регионах Украины, но оказались неудачными. В Донбассе, индустриальной зоне, которая ранее служила главной опорой Януковича, поддержанные Россией сепаратисты объявили о создании самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) и фактически захватили власть.

Украинские вооруженные силы вскоре начали операции против мятежников, поддержанных российскими войсками. 17 июля 2014 года самолет Malaysian Airlines, совершавший рейс из Амстердама в Куала-Лумпур, был сбит российской ракетой над территорией, контролируемой сепаратистами: в результате

погибли 298 пассажиров и членов экипажа. Поскольку российские власти отрицали любые обвинения в свой адрес и стремились переложить вину на Украину, новый раунд западных санкций (теперь уже не только персональных, но и в адрес российских компаний) оказался неизбежным.

В свою очередь, Кремль усугубил конфронтацию с Западом, введя контрсанкции, включавшие в себя запрет на импорт многих видов продовольствия из США, стран Европейского союза и некоторых других государств. Российские военные активно участвовали в боевых действиях в Донбассе на стороне ДНР и ЛНР²⁶⁹, которые с перерывами продолжались до февраля 2015 года, когда при посредничестве Франции и Германии были подписаны Минские соглашения о прекращении огня, фактически зафиксировавшие потерю Украиной влияния над территориями, которые контролировались сепаратистами.

Анализ того, как развитие событий в Украине повлияло на российскую внешнюю политику и на международные отношения в мире, выходит за рамки этой книги. Но их воздействие на внутривнутриполитические процессы в России оказалось весьма значимым. После присоединения Крыма, который многие россияне и ранее воспринимали как часть России²⁷⁰, популярность Путина, снижавшаяся в предыдущие несколько лет, в глазах россиян резко возросла²⁷¹. Лозунг «зато Крым наш!» выполнял важные компенсационные функции, вызывая у многих россиян гордость за восстановление военной и внешнеполитической мощи российского государства, несмотря на многочисленные проблемы страны.

Сплочение россиян вокруг руководства страны, известное среди специалистов как «ралли вокруг флага»²⁷², стало важнейшим успехом Кремля во внутренней политике. Эти изменения общественного мнения открыли для Кремля широкие возможности по подавлению общественного недовольства и ужесточению государственного регулирования в различных сферах. Такие шаги были призваны минимизировать шансы на подрыв господства Путина со

стороны «пятой колонны» его оппонентов, которых заклеили как «национал-предателей». Российские власти развернули кампанию против Запада, его украинских союзников и оппозиционно настроенных россиян, намного превосходящую масштабы конфронтации времен холодной войны.

Помимо краткосрочных пропагандистских эффектов, присоединение Крыма и внешнеполитическая конфронтация с Западом оказала и фундаментальное воздействие на характер принятия решений²⁷³ и на траекторию последующей эволюции российского политического режима. После 2014 года Кремль отрезал для себя шансы даже на частичную и поверхностную либерализацию, подобную той, что Россия пережила в период президентства Медведева. Напротив, усиление милитаризма, которое сопровождалось многочисленными воинственными выпадами, вплоть до угроз применения Россией ядерного оружия (они сопровождались высказыванием Путина «А зачем нам такой мир, если там не будет России?») ²⁷⁴, задавало фон для дальнейшего ужесточения подходов Кремля к внутренней политике. Неотъемлемыми характеристиками российского режима стали тенденции к усугублению репрессивности, усилению роли силовых структур и правоохранительных органов в государственном управлении, к принесению в жертву целей развития страны ради сохранения и умножения власти и богатства узкого круга приближенных Путина.

Часть этих тенденций проявилась и ранее, вскоре после возвращения Путина на пост главы государства в 2012 году²⁷⁵, но внешнеполитические процессы резко ускорили сдвиги российского политического режима в этом направлении. *По сути, целью всей государственной машины, управляемой из Кремля, стало сохранение политического статус-кво любой ценой настолько долго, насколько это возможно, в том числе и ценой ухудшения экономической ситуации в стране*²⁷⁶.

Достижению этой цели способствовали и многочисленные институциональные изменения, предпринятые российскими властями. В этот период были предприняты многочисленные изменения российских законов, которые повышали барьеры и увеличивали риски ведения нежелательной для Кремля общественной и политической деятельности. Законодательство об «иностранных агентах», призванное снизить международное воздействие на внутреннюю политику в России и создать препятствия для деятельности некоммерческих организаций, СМИ и активистов, ужесточение наказаний за протестную деятельность и разглашение нежелательной для властей информации, запреты на участие в выборах для кандидатов, представлявших реальную или потенциальную угрозу для властей — вот лишь некоторые шаги, предпринятые Кремлем на этом пути. «Закручивание гаек» сопровождалось ужесточением государственного регулирования и усилением произвола со стороны властей по отношению как к рядовым гражданам, так и к представителям элит.

Параллельно были снижены формальные и неформальные ограничения для Путина и его окружения, чтобы создать условия для масштабного присвоения ренты чиновниками и близкими к Кремлю бизнесменами. Выгодные контракты и льготы были призваны компенсировать им проблемы и потери от внешнеполитического конфликта России со странами Запада, обеспечить их безусловную лояльность. Едва ли не каждый из представителей элит мог быть обвинен в многочисленных злоупотреблениях, и в ряде случаев эти обвинения имели под собой основания²⁷⁷. Некоторые эпизоды масштабного извлечения ренты стали известны в результате многочисленных журналистских расследований, но они, скорее всего, представляли собой лишь видимую часть айсберга²⁷⁸. Венцом этих изменений стало их законодательное закрепление и принятие в 2020 году пакета поправок в российскую Конституцию, которые позволяли Путину продлить пребывание на посту главы государства до 2036 года.

Казалось бы, закрепив свое господство в длительной перспективе, Кремль мог поставить точку в процессе авторитарной консолидации. Однако на практике российские власти чем дальше, тем больше опасались нарастания политических вызовов. Они усиливались не только вследствие массовых политических протестов и/или недовольства отдельными мерами политического курса (например, повышением возраста выхода на пенсию в 2018 году) и скандальных разоблачений злоупотреблений в высших эшелонах власти, подрывавших легитимность режима.

Вызовы российскому режиму возникали во многом вследствие глобальных изменений в современном мире и смены поколений в России на фоне неизбежного старения руководителей страны. Они имеют системный и неустранимый характер, хотя и не дают никаких оснований к тому, чтобы говорить о полномасштабном кризисе российского авторитаризма, а тем более о его скором падении. Как Кремль справляется с этими вызовами и как именно эти тенденции влияют на эволюцию российского политического режима? Данная глава посвящена поискам ответов на эти и другие вопросы.

«ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»: ТРУДНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ОППОЗИЦИИ

В преддверии очередных выборов в Государственную Думу, назначенных на 4 декабря 2011 года, ожидания многих наблюдателей и аналитиков строились на том, что «Единая Россия», опираясь на госаппарат всех уровней власти, на доминирование в СМИ и поддержку достаточно популярных в глазах населения лидеров страны, без особого труда получит подавляющее большинство голосов и мест в Госдуме, тем самым открыв дорогу триумфальному возвращению Владимира Путина в кресло главы государства в марте 2012 года²⁷⁹. Однако эти ожидания не оправдались: согласно

официальным данным, ЕР набрала 49,3% голосов избирателей, но многочисленные прямые и косвенные свидетельства — от опросов граждан на выходе с избирательных участков после голосования до сообщений наблюдателей — фиксировали масштабные злоупотребления при подведении итогов голосования.

Не было сомнений, что реальная доля отданных за ЕР голосов была гораздо ниже²⁸⁰. Вслед за голосованием по стране под лозунгом «За честные выборы!» прокатилась волна акций протеста против итогов голосования. Она была отмечена ранее невиданным в постсоветской России размахом массовой мобилизации. Весьма быстро вместо протестов против конкретных злоупотреблений главным требованием стало «Долой Путина!». Речь шла не столько лично о прежнем президенте, планировавшем по итогам голосования 4 марта 2012 года вернуться на пост главы государства, сколько в целом о том политическом режиме, который связывался с его именем.

Тем не менее на президентских выборах 4 марта 2012 года властям удалось восстановить контроль и, используя все доступные способы, добиться необходимого исхода голосования. Согласно официальным данным, Владимир Путин набрал 63,6% голосов на фоне многочисленных злоупотреблений в ходе кампании и при подведении итогов выборов. Предпринятое вслед за выборами «закручивание гаек» стало ответом властей на эти вызовы. Оно было призвано вернуть ситуацию в стране к состоянию прежнего статус-кво и не допускать нарушения авторитарного равновесия в будущем.

Исход парламентских выборов 2011 года и последовавшая за ними волна политических протестов справедливо расценивались как поражение электорального авторитаризма. Но было ли это поражение «запрограммировано» самой логикой эволюции политического режима, или оно стало результатом действий ключевых политических акторов? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. Конкурентные выборы в силу своей природы часто (хотя и не всегда)

становятся для режимов электорального авторитаризма в разных регионах мира серьезным тестом на выживание²⁸¹. Им приходится не просто добиваться победы в нечестной и неравной борьбе с иными партиями и кандидатами, но и прилагать немалые усилия к тому, чтобы их победы были признаны внутри страны и за ее пределами, а обвинения в нечестности выборов имели не слишком значительный эффект.

Многим режимам электорального авторитаризма удается решать эти задачи более или менее успешно, но протесты по итогам нечестных выборов могут создать для них вызовы, подчас несовместимые с выживанием, о чем свидетельствует опыт «цветных революций» от Сербии (2000) до Молдовы (2009)²⁸². Хотя российский политический режим вплоть до 2011 года успешно справлялся с этими вызовами, снижение уровня легитимации в ходе электорального цикла 2011–2012 годов стало разительным контрастом с итогами предыдущего электорального цикла 2007–2008 годов, когда Кремль без особого труда решил стоявшие перед ним задачи, не спровоцировав хоть сколько-нибудь значимых протестов и избежав рисков того, что граждане станут сомневаться в легитимности выборов.

Неудивительно, что в последние годы, в особенности под воздействием волны «цветных революций», специалисты все чаще задавались вопросом о влиянии режима и оппозиции на кризисы электорального авторитаризма. Одни авторы отмечали критическую роль массовой мобилизации в результате усилий оппозиции, при этом уделяя особое внимание кооперации различных групп противников режима и тактике оппозиционных сил²⁸³. Они полагали, что сплоченная по принципу «негативного консенсуса» оппозиция с сильным организационным потенциалом и широкой международной и внутривнутриполитической поддержкой способна по итогам нечестных выборов сокрушить авторитарный режим. Другие специалисты обращали внимание на уязвимость самих авторитарных режимов, которые могут оказаться открыты

воздействию со стороны Запада, а их государственный аппарат и/или доминирующие партии часто не способны обеспечить полномасштабный контроль лидеров над политическим процессом в ходе голосования и подведения его итогов²⁸⁴.

Однако споры о том, «кто виноват» в кризисах электорального авторитаризма, режим или оппозиция²⁸⁵, подчас недостаточно принимают во внимание взаимодействие между ними. Между тем в политике, как и в игре в футбол, успех одной из сторон конфликта, как правило, зависит от действий соперников. Точно так же, как голы часто оказываются забиты из-за неудачной замены игроков, перехвата неточного паса или опрометчивой игры вратаря на выходе, достижения оппозиционеров могут стать результатом ошибочной тактики правящей группы (как в ходе президентских выборов 2020 года в Беларуси), а успехи авторитарного режима в борьбе со своими противниками — обратная сторона слабости оппозиции или ее неверных шагов (как в случае провала попытки военного переворота 2016 года в Турции, после которого произошло усиление режима Эрдогана).

Во многих из этих дискуссий внимание уделяется исключительно «историям успеха» оппозиции, когда режим оказывается свергнут (от Сербии в 2000 году до Армении в 2018 году). Куда реже анализируются варианты, при которых электоральный авторитаризм, споткнувшись и столкнувшись с теми или иными кризисами, сохраняет рычаги контроля и усиливает их. Российские события 2011–2012 годов, когда нечестные выборы повлекли за собой волну протестной мобилизации, привели не к падению авторитарного режима, а, напротив, к его выживанию и ужесточению, относятся именно к этой категории.

У протестов 2011–2012 годов было немало предпосылок: часть из них носила структурный (не зависящий от действий политических акторов) характер, а часть была напрямую обусловлена действиями режима и оппозиции. Помимо

воздействия экономического кризиса 2008–2009 годов, немалую роль в восприятии шагов Кремля россиянами²⁸⁶ сыграли изменения, которые произошли в лагере российской оппозиции. В 2000-е годы казалось, что оппозиция если и не совсем исчезла с российской политической арены, то была оттеснена на ее глубокую периферию²⁸⁷. В федеральном и региональных парламентах почти все решения утверждались голосами депутатов от «партии власти» и ее сателлитов²⁸⁸.

На несправедливых выборах разных уровней доля голосов за оппозиционные партии и кандидатов была не то чтобы ничтожной, но (за редкими исключениями) довольно незначительной²⁸⁹. Наконец, на уровне общественных движений большинство протестов под политическими лозунгами собирали лишь по несколько сотен записных активистов, воспринимавшихся в элитах, да и в обществе в целом в лучшем случае как бесполезные фрики. В то же время борцы с «уплотнительной застройкой» или защитники экологии всячески чурались оппозиционеров, не без оснований полагая, что политические требования закрыли бы дорогу к достижению их целей²⁹⁰. Иными словами, политическая оппозиция в России находилась в очень узких нишах, если не сказать загнана в гетто, и шансы на ее возрождение казались совершенно призрачными.

Однако в 2010-е годы политический ландшафт России сильно изменился. Митинги 2011–2012 годов в Москве и других городах страны, собравшие сотни тысяч участников, не смогли изменить политический режим, но позволили оппозиции, заметно расширившей свои ряды и во многом изменившей состав лидеров и активистов, выйти на политическую авансцену, достигнув «негативного консенсуса» в отношении Кремля. Голос оппозиции в публичном пространстве стал звучать гораздо громче, и власти, лишившись возможности ее игнорировать, прибегли к репрессиям в отношении оппозиционеров и их потенциальных сторонников.

Все это касается «несистемной» оппозиции (ее иногда также называют «принципиальной» или «подрывной»)²⁹¹, то есть организаций, движений и отдельных политиков, цели которых предполагают смену или кардинальную трансформацию существующего авторитарного политического режима²⁹². Отличие ее от «системной» оппозиции («полуоппозиции» или «секторальной оппозиции») состоит в том, что системные критики властей, хотя и выступают за смену политического курса, не склонны добиваться смены политического режима. Это не означает, что «системная» и «несистемная» оппозиции на персональном уровне представляют собой непересекающиеся множества. В российском контексте они скорее выглядят как сообщающиеся сосуды. Однако стратегическая разница между ними весьма существенна: если системная оппозиция выступает как «попутчик» и младший партнер правящих групп авторитарных режимов (хотя риски нелояльности с их стороны отнюдь не нулевые), то несистемная является их явным оппонентом.

Каковы механизмы, которые переводят спрос граждан на политические перемены из латентной в открытую форму? Можно предположить, что в России в качестве одного из них во многом выступала смена поколений. Противоречия «отцов» и «детей» были характерны и для российских преобразований 1980–1990-х годов, ключевыми участниками которых были представители, соответственно, «шестидесятников» и «семидесятников»²⁹³, так и для событий 2010-х годов, в ходе которых на первый план начали выдвигаться представители постсоветского поколения, сформировавшиеся как личности и как публичные фигуры в 1990-е и особенно в 2000-е годы. Под «противоречиями» имеются в виду не только расхождения на уровне политических установок и ценностей²⁹⁴, но и различия политического контекста и коллективного опыта, повлиявшего на формирование и эволюцию мировоззрения и поведения.

Для нового поколения российских оппозиционеров система координат, заданная отношением к советской эпохе,

воспринималась как «дела давно минувших дней»: они сами застали эту эпоху в лучшем случае подростками. Разделявшие постсоветскую политическую общественность конфликты, связанные с крахом КПСС и роспуском СССР в 1991 году или разгромом парламента в 1993 году, наложили на них не столь существенный отпечаток²⁹⁵. И дело не только в том, что оппозиционерам 2010-х годов было гораздо легче, чем их предшественникам, выстраивать «негативный консенсус» по отношению к режиму и искать общий язык с потенциальными союзниками (в том числе с теми, кто придерживался кардинально иных взглядов). Гораздо важнее то, что доминировавшие на политической сцене страны в 2000-е годы (среди представителей как правящих групп, так и оппозиции) «семидесятники» выстраивали свои стратегии ретроспективно: одни стремились к тому, чтобы удержать завоеванные ранее позиции, другие — к тому, чтобы взять реванш за былые поражения.

Вышедшие на российскую политическую сцену в 2010-х представители нового поколения были ориентированы на новую перспективу, которая, помимо прочего, предполагала, что вскоре доминирующие позиции в политике вместо «семидесятников» займут они сами. И если в лагере правящих групп возможности для подобной смены лидеров были заблокированы, то в лагере оппозиции на фоне упадка, пережитого ею в 2000-е годы, смена поколений давала шансы на ее возрождение. После волны протестов 2011–2012 годов многие ранее признанные оппозиционеры-«семидесятники» оказались в тени и волей-неволей вынуждены были уступить дорогу лидерам нового поколения. Символический момент, ознаменовавший завершение этого процесса, наступил летом 2013 года, когда партия РПР-ПАРНАС, возглавляемая тогда 54-летними сопредседателями Борисом Немцовым и Михаилом Касьяновым, выдвинула кандидатом на пост мэра Москвы 37-летнего Алексея Навального — пожалуй, наиболее яркого оппозиционера нового поколения.

Другим значимым фактором, обусловившим возрождение российской оппозиции, стала риторика «модернизации», провозглашенной в период президентства Медведева. Под ее воздействием прежде закрытая структура политических возможностей сменилась частичной и иллюзорной либерализацией, которая сама по себе создавала условия для политизации общественности, ставшей позднее питательной средой для новой оппозиции. Она также способствовала появлению ряда новых, не подконтрольных властям организаций, от интернет-СМИ и до сообществ типа «Диссернета». Эти процессы носили спонтанный характер, став побочным эффектом либерализации.

Однако после того, как в сентябре 2011 года власти объявили о предстоящем возвращении Владимира Путина на пост президента страны, что предполагало сворачивание либерализации и связанных с ней иллюзий, предстоящее сужение политических возможностей не оставляло общественности иного выхода, кроме политизации и солидарности с оппозицией. Бассейн рекрутирования сторонников оппозиции пополнился за счет тех россиян, кого власти пытались обмануть в ходе «модернизации»²⁹⁶.

Еще одним важным фактором, который способствовал возрождению российской оппозиции, стали стратегические шаги самих оппозиционеров. Они сменили не просто фокус критики властей, но и повестку дня в целом: на смену продвижению абстрактных идей (демократия, права человека) и решению конкретных проблем (протест против тех или иных мер политического курса властей) пришел антиавторитарный популизм, предполагавший мобилизацию общества против режима в целом как глубоко антинародного, неэффективного, неспособного к позитивным преобразованиям и сознательно им препятствующего²⁹⁷.

Антикоррупционные кампании, развернутые Алексеем Навальным и его сторонниками, отвечали наметившемуся запросу на перемены²⁹⁸ и становились площадкой для

консолидации разных сегментов оппозиции. Российские оппозиционеры 2010-х годов взяли на вооружение те же орудия, что и прогрессистское (реформистское) движение в США в начале XX века²⁹⁹, демократические движения 1970-1980-х годов в Латинской Америке, да и российское демократическое движение конца 1980-х — начала 1990-х годов³⁰⁰.

Разоблачения злоупотреблений верхушки КПСС и борьба с привилегиями номенклатуры в ходе перестройки оказались намного более эффективным средством массовой мобилизации против правящего режима, чем либеральная риторика диссидентов и правозащитников³⁰¹. Разоблачения «жуликов и воров» в России 2010-х годов отчасти выполняли сходные функции, формируя и упрочивая «негативный консенсус» по отношению к режиму поверх барьеров идеологических предпочтений среди самих оппозиционеров и сограждан. Они стали минимальным общим знаменателем любых перемен.

Противодействовать популистской стратегии — нелегкая задача для авторитарных режимов. В российском случае ситуация усугублялась тем, что режим до протестов 2011–2012 годов демонстрировал низкую репрессивность и опирался на манипуляции в СМИ, в то время как покупка лояльности, в немалой мере обеспечивавшая массовую поддержку режима в прежние годы, после кризиса 2008–2009 годов оказалась менее эффективной. Как отмечал Адам Пшеворский, «авторитарное равновесие держится на лжи, страхе или экономическом процветании»³⁰². В России начала 2010-х годов экономическое процветание оказалось под вопросом, а страх россиян перед нарушением авторитарного равновесия начал отступать (как на фоне проводимого Медведевым курса либерализации, так и в силу смены поколений). Ложь кремлевской пропаганды в одиночку уже не могла противостоять популистской стратегии оппозиционеров.

Накануне парламентской кампании 2011 года власти недооценили риски «обратной замены» Медведева Путиным на посту президента страны, ориентируясь на инерционный сценарий — сохранение политического статус-кво «по умолчанию» в отсутствие каких бы то ни было реалистических альтернатив. В самом деле, в преддверии «обратной замены» политический фон как будто не таил в себе ничего неблагоприятного для Кремля. Все допущенные к думской кампании «системные» партии сохраняли лояльность и готовы были согласиться практически с любым ее исходом. Хотя уровень массовой политической поддержки Кремля, судя по данным опросов, снижался, этот процесс никак нельзя было назвать критическим, а отдельные «тревожные звонки», свидетельствующие о недовольстве имеющимся положением дел, не воспринимались всерьез.

Неудивительно, что в этих условиях власти делали ставку на административный ресурс во всех его проявлениях (от принуждения к голосованию до «рисования» заведомо фиктивных результатов), на поддержку статус-кво периферийной частью электората (пенсионеры, бюджетники, жители индустриальных центров, малых городов и сел), на апатию и пассивность «продвинутых» избирателей (образованные, молодые и успешные жители крупных городов)³⁰³. Но из этих трех факторов в полной мере сработал лишь второй, в то время как третий обернулся своей противоположностью, а первый дал лишь частичные эффекты.

В то время как российские власти явно недооценивали вызовы, исходившие от оппозиции, последняя смогла умело использовать просчеты Кремля. Избранная на думских выборах 2011 года тактика — голосовать за кого угодно, кроме «Единой России», в сочетании с умелым ведением негативной кампании способствовала политизации довольно широких слоев избирателей, а массовые злоупотребления властей в ходе кампании и при подсчете голосов сыграли роль катализатора массовых постэлекторальных протестов. Все эти тенденции в

день голосования 4 декабря 2011 года слились воедино. Хотя, согласно официальным данным Центризбиркома, ЕР получила 49,3% голосов избирателей и 238 из 450 думских мандатов, на деле издержки формальной победы «партии власти» для режима намного превышали ее выгоды.

Масштаб кризиса электорального авторитаризма, который спровоцировал исход выборов 2011 года, оказался неожиданным не только для Кремля, но и для самих представителей оппозиции, не рассчитывавших на такое развитие событий даже в самых смелых своих мечтах. Выход десятков, если не сотен тысяч граждан на улицы Москвы и других городов России помог оппозиции вырваться из «гетто» и на время перехватить инициативу, продемонстрировав кооперацию и способность к мобилизации масс против режима. В поддержку серии митингов под лозунгом «За честные выборы!» выступила и часть представителей «системной» оппозиции, ставшей главным бенефициаром протестного голосования, а также часть представителей истеблишмента, предпринимавшая попытки «навести мосты» между режимом и оппозицией.

Однако эти шаги, направленные на то, чтобы добиться поэтапного мирного пересмотра «правил игры» в российской политике и вслед за этим постепенного демонтажа режима, не могли иметь успеха. Такого рода шаги на пути демократизации (как, например, «круглый стол» 1989 года в Польше или «пакт Монклоа» 1977 года в Испании), как правило, становятся следствием очень длительного, острого и масштабного противостояния различных сегментов элит и общественности. Они достигаются лишь тогда, когда издержки продолжения конфликтов становятся для участников слишком велики, а прежний опыт их разрешения по принципу «игры с нулевой суммой» (как в 1981 году в Польше или в 1936–1939 годах в Испании) рассматривается сторонами конфликта как заведомо неприемлемый³⁰⁴.

В России 2011–2012 годов такие условия попросту не успели сложиться, поэтому Кремль не имел стимулов для серьезных уступок. Предложенные им в ответ на протесты законопроекты, направленные на либерализацию правил регистрации политических партий и возвращение к всеобщим выборам глав исполнительной власти регионов, были вынужденной реакцией режима. Однако предусмотренные ими нормы — сохранение разрешительного порядка регистрации партий и «муниципальный фильтр», призванный блокировать участие нежелательных нелояльных Кремлю фигур в выборах глав регионов, по сути, служили лишь средствами довольно успешной адаптации российского электорального авторитаризма к изменившимся условиям.

В результате Кремлю удалось не допустить распространения протестных проявлений «вглубь» (за пределы столиц) и «вширь» (на различные социальные группы) и избежать присоединения к оппозиции не слишком лояльных «попутчиков» режима³⁰⁵. В свою очередь, оппозиция не успела создать устойчивую массовую базу, не говоря уже об организационной консолидации (для сравнения: в 1981 году польская «Солидарность» насчитывала свыше 9 миллионов участников). Поэтому в преддверии президентских выборов 4 марта 2012 года как организационная, так и стратегическая слабость оппозиции давали о себе знать. Противники режима опирались не на организации (каковых в России попросту не было), а на «слабые связи» сетевой мобилизации через интернет³⁰⁶.

Такие связи оказалось легко активизировать на эмоциональном подъеме, подобном наблюдавшемуся после думского голосования в декабре 2011 года, но полагаться только на них как на основной инструмент мобилизации было явно недостаточно. Слабость оппозиции проявилась в том, что по-настоящему крупномасштабные протестные акции так и не вышли за пределы Москвы и отчасти Санкт-Петербурга, и охватили лишь сегмент «продвинутых» избирателей. В полной

мере эти слабости проявились уже после того, как волна протестов пошла на спад. Осенью 2012 года Навальный, обращаясь на митинге к сторонникам оппозиции, призвал их регулярно ходить на протестные акции «как на работу», однако социальные сети и интернет (в отсутствие сильных организаций) не создавали достаточных стимулов для массового поведения такого рода³⁰⁷.

Поэтому Кремлю удалось с помощью комбинации угроз и посулов мобилизовать сторонников статус-кво не только из числа периферийного электората, в полном объеме задействовать локальные «политические машины», ранее кое-где крутившиеся на «холостом ходу», и вполне эффективно использовать весь арсенал злоупотреблений в ходе голосования и при подсчете голосов. Режим смог отпраздновать свою убедительную победу: Путин получил 63,6% голосов избирателей и даже мог не слишком огорчаться тому, что протестное голосование за единственного зарегистрированного независимого кандидата, бизнесмена Михаила Прохорова, составило свыше 20% избирателей в Москве и свыше 15% в Санкт-Петербурге (при почти 8% по стране в целом). Это не создавало для режима риска потери власти.

«Системная» оппозиция и большинство ее сторонников по доброй воле или вынужденно смирились с возвращением Путина. Продолжая параллели с футболом, можно сказать, что в ходе протестной зимы 2011–2012 годов более сильная команда сама создала голевую ситуацию у своих ворот, но более слабая сторона все же не смогла забить гол. В итоге более сильная команда перешла в контратаку и с помощью агрессивной и грубой игры на удержание победного счета в ожидании истечения времени матча смогла добыть победу.

Не будет большим преувеличением утверждать, что в ходе массовых протестов 2011–2012 годов российская оппозиция во многом пала жертвой собственного успеха. События развивались столь стремительно, что у оппозиционеров

попросту не было времени и ресурсов почти ни на какие иные действия. Вместе с тем логика противостояния режиму требовала от организационно и идейно разрозненных сегментов оппозиции координации своих шагов. Однако для того, чтобы быстро собраться, российским оппозиционерам не хватило ни времени, ни ресурсов, а взятый ими на вооружение механизм кооперации оказался неудачным.

Широко анонсированный Координационный совет оппозиции (КСО), сформированный на основе голосования свыше 80 тысяч россиян в октябре 2012 года, не дал значимого эффекта, поскольку у КСО не было реальной повестки дня. Изначально КСО должен был выступать в качестве организатора протестов и представительного органа оппозиции (уполномоченного выступать от ее имени, в том числе и в случае гипотетических переговоров с властями, о чем мечтали некоторые оппозиционеры, имея в виду российский аналог польского «круглого стола» образца 1989 года).

Однако первая из этих задач могла успешно решаться и без КСО, а вторая была явно преждевременной. В итоге члены совета тратили время на бесконечные дебаты, принимали множество резолюций, но едва ли могли сколько-нибудь заметно влиять на политические процессы в стране. Вскоре некоторые из членов КСО покинули его ряды из-за неэффективности этого органа, и через год он фактически прекратил свое существование. Этот опыт не был бесполезен для активистов, но скудные ресурсы оппозиции во многом оказались потрачены впустую.

Казалось, что после спада волны протестов 2011–2012 годов Кремлю удалось отвести угрозы усиления оппозиции. Успехи противников режима оказались не слишком весомыми — оппозиционные партии в лучшем случае могли претендовать на отдельные места в региональных legislатурах, принося властям не намного больше хлопот, чем партии «системной» оппозиции. Но эти ожидания изменили выборы мэра Москвы в

сентябре 2013 года. Изначально позиции инкумбента Сергея Собянина казались почти непоколебимыми, и опросы предсказывали ему легкую победу, отводя главному потенциальному конкуренту, Навальному, не более 10% голосов³⁰⁸. Сокрушительная победа Собянина на выборах могла укрепить легитимность режима и продемонстрировать избирателям отсутствие реалистических альтернатив.

Тем не менее Навальный, в ходе кампании обвинявшийся в уголовном преступлении по сфабрикованному делу, смог не только собрать подписи муниципальных депутатов, необходимые для регистрации на выборах, но и был освобожден из тюрьмы почти сразу после обвинительного приговора. Кремль, однако, недооценил потенциал оппозиционера: ему удалось провести энергичную избирательную кампанию. Команда Навального смогла привлечь немалое количество волонтеров, эффективно использовать краудфандинг для сбора средств и мобилизовать большое число избирателей за пределами круга сторонников оппозиции. Результаты выборов мэра превзошли все ожидания: Навальный получил свыше 27,2% голосов против 51,3% у Собянина, с трудом избежавшего второго тура голосования.

Немало активистов оппозиции считали, что победа Собянина стала следствием фальсификаций при подсчете голосов. Но сам Навальный справедливо счел, что время для «восстания масс» еще не пришло: после голосования, выступая перед своими сторонниками, он предложил отказаться от протестов, но призвал их быть готовыми «жечь файеры», когда он сочтет этот шаг необходимым³⁰⁹. Несмотря на поражение Навального, заручившегося поддержкой свыше 630 тысяч москвичей, эти выборы оказались успехом. На смену спонтанным разовым событиям, отражавшим эмоциональную реакцию участников, пришло становление организации с ее разделением труда, централизацией и систематической ежедневной работой, столь необходимой для

организационного развития оппозиции. Взлет Навального был весьма значим как индикатор нарастающих трудностей и новых вызовов для Кремля, он стал «точкой отсчета» для последующих поворотов во внутренней политике.

К осени 2013 года показатели массовой поддержки Путина снизились до уровня, до которого они не опускались с момента его прихода на пост главы государства. Надежды Кремля на продолжение экономического роста 2000-х годов, который долгое время подпитывал эту массовую поддержку, оказались необоснованными. После преодоления экономического кризиса 2008–2009 годов российская экономика росла очень медленными темпами, и анонсированные планы нового роста и нового качества жизни³¹⁰ в значительной мере остались на бумаге³¹¹.

Казалось бы, ресурсы для поддержания авторитарного равновесия к тому моменту были исчерпаны. Но присоединение Крыма повлекло за собой кардинальные изменения в российской политике. Спад массовой поддержки Путина сменился бурным ростом, позволившем Кремлю не просто отыграть все прежние неблагоприятные тенденции, но и на время снять вопрос о политических альтернативах сохранению статус-кво (даже несмотря на начавшийся в 2014 году спад реальных доходов населения (вплоть до 2013 года они неуклонно росли, даже в ходе кризиса 2008–2009 годов)³¹².

Легитимность российского режима, поставленная было под вопрос в ходе протестов 2011–2012 годов, обрела новые основания, теперь уже обусловленные не экономической эффективностью, а восприятием россиянами присоединения Крыма и острой международной конфронтации как внешнеполитических успехов Кремля. Благодаря пропагандистским усилиям и умелому политическому контролю Кремль смог благополучно конвертировать эти изменения в результаты голосований. На выборах 2016 года в Государственную Думу «Единая Россия» набрала 54,2% голосов по партийным спискам и завоевала 343 мандата из 450

благодаря избранию ее кандидатов в 203 одномандатных округах из 225.

Еще более внушительным оказался триумф Кремля на президентских выборах 2018 года, когда Путин без сколько-нибудь значимого сопротивления набрал 76,7% голосов избирателей, что в общей сложности составило более половины от всех россиян (Навальный, пытавшийся выдвинуть свою кандидатуру, не был допущен к участию в выборах). На выборах глав исполнительной власти регионов благодаря «муниципальному фильтру», отсекавшему от участия в них всех нежелательных кандидатов, почти повсеместно побеждали те, кого поддерживал Кремль, и вплоть до 2018 года о какой-либо конкуренции на них говорить не приходилось³¹³.

В рамках триады, на которой, по словам Пшевцовского, держится авторитарное равновесие, можно констатировать, что в России ложь и страх смогли компенсировать утрату режимом способности обеспечивать экономическое процветание. Они превратились в главные инструменты российских властей по поддержанию политического статус-кво. Важнейшую роль в этом сыграла репрессивная политика Кремля, развернутая в 2010-е годы и продолжающаяся в 2020-е.

ПОЛИТИКА СТРАХА: РЕПРЕССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСПОДСТВА

Поздним вечером 27 февраля 2015 года вблизи Кремля был убит один из лидеров российской политической оппозиции Борис Немцов. Убийство произошло за два дня до запланированных оппозицией шествия и митинга, направленных против политики российских властей. Они были задуманы организаторами как шаг на пути нового раунда мобилизации массовых протестов, призванных стать масштабнее тех, что прокатились по России после думских выборов 2011 года. Убийство Немцова, однако, поменяло всю

повестку оппозиции: шествия и митинги в Москве и в ряде других городов прошли как траурные мероприятия, которые не стали новой «точкой отсчета» мобилизации противников режима. Таким образом, объективно это преступление оказалось на руку российским властям.

Убийство Немцова, вне зависимости от того, каковы были его мотивы и заказчики, стало логическим продолжением поворота к репрессивной политике, которую российские власти проводили по отношению к своим публичным оппонентам после возвращения Владимира Путина на пост главы государства в 2012 году. Репрессивный поворот имел целью пресечь распространение протестной активности, столь заметно и неожиданно проявившейся в стране зимой 2011–2012 годов. Вместе с ним изменились механизмы, с помощью которых Кремль боролся со своими противниками. В 2000-е годы он прибегал к кооптации и изоляции несогласных с ним политических и общественных акторов. В 2010-е на смену этой тактике пришла «политика страха» — демонстративное запугивание тех, кто выступал против режима, публичная дискредитация оппонентов Кремля, преследование оппозиционных активистов и их союзников по политическим мотивам в разных формах.

Репрессивный поворот был лишь отчасти реакцией на всплеск протестной активности. Во многом он был продиктован исчерпанием прежней стратегии Кремля, в которой преобладала покупка лояльности элит и граждан. Логика, которой руководствовались российские власти, ориентировалась и на частичное воспроизводство механизмов политического контроля в позднем СССР, но вписывалась в общие тенденции репрессивной политики в современных авторитарных режимах.

Хотя политическая история человечества по большей части была историей диктатур, в том числе прибегавших к жестоким репрессиям в отношении собственных сограждан, далеко не все современные автократы склонны

опираться на массовые репрессии как средство поддержания своего господства.

Причин тому несколько. Во-первых, основные угрозы авторитарным режимам исходят не столько от протестующих масс, сколько со стороны различных сегментов элит³¹⁴. С этой точки зрения усиление репрессивного аппарата опасно для авторитарных лидеров и элит, которые сами рискуют пасть жертвой репрессий не в меньшей, а даже в большей мере, чем рядовые граждане.

Во-вторых, в обществах, достигших относительно высокого уровня социально-экономического развития, массовое политическое насилие, и в особенности массовые репрессии не воспринимаются как легитимный механизм удержания власти³¹⁵.

В-третьих, и на международной арене режимы, которые практикуют массовые репрессии, но не проводят честных выборов, сталкиваются с серьезными проблемами своей легитимации³¹⁶. Вот почему современным авторитарным режимам приходится все больше опираться на использование иных политических средств. Наряду с репрессиями и с адаптацией ряда демократических институтов (выборы, парламент, партии) к своим нуждам³¹⁷, в их арсенале инструментов политического контроля все более значимую роль играет изощренное использование механизмов пропаганды³¹⁸.

По мере того, как «классические» («гегемонные») авторитарные режимы в современном мире все в большей мере вытесняются электоральными, снижаются масштаб и интенсивность подавления режимами своих сограждан. Феномены массовых репрессий, как ГУЛАГ или геноцид времен «красных кхмеров», уходят в прошлое, уступая место куда менее кровавым средствам удержания власти. Это не значит, что авторитарные режимы отказываются от преследования своих противников: «кнут» (подавление оппонентов) остается

важнейшим инструментом в их арсенале наряду с «пряниками» в виде подкупа и кооптации.

При этом стратегия использования авторитарными режимами репрессий кардинально меняется. Политические репрессии все чаще имеют не массовый характер, а селективный. Они редко направлены против граждан в целом или отдельных социальных (этнических, религиозных и т.д.) групп. Скорее, они применяются против отдельных лиц и организаций, выступающих и/или способных выступить против режима. Такие репрессии носят явный и иногда даже демонстративный характер (аресты и заключение по политическим мотивам, ссылка, высылка из страны, пытки, исчезновение людей, политические убийства), но могут быть и неявными (слежка, перлюстрация корреспонденции, использование провокаторов, публичная дискредитация и изоляция)³¹⁹.

Селективные репрессии выполняют не только и не столько карательные функции прямого возмездия в отношении врагов режима (хотя в ряде случаев присутствуют и эти мотивы), сколько сигнальные — предотвращение рисков распространения враждебной активности за пределы узкого круга непосредственных противников. Они демонстрируют элитам и рядовым гражданам, что их нежелательное, с точки зрения авторитарного режима, публичное поведение чревато большими потерями. Данная репрессивная политика может оказаться не менее эффективной с точки зрения выживания авторитаризма, но ее успех требует существенных усилий по чередованию кнута и пряника и по умелому и дозированному использованию инструментов политического контроля.

Сергей Гуриев и Дэниел Трейсман отмечают, что у современных авторитарных режимов уровень репрессий тесно связан с характеристиками экономического роста³²⁰. Устойчиво высокие темпы роста способствуют тому, что режимы прибегают к кооптации оппонентов и к покупке

лояльности масс: граждане могут проявлять недовольство по тем или иным конкретным поводам, но редко выступают против авторитарных режимов и их лидеров. Но если темпы роста резко снижаются, режимам приходится сменить пряник на кнут и использовать против своих оппонентов мощь пропаганды (ложь) вкупе с селективными репрессиями (страх). Репрессивный поворот, таким образом, во многом служит проекцией тех объективно складывающихся условий и ограничений, с которыми сталкиваются авторитарные режимы³²¹.

На другой аспект выбора стратегий репрессивной политики обращал внимание Кристиан Давенпорт, исследовавший реакцию демократических и авторитарных режимов на угрозы подрыва политического порядка со стороны их противников. Важную роль в этом выборе играет восприятие режимами значимости этих угроз, в свою очередь вызванное не общим уровнем протестов против режимов, а их внезапными всплесками. Более того, восприятие угроз усиливается, если угрозы проистекают из нескольких разных источников, а стратегии противников режима более разнообразны и включают в себя широкий репертуар средств борьбы (как мирных, так и особенно насильственных).

Чем более опасными кажутся угрозы, тем больше шансов на то, что на экзистенциальный вопрос «бить или не бить» (своих противников) режимы дадут утвердительный ответ. Главное, что определяет выбор стратегии со стороны режимов — предшествующий опыт применения ими репрессий. Если в прошлом репрессии помогли авторитарным режимам успешно справиться с угрозами выживанию, то шансы их применения снова резко возрастают, равно как масштабы и интенсивность репрессий³²². Иными словами, одни репрессии зачастую порождают другие по принципу «порочного круга»: однажды пойдя по этому пути, авторитарные режимы готовы прибегать к репрессиям даже тогда, когда риски для их выживания не столь велики³²³.

Сочетание этих факторов и характеристик позволяет реконструировать в общих чертах логику репрессивного поворота в России в 2010-е годы. В 2000-е годы российский режим отличался низкой репрессивностью по двум основным причинам. Во-первых, вызванное экономическим ростом увеличение доходов само по себе способствовало повышению лояльности граждан³²⁴, а имевшиеся в распоряжении властей финансовые ресурсы помогали справляться с отдельными проявлениями недовольства масс (как в случае протестов против «монетизации льгот») и обеспечивать кооптацию части истеблишмента. Во-вторых, масштаб политических протестов в этот период был невысок, и ощутимой угрозы режиму они не представляли³²⁵. Поэтому репрессии носили по преимуществу локальный и таргетированный характер.

Главными способами борьбы с враждебными представителями истеблишмента служили их дискредитация и изоляция — независимые СМИ, общественные организации и активисты были загнаны в «гетто», не имея возможностей нанести Кремлю серьезный ущерб. Однако ситуация изменилась в ходе волны протестов 2011–2012 годов: хотя масштаб мобилизации противников Кремля сам по себе не создал серьезных вызовов режиму, ее демонстративный эффект превзошел любые ожидания³²⁶. Неудивительно, что «закручивание гаек», анонсированное Путиным после президентских выборов 2012 года, отчасти стало реакцией властей на восприятие ими новых угроз и вызовов (включая состав и репертуар протестов).

Кроме этой реакции, вклад в «закручивание гаек» в России в немалой мере внесли экономические тенденции. Средств для покупки лояльности граждан у режима оказывалось недостаточно, и «политика страха» вкупе с усилением агрессивности государственной пропаганды стала важнейшим средством поддержания авторитарного равновесия.

События 2014 года — свержение режима Януковича в Украине после масштабных и длительных массовых протестов,

аннексия Крыма, война в Донбассе, беспросветная конфронтация России с Западом и последующее усугубление проблем в экономике повлекли за собой усугубление репрессивной политики в России. Она приобрела гораздо более систематическое и всеобъемлющее институциональное оформление, а круг ее «мишеней» и методов, используемых для борьбы с врагами режима, существенно расширился. В результате репрессивность российского режима после 2012 года существенно возросла, хотя по мировым меркам автократий она по-прежнему остается низкой и по сей день, в 2020-е годы.

СТРАХ И НЕНАВИСТЬ В РОССИИ: «ПОРОЧНЫЙ КРУГ» РЕПРЕССИЙ?

Репрессивная политика государства в позднем СССР заслуживает внимания с нескольких точек зрения. Прежде всего, нормативный идеал «хорошего Советского Союза», сложившийся в сознании немалой части поколения, социализировавшегося в период «долгих семидесятых» (1968–1985) и имеющий тенденцию укореняться по мере вхождения этих людей в возраст поздней зрелости³²⁷, затрагивает и механизмы государственного контроля, обеспечивавшие авторитарное равновесие. Все три опоры советского авторитаризма — ложь, страх и экономическое развитие (об экономическом процветании в СССР говорить не приходилось) — справлялись с обеспечением этих задач, хотя их эффективность снижалась со временем, пока они не рухнули к концу советской эпохи.

Ложь официальной коммунистической пропаганды на фоне усугублявшихся проблем советской экономики вынуждала режим в период «долгих семидесятых» все в большей мере использовать политику страха. Но вместе с тем советское государство смогло справиться с вызовами, которые создавало для него недовольство режимом со стороны сограждан — по

крайней мере, в краткосрочной перспективе, — не прибегая к массовым репрессиям и не сталкиваясь при этом с открытым сопротивлением с их стороны. *Руководителям позднего СССР удалось создать вполне действенные стимулы для того, чтобы политизированная часть советских граждан, недовольных режимом, предпочитала открытому «протесту» (voice) пассивный «уход» (exit) в разных формах (от пьянства и дауншифтинга до стремления к отъезду из страны), в то время как далекое от политики большинство, по крайней мере, внешне сохраняло лояльность (loyalty), тем самым поддерживая политический статус-кво*³²⁸.

Когда после смерти Сталина советский режим вынужден был отказаться от использования массовых репрессий, государство столкнулось не только с подъемом диссидентского движения, но и с появлением массовых беспорядков, которые спонтанно вспыхивали в разных частях страны и по разным поводам³²⁹. Применение силы для их подавления (самый известный пример — Новочеркасский бунт 1962 года — был лишь верхушкой айсберга) было чревато немалыми рисками для политического руководства³³⁰. Поэтому советская репрессивная политика была серьезно реформирована и приобрела черты модели, которую рано ушедший из жизни белорусский политолог Виталий Силицкий охарактеризовал как «превентивный авторитаризм»³³¹.

В основе этой модели лежало использование не только и не столько «активных мероприятий» по подавлению открытых врагов режима, сколько приоритет «профилактической работы», призванной не допустить распространения протестных проявлений в обществе. Репрессивная политика делала упор на мониторинг нелояльности среди граждан страны и на запугивание тех, кто проявлял ее публично в тех или иных формах. Арсенал средств, находившихся в распоряжении репрессивных органов, включал не только «кну́т» карьерных ограничений и угроз уголовных преследований, но и «пряник»

возможностей, которые открывали кооптация (шансы продвижения по службе) и подкуп (получение тех или иных материальных благ) в обмен на лояльность режиму.

На индивидуальном уровне риски наказаний за открытое неповиновение режиму в позднем СССР воспринимались как весьма высокие. Поэтому неудивительно, что даже те советские граждане, которые были нелояльны по отношению к властям, предпочитали отказ от публичных столкновений с ними. Хотя спрос на альтернативную информацию о положении дел в стране и в мире был немалым (о чем свидетельствовала большая аудитория вещавших на СССР зарубежных радиостанций)³³², свободное обсуждение общественных проблем было ограничено «кухонными разговорами», но не выходило за их пределы. В отношении наиболее шумных и/или опасных противников советская репрессивная политика использовала широкий набор средств подавления — от фактических запретов на профессии и на доступ к публичной деятельности до использования карательной психиатрии и принудительной эмиграции.

Хотя число политических заключенных в СССР было относительно невелико, «точечные» репрессии против инакомыслящих подавали советским гражданам вполне ясный сигнал: несанкционированный общественный и политический активизм повлечет для них весьма высокие издержки. В этих условиях довольно узкий круг диссидентов имел мало шансов расширить свои ряды, несмотря на высокий потенциал недовольства в обществе и в кругах, близких к элитам. Даже снижение позитивных стимулов к лояльности советскому строю (вызванные, в частности, уменьшением возможностей для восходящей мобильности элитных групп) в этих условиях само по себе не могло усилить активизм, направленный против режима.

Последствия позднесоветской репрессивной политики для противников режима оказались разрушительными. Движение протеста в позднем СССР было организационно

слабым, а к началу перестройки и вовсе оказалось почти сведено на нет³³³. Но главное — оно не имело ни ресурсов, ни возможностей предложить продуманные и реалистические альтернативы существовавшему в стране строю. Впоследствии, в период перестройки, этот дефицит идей проявился в полной мере³³⁴. Скрытое недовольство советской системой проявлялось в иных формах, нежели организованный протест, и в целом не создавало вызовов режиму до тех пор, пока не произошла смена лидеров и не начались новые попытки преобразований.

Именно они спровоцировали появление новой волны общественных и политических движений, которые были не слишком связаны с диссидентами эпохи «долгих семидесятых» (хотя ряд значимых фигур, таких как Андрей Сахаров или Сергей Ковалев, выступали в качестве символов демократического движения, они не были на первых ролях). Позднесоветская репрессивная политика позволила коммунистическому режиму отсрочить риски распространения протестов, обеспечив целому поколению советских лидеров относительно комфортное пребывание у власти и переложив накапливавшиеся проблемы на плечи их преемников.

Если поздний Советский Союз представлял собой идейный ориентир в глазах нынешних лидеров страны, то практически (пусть и не вполне осознанным) образцом для подражания вплоть до 2020 года выступал опыт постсоветской Беларуси. Репрессивная политика режима Лукашенко достигла целей удержания власти и позволила минимизировать риски нелояльности со стороны элит и массовых проявлений недовольства³³⁵. В отличие от России, которая после распада СССР пережила фрагментацию силовых структур, в Беларуси организационная и кадровая преемственность аппарата подавления оказалась высокой, в то время как его ресурсное обеспечение после прихода к власти Лукашенко резко укрепилось.

После разгрома очагов сопротивления в правящих группах режим Лукашенко провел «зачистку» элит: в конце 1990-х годов несколько статусных белорусских оппозиционеров бесследно исчезли, в то время как массовые злоупотребления в ходе избирательных кампаний не встречали значимого сопротивления³³⁶. Немногочисленные общественные активисты подвергались атакам по нескольким направлениям: из Беларуси были выдавлены поддерживавшие их зарубежные фонды и неправительственные организации, жесткий прессинг государства по отношению к бизнесу не оставлял места для несанкционированного финансирования оппозиции с его стороны; рестриктивное законодательство об НКО подталкивало ряд гражданских объединений к самоликвидации, а привлечавший активистов Европейский гуманитарный университет вынужден был перебраться в Вильнюс.

Превентивные шаги против критиков режима включали широкий круг мер, начиная от запрета на анонимный доступ к интернету и заканчивая угрозой увольнений за политическую нелояльность. Неудивительно, что постэлекторальные протесты в 2006 году оказались не слишком многочисленными, а в декабре 2010 года они вылились в провокацию, когда неизвестные лица во главе шествия противников режима ворвались в здание Дома правительства. Результатом стали массовые аресты, дальнейшее ужесточение репрессий и еще большая, чем прежде, дискредитация оппозиции³³⁷. И хотя режим Лукашенко не мог создать значимых позитивных стимулов к лояльности, их дефицит отчасти компенсировался многочисленными стимулами к «уходу» в форме отъезда из страны.

Многие несогласные с политикой властей граждане Беларуси (равно как и движимые карьерными стимулами амбициозные профессионалы) делали выбор в пользу жизни и работы в Европе или в России, тем самым снижая шансы противников режима внутри страны на подрыв политического

статус-кво. В силу этих причин шумная, но не пользовавшаяся влиянием внутри страны белорусская оппозиция оказывалась подвержена многочисленным раздорам и со временем утрачивала шансы стать сколь-нибудь серьезной политической силой. В отсутствие значимых альтернатив возможности режима Лукашенко сохранять власть казались неоспоримыми.

Лишь в 2020 году режим допустил фундаментальный просчет, позволив участвовать в президентских выборах жене популярного оппозиционного блогера Сергея Тихановского Светлане, которая, по всей вероятности, выиграла эти выборы у Лукашенко. После этого официальные итоги выборов были сфальсифицированы, Светлана Тихановская вынуждена была покинуть страну, а массовые протесты были крайне жестко подавлены с масштабным применением силы.

Об этих уроках Беларуси мы немного поговорим в главе 6, но стоит иметь в виду, что опыт режима Лукашенко по превентивному подавлению протестов с помощью селективных репрессий вплоть до 2020 года был вполне успешен и востребован в Кремле, в особенности после волны протестов 2011–2012 годов. Не только конкретные меры во многом повторяли белорусский опыт, но и стратегия российской репрессивной политики оказалась сходной, принося Кремлю определенный, хотя и частичный успех.

Поворотным пунктом «политики страха» в России стало 6 мая 2012 года, когда в ходе протестной акции оппозиции на Болотной площади в Москве произошли столкновения с полицией, подавшие сигнал к усилению репрессивной политики сразу по нескольким направлениям³³⁸. Непосредственным исходом этих столкновений стали аресты и последующие судебные процессы над несколькими десятками участниками протестов. Не все из них были записными активистами — напротив, под наказание попали во многом случайные жертвы. Тем самым власти продемонстрировали сторонникам оппозиции и участникам массовых акций, что

нежелательное политическое участие чревато для них большими рисками.

Вскоре масштаб протестных акций в Москве существенно снизился (хотя к тому времени они и без того шли на спад), а некоторые активисты покинули страну, опасаясь преследований. Но важнее оказалось другое: обвинения в адрес активистов в нападении на полицейских и в организации массовых беспорядков способствовали легитимации «закручивания гаек». Последующее принятие ряда репрессивных законов было направлено не только на ужесточение наказаний и увеличение и без того немалых полномочий правоохранительных органов. Его основной целью было расширить меню реальных и ожидаемых санкций за нарушение писанных и неписанных «правил игры», а также возможностей их произвольного применения в отношении максимально широкого круга лиц и организаций³³⁹.

Законодательные и политические шаги, предпринятые Кремлем после 2012 года, были призваны затруднить распространение нежелательной для властей информации, пресечь финансирование оппозиционной деятельности и как можно сильнее ограничить независимую и автономную от властей общественную деятельность гражданского характера (не говоря уже о политически окрашенной). Среди этих шагов стоит отметить следующие:

- поправки к закону «О некоммерческих организациях» (НКО) и другим законам, получившие известность как «закон об иностранных агентах». Они предписывали НКО, получавшим финансирование из-за рубежа, регистрироваться в качестве «выполняющих функции иностранного агента» в случае осуществления ими «политической деятельности». Преднамеренная размытость формулировок открывала возможности для их произвольного применения по отношению практически к любым организованным формам гражданского и социального активизма. Вместе с тем статус

«иностранного агента» не только предполагал публичную дискредитацию НКО, но и ужесточал требования к их финансовой и юридической отчетности, резко увеличивая их издержки. Вслед за принятием закона прокремлевские медиа усилили кампанию против нелояльных НКО.

Критика режима со стороны НКО и ранее подвергалась публичным нападкам со стороны властей, еще во время «цветных революций» 2003–2005 годов, но отныне НКО воспринимались в Кремле уже не как маргиналы, «шакалящие у посольств» в надежде на подачки Запада, а как значимая угроза, инструмент возможного свержения режима³⁴⁰;

- новые нормы регулирования интернета, позволявшие чиновникам в одностороннем порядке блокировать доступ к сайтам и социальным сетям за реальные и/или выдуманные нарушения законодательства во внесудебном порядке (в частности, эта норма позволила в марте 2014 года заблокировать доступ к ряду сайтов, критиковавших аннексию Крыма Россией; продвинутые пользователи нашли способы обойти блокировки, но посещаемость сайтов резко упала)³⁴¹; в этом ряду стоит отметить ограничение иностранного участия в российских СМИ и ужесточение регулирования рекламного рынка, введенное летом 2013 года;
- поправки к Уголовному кодексу, восстанавливавшие уголовную ответственность за клевету в СМИ (декриминализация, проведенная в период президентства Медведева, оказалась кратковременной), что стимулировало редакторов и журналистов к самоцензуре;
- изменения правил регулирования переводов денежных средств под предлогом борьбы с терроризмом, ограничивавшие размер и количество анонимных пожертвований, размер пожертвований со стороны физических лиц;

- ужесточение санкций за нарушения правил проведения митингов и иных публичных мероприятий;
- расширение норм по борьбе с «экстремизмом», усиливавшее санкции за их нарушение, увеличивавшее полномочия правоохранительных органов в данной сфере, и вводившее ответственность за «призывы к сепаратизму» и «оскорбление религиозных чувств» на фоне преднамеренной размытости состава правонарушений и использования «культурных войн» как средства сплочения различных групп общества вокруг режима³⁴².

Подобная комбинация ужесточения регулирования и селективного правоприменения способствовала систематической и последовательной «политике страха», мишенями которой становились все новые группы и индивиды. Если раньше в качестве противников режима рассматривались журналисты, блогеры и гражданские активисты — реальные и/или потенциальные оппозиционеры, то дальнейшее расширение мишеней репрессий захватывало и вполне лояльные властям организации. В целом, Кремль не только не препятствовал, но и отчасти способствовал отъезду за рубеж своих оппонентов, не без оснований полагая, что за границей они едва ли будут способны нанести большой вред режиму.

Несмотря на значительные усилия Кремля, к началу 2014 года «политика страха» принесла лишь частичные эффекты — она подавляла симптомы кризисных явлений, проявившихся в ходе протестов 2011–2012 годов, но не могла преодолеть их причины. В связи с этим резко усилились атаки на противников режима, шельмуемых в качестве «пятой колонны» Запада, призванной готовить свержение российского режима. Трудно сказать, в какой мере Кремль искренне рассматривал смены режимов в Украине и других странах как результат подрывных действий Запада и его наймитов. Но этот аргумент на фоне пропагандистской кампании властей (ее масштаб и интенсивность напоминали кампании сталинских времен)

позволял им, почти не встречая значимого сопротивления, легитимировать ужесточение репрессивной политики.

Усилия Кремля сопровождались дальнейшим «закручиванием гаек» в плане ужесточения регулирования и более систематического применения репрессивных норм. Расширение масштаба санкций наиболее наглядно было продемонстрировано по отношению к НКО. Принятая в 2014 году вторая порция законодательных поправок позволяла органам юстиции самостоятельно, без решений суда присваивать НКО статус «иностранного агента». Вскоре численность таких НКО резко возросла, некоторые из них оказались вынуждены свернуть свою деятельность в качестве юридических лиц (наибольший резонанс получило признание «иностранным агентом» фонда Дмитрия Зимины «Династия», спонсора научной и просветительской деятельности).

В 2015 году был принят новый закон о «нежелательных» иностранных некоммерческих организациях, введивший уголовное преследование за сотрудничество с ними российских физических и юридических лиц (ведение реестра таковых организаций было возложено на чиновников)³⁴³. Продолжением этих мер репрессивной политики стали многочисленные поддержанные Кремлем инициативы со стороны депутатов, чиновников и лояльных режиму активистов, направленные на еще более жесткое «закручивание» гаек, которые иной раз заходили дальше и действовали грубее, чем в этом нуждались власти. Неудивительно, что по мере нарастания политической напряженности в 2019–2020 годах власти ввели новые рестриктивные меры. Теперь они коснулись уже не только НКО, но и отдельных граждан и СМИ.

Другим направлением репрессивной политики Кремля стало более жесткое и систематическое персональное давление на оппозиционных лидеров и активистов, и на заметные публичные фигуры. Навальный неоднократно подвергался арестам и, будучи приговорен к условному сроку по

сфабрикованному уголовному делу, не мог принимать участие в выборах. Его брат был приговорен по другому (тоже сфабрикованному) уголовному делу к 3,5 годам лишения свободы, фактически оказавшись заложником в руках властей. Ближайший соратник Навального и главный организатор его фандрайзинговой кампании Владимир Ашурков был обвинен в финансовых злоупотреблениях и был вынужден покинуть страну.

В отношении противников режима применялись не только дискредитация через СМИ и репрессии со стороны правоохранительных органов. В качестве инструментов подавления оппозиции использовалось и прямое политическое насилие — оппозиционные фигуры могли подвергнуться избиениям со стороны неустановленных лиц. Так произошло с псковским региональным депутатом от «Яблока» Львом Шлосбергом, который предал публичной огласке сведения о потерях российских войск в ходе боевых действий на Юго-Востоке Украины (позднее эти данные были официально засекречены президентским указом). Координатор движения «Открытая Россия» Владимир Кара-Мурза–младший, принимавший активное участие в ряде направленных против Кремля кампаний, включая лоббирование за рубежом санкций в отношении связанных с Кремлем лиц, дважды подвергся отравлениям и с большим трудом смог восстановить здоровье. Позднее, в 2020 году, отравлению со схожими симптомами подвергся и Алексей Навальный.

В свете этих тенденций убийство Немцова (независимо от того, кто выступал исполнителями и заказчиками этого преступления) выглядело как доведение «политики страха» до своего логического завершения. Однако на фоне усугубления дефицита ресурсов для кооптации Кремль вынужден все чаще брать за «кнут» даже вопреки своей воле, не имея возможностей для масштабной раздачи «пряников»³⁴⁴. Поэтому репрессивная политика в России усиливалась, охватывая все новые «мишени» и сферы деятельности.

Конкретные проявления «политики страха» и переход к открытому политическому насилию со стороны властей (и их опоре на силовые методы подавления противников) во многом определяются даже не непосредственными угрозами для режима, а ожиданиями и оценками вероятности этих угроз на фоне нарастающих информационных проблем. У страхов, порожденных фобиями новых «майданов», глаза часто оказываются (неоправданно) велики, в то время как реальные угрозы и вызовы режиму могут недооцениваться и/или не восприниматься всерьез. Такое — ретроспективное — восприятие рисков и угроз типично для многих авторитарных режимов (не только российского)³⁴⁵, увеличивая шансы на вхождение страны в «порочный круг» репрессий, порождающих новые репрессии³⁴⁶.

«ЗАЦЕМЕНТИРОВАТЬ» РОССИЮ

2020 год во всем мире стал «идеальным штормом» — пандемия COVID-19 нанесла ущерб жизням и здоровью миллионов людей и стала тяжелым ударом по экономике большинства стран. Россия отнюдь не стала исключением, и потери, которые она понесла, оказались весьма тяжелыми. Опираясь на данные об избыточной смертности россиян в ходе пандемии, можно утверждать, что Россия справилась с ней существенно хуже, чем большинство развитых стран³⁴⁷. Так, по данным демографа Алексея Ракши, с марта 2020 по март 2021 года избыточная смертность в России составила от 340 тысяч до 430 тысяч человек, что соответствует численности населения крупного российского города³⁴⁸. Но главным приоритетом российских властей в 2020 году оказалась отнюдь не борьба с пандемией, а борьба за собственное политическое будущее. Кремль был движим прежде всего стремлением обеспечить себе как можно более длительное, как можно более безраздельное и безболезненное пребывание у власти, и в 2020 году постарался приложить максимум усилий для достижения этих целей.

После нового избрания Путина президентом России в 2018 году на четвертый срок перед ним встала та же дилемма, что и в 2007 году. Этот президентский срок был для Путина вторым подряд (если отсчитывать от возвращения на президентский пост в 2012 году) и, по исправленной в 2008 году Конституции 1993 года, его полномочия истекали к 2024 году. Сохранение власти требовало новых неординарных усилий.

Выбор вариантов вновь, как и в 2007 году, был невелик. Путин мог повторить прежний трюк и предложить на пост президента лояльного преемника, готового, подобно Медведеву в 2008–2012 году, временно занимать место главы государства. Он мог также пойти на создание новой наднациональной государственной структуры на базе провозглашенного еще в 1999 году Союзного государства России и Беларуси, обеспечив свое пребывание на посту главы этого государства и передав ему основные рычаги управления. Наконец, он мог пойти на пересмотр принятой в 1993 году Конституции, избавив себя от предусмотренных ею ограничений. Опыт ряда авторитарных президентов, продлевавших свое пребывание у власти³⁴⁹, говорил о том, что каждый из этих вариантов содержал в себе как возможности, так и риски. Но в конечном итоге выбор был сделан в пользу пересмотра Конституции.

Вариант с лояльным преемником был для Путина еще более рискованным, чем в 2007 году, с учетом того, что срок президентских полномочий был продлен до шести лет. Ожидания беспроблемного возврата Путина на президентский пост в 2030 году могли оказаться явно неоправданными. Хотя сходный шаг в 2019 году предпринял находившийся почти 30 лет у власти в Казахстане президент Нурсултан Назарбаев (его сменил преемник Касым-Жомарт Токаев, а сам Назарбаев сохранил посты главы Совета Безопасности и лидера правящей партии «Нур Отан»), повторить этот маневр Путину было бы затруднительно. Бесспорных кандидатов в преемники для него

явно не просматривалось, да и однажды сыгравший эту роль Медведев уже не выглядел оптимальной фигурой.

Во-первых, Медведев не лучшим образом зарекомендовал себя на посту главы правительства, который занимал с 2012 года (экономика росла вяло, и многие решения кабинета министров оставались невыполненными), и в целом не воспринимался в качестве эффективного руководителя. Во-вторых, репутация Медведева оказалась сильно подорвана в результате антикоррупционного расследования, которое организовал Навальный — снятый им фильм «Он вам не Димон», содержащий скандальные разоблачения премьер-министра, посмотрели десятки миллионов человек³⁵⁰.

Но другие кандидаты на роль преемника казались еще более сомнительными. Возможное перемещение Путина на должность главы Союзного государства, хотя и выглядело для Кремля привлекательным, требовало согласия со стороны президента Беларуси Александра Лукашенко, не имевшего никаких стимулов к тому, чтобы таскать каштаны из огня для Путина, не получая выгод от участия в этом предприятии. В течение 2019 года Путин и Лукашенко неоднократно вели конфиденциальные переговоры в разных форматах, но, по всей вероятности, так и не смогли достичь договоренностей, а без них вариант с Союзным государством был заведомо нереализуем. Так или иначе, Путин вскоре запустил новый раунд политических и институциональных изменений, призванных укрепить его власть.

15 января 2020 года, выступая с ежегодным президентским посланием, Путин анонсировал внесение в Конституцию России серии поправок, направленных на изменение системы власти в стране, которые должны были вступить в силу после одобрения на общероссийском голосовании. Трудно сказать, была ли конституционная реформа вызвана неуверенностью Путина в лояльности элит или, напротив, его уверенностью в прочности своих позиций. Но Кремль заботился о том, чтобы сохранение Путина у власти было обставлено внешне

легитимно и не подвергалось сомнению. Голосование россиян по поправкам в Конституцию, представлявшее собой один из вариантов плебисцита, как нельзя лучше соответствовало этой цели³⁵¹. Однако на первых порах, похоже, для Кремля оставалось неясным, какие именно механизмы будут использованы для достижения этой цели.

Первоначально в предложенном проекте поправок предполагалось оставить возможности для того, чтобы назначить преемника Путина и наделить значимыми полномочиями новый коллегиальный орган — Госсовет. Возможно, эта сложная и довольно рискованная конструкция уже тогда служила не более чем прикрытием, но не исключено, что от нее было решено отказаться в пользу более простой схемы позднее. 10 марта 2020 года в ходе обсуждения в Государственной Думе депутат от «Единой России», 83-летняя Валентина Терешкова (первая женщина-космонавт, совершившая свой полет в 1963 году) предложила внести в проект текста Конституции поправку об «обнулении» прежних сроков полномочий действующего главы государства.

Путин получал право снова баллотироваться на пост президента еще на два шестилетних срока, оставаясь у власти вплоть до 2036 года. Неудивительно, что поправка была с энтузиазмом принята, после чего все поправки в Конституцию были вынесены на общероссийское голосование. Голосование по этим поправкам было для Кремля наиболее значимой целью, тогда как коронавирус изначально воспринимался лишь как досадная помеха для ее достижения. Если бы не пандемия, эта цель, скорее всего, была бы достигнута без особых проблем. И лишь масштабное распространение COVID-19 вынудило Кремль отложить первоначальные планы голосования. В итоге пандемия не помешала Кремлю изменить Конституцию. Скорее поправки в Конституцию помешали ему адекватно отреагировать на распространение заболевания.

Могло ли российское государство лучше справиться с пандемией, не доводя ситуацию до многочисленных

избыточных смертей? Изначально у России было немало преимуществ, которые позволяли рассчитывать на более благоприятное развитие событий. К ним относятся относительно низкая плотность населения, большие расстояния внутри страны, ее сравнительно низкая транспортная связанность и изолированность от внешнего мира (за исключением мегаполисов и приграничных регионов), относительно развитая по мировым меркам медицинская инфраструктура, собственное производство лекарств и средств индивидуальной защиты, довольно высокая толерантность россиян к ограничительным мерам, масштабный аппарат силовых ведомств. Но чтобы успешно справляться с кризисами, государства должны удовлетворять еще двум критериям — необходимо обладать высоким уровнем государственной состоятельности (state capacity) и легитимности.

Российское государство к 2020 году испытывало серьезные проблемы и с состоятельностью, и с легитимностью. Если силовой потенциал состоятельности российского государства высок, то его инфраструктурный потенциал (предполагающий обеспечение государством общественных благ) весьма низок, а легитимность (понимаемая здесь как убежденность граждан в том, что существующий политический порядок предпочтительнее, чем любые альтернативы ему)³⁵², находилась под большим вопросом. Важный вклад в реакцию России на пандемию внесли и факторы, связанные с приоритетами и стимулами акторов на всех уровнях управления страной.

Сохранение жизней и здоровья россиян не относится к главным государственным приоритетам — как суммировал этот подход доктор Александр Мясников, отвечавший за государственный информационный менеджмент в ходе пандемии: «Кому положено умереть — помрут»³⁵³. Эта логика опиралась не только на глубоко укорененное в России пренебрежение к жертвам («умер Максим, ну и ... с ним»), но и

на стратегические расчеты властей. Потери жизней и здоровья граждан (тем более входящих в «группы риска») сами по себе не создают для авторитарного режима вызовов с точки зрения сохранения власти и доступа к источникам ренты. Они служат источником рисков лишь постольку, поскольку могут стимулировать массовое недовольство властями. Угрозой для Кремля была не сама пандемия, а спровоцированные ею политические риски.

Важнейшие стимулы к поведению акторов в ходе пандемии задавала «информационная автократия» с ее опорой на ложь. В этих условиях распространение любой нежелательной для властей информации не без оснований рассматривалось как источник угроз подрыва легитимности режима. Поэтому введение уголовной ответственности за распространение fake news³⁵⁴, запугивание персонала и борьба с утечками сведений служили важнейшими инструментами российских властей для обеспечения контроля за ситуацией. Им было важно любой ценой не допустить снижения поддержки политического статус-кво, тем более в преддверии предстоящего голосования по поправкам в Конституцию.

Политические цели Кремля доминировали над соображениями проведения в жизнь эффективного курса по борьбе с пандемией, и потенциальные риски протестной мобилизации и/или резкого снижения массовой поддержки воспринимались как более значимые, чем прямые (рост заболеваемости и смертности) и косвенные (экономические потери) последствия пандемии. Эти стимулы и механизмы способствовали систематическому и преднамеренному искажению информации со стороны глав регионов и муниципалитетов, руководителей больниц³⁵⁵ и в целом тиражированию заведомо недостоверных сведений в пропагандистских целях.

Когда недостоверность официальной статистики была разоблачена специалистами и предана огласке, в том числе и в

зарубежных СМИ³⁵⁶, этот факт вызвал бурное негодование российских властей, вынужденных позднее задним числом корректировать сведения. Стремление властей пресечь распространение нежелательной информации не является чем-то новым: в позднем СССР, который во многом служит нормативным идеалом для нынешних российских руководителей, сведения об эпидемиях и авариях, как правило, официально замалчивались вплоть до катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Насколько велики были политические риски для Кремля в ходе пандемии? Ответ на этот вопрос мы вряд ли узнаем, однако, скорее всего, они не были столь уж велики. Спад популярности Путина в ходе первой волны пандемии, судя по данным массовых опросов, имел краткосрочный характер, и уж точно не был критическим для режима³⁵⁷. Если же говорить об опасностях массовых протестов, то, помимо отдельных проявлений, вызванных локальными причинами (как в Северной Осетии в апреле 2020 года), сколь-нибудь серьезных публичных выступлений в ходе пандемии в России не отмечалось, и не только из-за угроз репрессий со стороны властей. В авторитарном контексте кризисы и сопутствующий им спад реальных доходов способствует скорее снижению протестных настроений³⁵⁸: они острее проявляются не в периоды наиболее тяжелых кризисов, а тогда, когда намечается некоторое их ослабление на фоне более позитивных ожиданий будущего³⁵⁹.

Влияние оппозиции в это время на политические процессы в стране оставалось относительно скромным. Хотя в ходе избирательной кампании субнациональных выборов 2019 года в Москве и других регионах Навальному удалось успешно опробовать стратегию «умного голосования», которая повысила представительство «системной» оппозиции в региональных парламентах и в ряде муниципальных советов³⁶⁰, ресурсов всех оппозиционеров, даже вместе взятых, было заведомо недостаточно, чтобы противостоять планам

Кремля. Ни организованное голосование против поправок, ни тем более организованное неучастие в голосовании не могли повлиять на итоги плебисцита: дать полномасштабное сражение превосходящему ее возможности противнику оппозиция была не в состоянии. Она особо к этому и не стремилась, пытаясь минимизировать риски в преддверии будущих избирательных кампаний³⁶¹.

В этих условиях Кремль, перенеся общероссийское голосование с апреля на 1 июля 2020 года, смог успешно добиться своих целей. Ограничившись лишь гомеопатическими мерами поддержки россиян за счет бюджета (выплаты семьям с детьми накануне голосования составили 10 тысяч рублей в месяц), Кремль не слишком скрывал, что главной целью поправок в Конституцию служит продление пребывания Путина у власти и максимально долгое сохранение политического статус-кво. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявлял, что конституционные поправки призваны «зацементировать» Россию и избежать радикальных перемен³⁶², а сопредседатель рабочей группы по подготовке поправок Андрей Клишас утверждал, что чиновники и политики «должны свыкнуться с мыслью о том, что потом будет все то же»: «они должны перестать рассуждать о том, кто там будет преемником, когда это произойдет и так далее»³⁶³.

Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин суммировал желаемое будущее России словами «после Путина будет Путин»³⁶⁴. Сходным образом высказался и сам глава государства: «Если этого не будет [принятия поправки], года через два, я знаю это по собственному опыту, уже вместо нормальной ритмичной работы на очень многих уровнях власти начнется рысканье глазами в поисках возможных преемников». «Работать надо, а не преемников искать», — добавил он³⁶⁵. Процедуры проведения плебисцита были сконструированы так, чтобы напрочь исключить нежелательные для Кремля результаты: растянутый на целых

семь дней процесс голосования, сопровождавшийся всеми мыслимыми злоупотреблениями, беспрецедентная мобилизация на рабочих местах бюджетников и работников государственных предприятий³⁶⁶, намного превысившая все прежние масштабы фальсификация результатов не оставляли противникам принятия поправок шансов на успех.

В конечном итоге Кремль добился желаемого результата: при официально объявленной явке в 65% избирателей почти 78% из них проголосовали за одобрение конституционных поправок, хотя массовые опросы демонстрировали куда более низкий уровень их поддержки³⁶⁷. Многие эксперты утверждали, что в реальности за поправки проголосовало на 30 миллионов россиян меньше, чем по официальным данным³⁶⁸. Однако сопротивление Кремлю со стороны граждан оказалось слишком слабым, особенно на фоне шока в ходе пандемии, и консолидация авторитарного режима в России оказалась закреплена и на уровне Конституции. Но дает ли такое развитие событий основание утверждать, что мечты представителей Кремля о «цементировании» России и сохранении ее политического режима будут воплощены в жизнь если не навсегда, то на очень долгие десятилетия? Поискам ответов на этот вопрос будет посвящена последняя глава книги.

ГЛАВА 6

ДОЛГИЙ ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ

Подведение итогов тридцатилетней авторитарной трансформации постсоветской России немислимо без обсуждения ее дальнейших перспектив. Но эта задача, увы, крайне неблагодарная. Хотя для специалистов в области социальных наук, кажется, нет более востребованной деятельности, нежели прогнозирование будущих событий и процессов в стране и мире, и от политологов широкая публика ожидает прежде всего прогнозов, их познавательная ценность крайне сомнительна. И дело не только в том, что очень часто политические прогнозы хорошо информированных «экспертов» оказываются фактически неверными, в то время как не слишком владеющие деталями дилетанты благодаря интуиции могут предугадать развитие событий.

Американский литератор Том Клэнси в своем посмертно опубликованном в конце 2013 года романе очень точно, вплоть до деталей, предугадал силовой конфликт России и Украины³⁶⁹, в то время как большинство специалистов не рассматривали всерьез возможность такого развития событий. Дело даже не в том, что фактически верные прогнозы могут строиться на заведомо неверных основаниях. Так, французская исследовательница Элен Каррер д'Анкосс еще в 1978 году написала книгу о грядущем распаде СССР, который, по ее мнению, должен был произойти в 1990 году вследствие бунта в советских республиках Средней Азии³⁷⁰ под радикальными исламскими лозунгами³⁷¹.

Проблема лежит в совершенно иной плоскости. Практически все прогнозы политического развития (за

редкими исключениями) строятся как проекция в будущее ситуации, которая существует в настоящее время, с теми или иными поправками. Реальное же развитие событий подчас подчиняется иной логике, понять которую сложно, особенно с учетом влияния неожиданных и зачастую непредсказуемых факторов, порой резко меняющих все возможные сценарии. Иногда участникам прогнозов удается предугадать эти факторы, но чаще всего — нет, и тогда политическое прогнозирование превращается даже не в тотализатор, а в лотерею.

Тогда зачем нужны всевозможные научные и околонучные рассуждения о будущем политики в мире и в России? Несмотря на все оговорки, это занятие отнюдь не бессмысленно. Как справедливо отмечал Дэниел Трейсман, рассуждая о прогнозах будущего развития России в начале 2010-х годов, «если мы не можем определить, какой из путей выберет история, размышления над их конфигурациями, развилками и пересечениями все равно полезны. Это, по меньшей мере, даст возможность быть готовыми быстро интерпретировать реальное развитие событий. Вместе с тем попытки "систематизировать" будущее формируют мыслительную привычку видеть перспективу, что полезно и при осмыслении настоящего. Вы волей-неволей начинаете думать о том, как сочетаются друг с другом разные аспекты действительности»³⁷².

И хотя прогностические способности политической науки очень скромны, и, глядя на картины настоящего, мы не можем предвидеть контуры будущего, поиск возможных драйверов перемен и механизмов, стимулирующих политические изменения к лучшему (или к худшему), — важный пункт исследовательской повестки дня. Попытки заглянуть в завтрашний день, переосмыслив текущие тенденции — это не способ угадать будущее, а скорее повод для того, чтобы пристальнее всмотреться в вызовы, которые важны для России сейчас и/или станут важны в обозримом будущем.

Мы начнем с общей характеристики положения дел и тенденций в российской политике по состоянию на начало 2021 года, с анализа тех процессов и ограничений, которые препятствуют кардинальным преобразованиям и способствуют сохранению статус-кво. Затем рассмотрим варианты политической эволюции России в более или менее длительной перспективе и возможные альтернативы развития событий, в том числе с помощью критического осмысления некоторых прогнозов, предложенных ранее другими специалистами. Некоторые более общие соображения о закономерностях политического развития нашей страны в теоретическом и сравнительном контексте помогут логически завершить эту главу и всю книгу в целом.

ПЕРСОНАЛИСТСКАЯ АВТОКРАТИЯ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ И ИНСТИТУТЫ

К началу 2020-х годов среди специалистов, анализирующих политические процессы в России, окончательно закрепился своего рода «пессимистический» консенсус в отношении перспектив страны как минимум в среднесрочной перспективе (до истечения сроков возможного пребывания Путина у власти в соответствии с поправками к Конституции — то есть до 2036 года, если не позже). Этот консенсус исходит из того, что нынешний персоналистский политический режим, использующий нечестные выборы (электоральный авторитаризм) как инструмент легитимации и ложь (информационная автократия) как средство политического контроля, сохранится в обозримом будущем относительно неизменным. Основанием для этих ожиданий служит тот факт, что господствующие сегодня в России идеи, интересы и институты ориентированы на сохранение статус-кво, в то время как альтернативы им воспринимаются не только специалистами, но и значительной частью российских элит и граждан как нежелательные или заведомо нереалистические.

Современный российский авторитаризм не является идеологическим режимом — в отличие от коммунистического режима в Советском Союзе ему чужда целостная идеология, следование которой обеспечивает единство правящего класса и которая служит средством политического контроля масс. Однако тот факт, что российский режим (как и ряд других авторитарных режимов)³⁷³ не основан на идеологии, и руководители России не верят ни в либерализм, ни в социализм, ни в консерватизм (хотя некоторые специалисты склонны приписывать им такого рода представления)³⁷⁴, не говорит о том, что идеи не играют никакой роли в поддержании авторитарного политико-экономического порядка. Речь идет не об идеологии как комплексе доктрин, а о компонентах «ментальных моделей»³⁷⁵, которые задают восприятие элитами и массами нормативных идеалов и оценку ими текущей ситуации и тенденций развития в категориях приближения к этим идеалам или удаления от них.

Российские элиты приложили немало усилий к конструированию такого нормативного идеала, который можно обозначить термином «хороший Советский Союз»: политико-экономический порядок, в какой-то мере похожий на позднесоветский строй времен «долгих семидесятых» (1968–1985), но лишенный имманентно присущих ему дефектов. Искусственно созданный при поддержке Кремля и транслируемый россиянам посредством различных механизмов пропаганды образ «хорошего Советского Союза» — своего рода потерянный рай, утрата которого стала следствием распада советской системы (по словам Путина, «величайшей геополитической катастрофы XX века»). Его хотя бы частичное воссоздание рассматривается как желаемая цель развития России.

На деле, однако, этот образ мало чем напоминает реальный опыт позднего СССР. В его рамках селективно и сознательно отобраны в качестве образцов для подражания иерархия «вертикали власти», «стабильность кадров» на всех уровнях

управления (низкая сменяемость элит), крайне закрытый механизм рекрутирования в состав элит, обладающих формально и неформально закрепленным привилегированным статусом, государственный контроль над крупными СМИ, репрессивная политика по отношению к организованному инакомыслию и другие аспекты. В то же время другие элементы политико-экономического порядка времен позднего СССР — относительно низкий уровень неравенства и наличие государственных социальных гарантий — оказались отброшены без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны общества.

Образу «хорошего Советского Союза» присущи и те весьма значимые аспекты, которых в реальном СССР не существовало и не могло существовать: полноценная рыночная экономика и отсутствие дефицита товаров и услуг, отсутствие институциональных ограничений для присвоения ренты правящими группами. Несколько преувеличивая, можно сказать, что «хороший Советский Союз» был сконструирован интеллектуальной службой постсоветских руководителей страны, которые стремились получить все, что хотели, но не могли достичь их предшественники в позднем СССР.

Усилия авторов этого образа по поддержанию данного нормативного идеала во многом принесли свои плоды. В результате «хороший Советский Союз» не только не создал стимулов для преодоления авторитаризма, но и стал довольно эффективным инструментом легитимации политического статус-кво как минимум до того времени, пока нынешнее поколение российских постсоветских лидеров и их сверстников среди граждан России не сойдет с арены.

Для России 2020-х годов подобный нормативный идеал содержит немало фундаментальных изъянов. Прежде всего, «хороший Советский Союз» был сконструирован исключительно ретроспективно, какого-либо будущего страны и мира за ним не просматривается. Как говорил герой пьесы Горького «На дне», «в карете прошлого никуда не уедешь».

Более того, хотя сконструированный привлекательный образец 1960–1980-х годов продолжает греть души части представителей старшего поколения, он вряд ли может выполнять сходные функции для молодых россиян, повестка которых формируется в XXI веке. А главное — и сами создатели «хорошего Советского Союза», и его реципиенты отдают себе отчет в заведомой недостижимости этого нормативного идеала. Слишком велик его разрыв с современной реальностью, слишком нереалистичны шансы на восстановление даже тех элементов советского прошлого, о которых его сторонники грустят с ностальгией.

В силу этих причин «хороший Советский Союз» способен служить лишь временной и заведомо неполноценной заменой идеям, призванным легитимизировать существующий политический режим. Вместе с тем других адекватных идей, реально пользующихся поддержкой значительной части россиян, ориентированных на сохранение политического статус-кво, российским властям пока предложить не удалось. Исчерпание нынешней «ментальной модели» в среднесрочной перспективе может создать немалые проблемы для легитимности российского режима, подобные тем, с которыми в 2020 году столкнулся политический режим в Беларуси, в еще большей мере опирающийся на сходный социальный конструкт.

В противоположность идеям, значение которых в российской политике не слишком велико, интересы основных политических акторов, связанные с максимизацией собственной власти, статуса и богатства, остаются главной движущей силой политических процессов в стране. Стремление сохранять статус-кво любой ценой, столь наглядно проявившееся в ходе принятия поправок в российскую Конституцию в 2020 году, на первый взгляд, как нельзя лучше служит поддержанию этих интересов неизменными. А продолжение острого внешнеполитического конфликта со странами Запада после 2014 года способствует сплочению российских элит и части российских граждан вокруг Кремля —

как минимум в среднесрочной перспективе. В то же время политические интересы простых граждан страны, судя по данным массовых опросов и других исследований, слабо осознаются ими самими³⁷⁶, и поэтому организованные и сплоченные элиты способны успешно отстаивать свои интересы в ущерб интересам многих россиян.

Но на деле картина выглядит гораздо более сложной. Прежде всего, те опросы элит, которые регулярно проводятся в России, скорее говорят о том, что разные сегменты элит по-разному понимают свои внешнеполитические и внутривнутриполитические интересы. Да и сами эти интересы могут меняться со временем под воздействием обстоятельств³⁷⁷. Но главное: интересы, связанные с поддержанием статус-кво, вызваны не тем, что существующий сегодня в России политико-экономический порядок выглядит привлекательным для элит и для масс, а с тем, что издержки перехода от него к какому-либо иному порядку представляются неприемлемо высокими и даже сравнимыми с теми, которые пришлось понести россиянам в процессе «тройного перехода» 1990-х годов (этот тезис всячески раскручивает российская пропаганда, и он не лишен оснований).

Представители бизнеса опасаются рисков нового передела собственности. Работники предприятий отраслей, зависящих от государственных заказов, боятся структурных реформ и вызванной ими безработицы. Умеренно лояльная Кремлю «системная» оппозиция и часть общественности полагают, что в случае смены режима они не просто окажутся на периферии влияния, но и будут отодвинуты от «кормушек», которыми наделяют их власти. Поэтому многие из тех россиян, кого не устраивает нынешнее положение дел в стране, считают сохранение статус-кво меньшим злом по сравнению с кардинальными политическими преобразованиями.

Статус-кво в сегодняшней России представляет собой негативное равновесие: хотя и неэффективное, но устойчивое. Оно поддерживается тем, что в его нарушении

мало кто заинтересован³⁷⁸, по крайней мере до тех пор, пока издержки такого нарушения для элит и рядовых россиян превышают их текущие выгоды. Пока это так, нынешнее равновесие может поддерживаться многими заинтересованными акторами. Интересы при таком положении дел словно остаются «замороженными» в состоянии, в котором они находятся на момент формирования негативного равновесия. Сохранение этого статус-кво чем дальше, тем больше усугубляет проблемы страны, но стимулы для его нарушения сегодня невелики.

Многочисленные примеры такого рода негативных равновесий хорошо знакомы всем нам из повседневного опыта. В условиях высокой безработицы работники готовы терпеть низкую оплату и плохие условия труда; надоевшие друг другу супруги не готовы пойти на развод, опасаясь многочисленных издержек и неопределенного будущего. Многим хорошо знакомы и школьные троечники, которые ни шатко ни валко справляются с текущими учебными заданиями и кое-как по инерции переходят из одного класса в другой, но не хотят, да и не могут кардинально улучшить свою успеваемость (хотя и ухудшить тоже).

В истории Советского Союза наиболее известным и впечатляющим примером негативного равновесия может служить период правления Леонида Брежнева (1964–1982), известный как «застой». По сути, около двух десятилетий у власти в стране бессменно находилась почти одна и та же «выигрышная коалиция», заинтересованная лишь в поддержании политического статус-кво, не имевшая стимулов для проведения экономических и политических реформ и стремившаяся «зацементировать» политико-экономический порядок почти так, как Кремль в наши дни. В конечном итоге время было упущено, потенциал преобразований советской системы (если он присутствовал в 1960-е годы) оказался растрочен впустую, а темпы роста экономики, довольно высокие во второй половине 1960-х годов, к середине 1980-х резко снизились.

Во многом такое длительное и неэффективное «негативное равновесие» привело к тому, что попытки преобразований Советского Союза в период перестройки, предпринятые после прихода к власти Михаила Горбачева, оказались весьма непродуманными и непоследовательными, и в конце концов завершились полным крахом и политического режима, и всего советского государства³⁷⁹. С учетом того, что нормативные идеалы нынешнего российского политического режима во многом ориентированы на позднесоветскую практику, возможные пагубные последствия «негативного равновесия» для нашей страны сегодня стоит рассматривать не только как гипотетические, но и как вполне реальные.

В самом деле, сегодня вопрос о дальнейшем экономическом росте и развитии страны фактически снят Кремлем с повестки дня, а основные усилия властей направлены не на перезапуск экономического роста и развития России в будущем, а на сохранение текущего уровня. Ради этого, как отмечают специалисты, власти готовы изымать частные капиталы под государственные проекты и интенсифицировать труд без адекватных компенсаций. Но поскольку любые изменения статус-кво рискованны для российских элит и для различных групп общества, то менять что-либо в нынешней социально-экономической политике Кремль не планирует до тех пор, пока все в стране не начнет обваливаться. Таким образом, сохранение негативного равновесия ставит крест на долгосрочных социально-экономических перспективах России³⁸⁰.

В то время как интересы участников политического процесса остаются «замороженными», а идеи являются скорее инструментом длительного действия, который призван расширять горизонты планирования политических режимов и лидеров³⁸¹, формальные и неформальные институты — это повседневная основа поддержания статус-кво. С принятием поправок в Конституцию Кремль обеспечил консолидацию «правил игры» в российской политике, своего рода

институциональное «ядро» авторитарного политического режима³⁸². К этим «правилам игры» относятся:

- 1) монопольное господство главы государства в сфере принятия ключевых политических решений (персонализм);
- 2) фактическое табу на электоральную конкуренцию элит на фоне несвободных и несправедливых выборов (электоральный авторитаризм);
- 3) иерархическая соподчиненность органов власти и управления не только на региональном и местном уровнях, но и в общественном и частном секторах экономики и социальной сферы («вертикаль власти»).

Эти институты целенаправленно создавались и совершенствовались на протяжении десятилетий, и сегодня они, говоря словами Дугласа Норта, если и не полностью служат «интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»³⁸³, то как минимум позволяют эти интересы не ущемлять. В общих чертах это институциональное «ядро» сформировалось в российской политике еще в 2000-е годы, и в 2010-е Кремль в основном шел по пути «тонкой настройки» отдельных институтов. Настройке подлежали избирательные системы на выборах в Государственную думу и в региональные органы власти³⁸⁴, а также механизмы функционирования местного самоуправления³⁸⁵, которое в 2020 году окончательно лишилось политической и экономической автономии³⁸⁶ и было полностью инкорпорировано в «вертикаль власти».

Обилие институциональных изменений в России служило оборотной стороной авторитарной концентрации власти под контролем Кремля, который, по сути, менял «правила игры» в свою пользу всякий раз, когда в этом возникала необходимость. Как отмечал в связи с этим Григорий Голосов, целью таких реформ являлась «не демократизация, а консолидация авторитарного порядка путем придания ему

более эффективной институциональной формы», то есть своего рода работа над ошибками и исправление некоторых эксцессов прежних этапов строительства авторитаризма в России³⁸⁷. В целом адаптация авторитарных институтов к новым условиям и реакция политического режима на новые вызовы оказалась относительно успешной. Но и здесь порой не обошлось без сбоев.

В 2018 году, на волне всплеска массового недовольства внезапным повышением возраста выхода россиян на пенсию, в нескольких регионах губернаторские выборы, находившиеся под плотным контролем Кремля, неожиданно привели к избранию кандидатов, выдвинутых партиями «системной оппозиции»³⁸⁸. В Хабаровском крае губернатором стал кандидат от ЛДПР Сергей Фургал, ранее занимавшийся бизнесом и бывший лояльным Кремлю депутатом Думы. Неожиданно Фургал, оказавшись на посту губернатора, своими действиями и заявлениями снискал поддержку жителей региона, а ЛДПР одержала убедительную победу над «Единой Россией» на выборах региональной легислатуры. Иерархия «вертикали власти» оказалась под вопросом, и в июле 2020 года Фургал был арестован по обвинению в тяжком уголовном преступлении, якобы совершенном много лет назад.

Вслед за этим в регионе начались акции протеста, длившиеся на протяжении ряда месяцев. Хотя в конечном итоге Кремлю удалось восстановить контроль, этот случай продемонстрировал, что господство электорального авторитаризма имеет свои пределы. Другое «слабое звено» отмечалось на выборах депутатов региональных и муниципальных представительных органов власти, где стратегия «умного голосования» за наиболее перспективных кандидатов, выступавших против «Единой России»³⁸⁹, в ряде случаев нанесла Кремлю заметный ущерб. Но в целом российские власти пока вполне способны справляться с возникающими вызовами, опираясь на существующие

институты и всякий раз меняя «правила игры» в зависимости от текущей конъюнктуры.

Но, пожалуй, наибольший вызов политическому режиму в нашей стране в среднесрочной перспективе создает персоналистская природа российского авторитаризма, препятствующая его долгосрочной институционализации. Скорее всего, многие автократы мечтают править вечно, но эти мечты пока нереализуемы, в то время как династическая передача власти в персоналистских режимах является редкостью³⁹⁰. Хотя, например, Гейдару Алиеву в Азербайджане и удалось передать власть своему сыну Ильхаму, маловероятно, что кто-либо из детей Ильхама Алиева сможет унаследовать его власть, ну а приход к власти в Сирии сына многолетнего диктатора Хафеза Асада Башара обернулся для страны катастрофой.

И если однопартийным авторитарным режимам удастся воспроизводить авторитарные институты даже при смене лидеров (как происходило в СССР, Мексике или в сегодняшнем Китае), то для персоналистских режимов такой вариант, как показывают сравнительные исследования, крайне маловероятен³⁹¹. В этом отношении решение о внесении поправок 2020 года в Конституцию, направленных на продление пребывания Путина у власти до 2036 года, не решает проблему авторитарной институционализации, а лишь отодвигает ее на будущее, задавая для нынешних правящих элит стимулы к тому, чтобы не только не заботиться о среднесрочных перспективах развития страны, но и вести себя по принципу «после нас хоть потоп».

В персоналистских авторитарных режимах Центральной Азии (которые испытывают сходные проблемы) подобные стимулы способствуют стремлению элит этих стран к легализации своего статуса и богатства за рубежом³⁹². Хотя в России такому развитию событий отчасти препятствует внешнеполитический конфликт со странами Запада и политика Кремля по «национализации элит», тем не менее стимулы к

максимизации ренты внутри страны еще более усиливаются³⁹³. *Неэффективность политических институтов сужает временной горизонт правящих групп, вынуждая их жертвовать долгосрочными целями во имя получения краткосрочных выгод «здесь и теперь».*

Однако поддержание «негативного равновесия» не может происходить само собой: напротив, оно требует от Кремля немалых усилий. Осознавая неустойчивость и неэффективность российских политических институтов, Кремль «по умолчанию» реагирует на любые реальные или воображаемые вызовы лишь дальнейшим «закручиванием гаек». Поэтому по мере дальнейшего упрочения нынешнего авторитарного режима и задаваемого им «негативного равновесия» Россия попадает в «порочный круг», чем дальше, тем больше снижая шансы страны на успешные преобразования в будущем.

Если предположить крайне маловероятный вариант, при котором те или иные сегменты элит в условиях нынешнего режима сами захотят провести преобразования, ориентированные на успешное развитие страны, то, скорее всего, их благие намерения натолкнутся на многочисленные риски. Как минимум, следствием реформ могут стать риски ухудшения собственного положения реформаторов, превосходящие в их глазах любые возможные выгоды таких преобразований для самих себя и для страны в целом.

Поэтому слабые стимулы к переменам со временем все больше ослабевают, а шансы на дальнейшее инерционное движение России по пути загнивания и упадка будут лишь возрастать со временем, особенно если Путин и впрямь сможет сохранить власть до 2036 года или дольше. Предельный вариант такого рода развития событий описал Габриэль Гарсиа Маркес в знаменитом романе «Осень патриарха», герой которого, однажды захвативший власть диктатор некоей латиноамериканской страны, находился у власти сто лет, несмотря на экономическую неэффективность и заговоры в

своим окружением. В итоге он продал страну и ее ресурсы иностранцам и отошел в мир иной, оставив после себя полный хаос.

Разумеется, спрос на перемены со стороны россиян, порождающий проявления массового недовольства политикой властей в виде протестных коллективных действий³⁹⁴ и/или протестного голосования³⁹⁵ остается важнейшим неизбежным и неустрашимым риском для авторитарного режима. Проявления такого рода в 2010-е годы были весьма заметными (хотя и не запредельными), но по большому счету они сами по себе не способны нарушить нынешнее «негативное равновесие», даже ослабляя массовую поддержку авторитарного режима³⁹⁶.

Спрос на перемены может частично быть удовлетворен благодаря отдельным уступкам по мелким вопросам и политике кооптации, частично канализирован в «ниши» относительно успешного решения частных проблем, а частично так и остался локализованным на уровне «бунтов» местного значения. В самом деле, те же протесты в Хабаровском крае, несмотря на зафиксированную массовыми опросами поддержку их требований россиянами³⁹⁷, не вызвали значимых акций протеста за пределами региона. Успешное протестное движение, которое после длившихся около двух лет коллективных акций добилось отказа властей от строительства полигона по захоронению отходов в Шиесе (Архангельская область)³⁹⁸, смогло не допустить резкого ухудшения экологической обстановки в данном и соседнем регионах, но его возможности остались недостаточными для изменения экологической политики в стране в целом.

Вдобавок в распоряжении авторитарного режима всегда остаются инструменты репрессий, роль которых со временем может только нарастать. Поэтому более вероятной реакцией немалой части россиян на ухудшение положения дел в стране и собственных перспектив может стать, говоря словами Альберта Хиршмана, не активный коллективный и публичный протест, а

его полная противоположность — пассивный индивидуальный «уход»³⁹⁹. «Уход» может проявляться в различных формах (включая эмиграцию на Запад), но в целом он безвреден для Кремля, поскольку не только не подрывает статус-кво, но и увеличивает издержки по его преодолению для активных участников протестов.

В то же время без кумулятивного и относительно длительного по времени систематического давления граждан на авторитарный режим кардинальных перемен ждать не стоит. И это, в свою очередь, будет означать, что он может сохраняться более или менее неизменным до тех пор, пока издержки поддержания статус-кво не окажутся запредельно высокими. Или пока нынешнее поколение российских руководителей во главе с Путиным не уйдет в мир иной, подобно поколению советских руководителей эпохи «застоя», при жизни которых даже на само обсуждение возможности пересмотра институционального «ядра» в стране было наложено табу.

В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВ: СНОВА ОБ «ОПТИМИСТАХ», «ПЕССИМИСТАХ» И «РЕАЛИСТАХ»

Возможен ли — и если да, то каким именно образом, — выход России из нынешнего «негативного равновесия», предполагающий кардинальную смену «правил игры» и новый поворот — в сторону демократизации или в сторону иного, более жесткого и репрессивного авторитаризма? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. И дело не только в том, что пока условия для таких преобразований в России отсутствуют (никто из нынешних значимых акторов не способен и по большей части не склонен к их проведению). Проблема лежит в иной плоскости: опыт многих стран говорит о том, что преодоление «негативного равновесия» типа российского часто становится

побочным следствием мощных внешних (экзогенных) шоков. К ним могут относиться войны, этнические конфликты, революции, природные и техногенные катастрофы, экономические кризисы и коллапсы и другие неожиданные процессы, которые ведут к резким изменениям структурных ограничений.

Под влиянием популярной книги Нассима Талеба⁴⁰⁰ подобное неожиданное развитие событий, кардинально меняющее все прежние траектории развития, стало модным называть «черными лебедями». Но его наиболее адекватным кросс-культурным переводом на русский язык может служить хорошо знакомый россиянам «жареный петух».

Сколько-нибудь обоснованное предсказание внешних шоков, а тем более попытка предугадать их возможное воздействие на поведение элит и рядовых граждан — задача заведомо неблагоприятная. Однако какими бы ни были возможные внешние шоки, сами по себе они едва ли повлекут коллапс политического режима, то есть его внезапное и относительно быстрое полное крушение, сопровождающееся практически полной сменой правящей группы и отказом от прежних «правил игры». Да, зачастую события такого рода происходят в силу стихийного и иногда во многом случайного стечения обстоятельств в «критический момент» истории, и нет оснований исключать вероятность коллапса и нынешнего российского режима в силу непреднамеренных последствий тех или иных шагов (особенно в ситуации, когда поддерживать «негативное равновесие» властям становится все сложнее).

Но, не сбрасывая полностью со счетов этот вариант, прогнозировать его гипотетические последствия было бы равнозначно плаванию без руля и ветрил в мутных водах околполитологической фантастики. Стоит заметить, что хотя житейская мудрость говорит: «Ужасный конец лучше, чем ужас без конца», но в отношении коллапса политических режимов эта логика не столь очевидна. Опыт краха царизма в России 1917 года и, например, «арабской весны» 2011 года в Египте, да

и проанализированный в предыдущих главах книги опыт постсоветской России показывает, что результатом таких событий зачастую (хотя не всегда) может стать смена одних авторитарных режимов другими, подчас куда более репрессивными.

«На обломках самовластья» часто происходит то захват власти случайно оказавшимися в нужное время и в нужном месте политическими предпринимателями, то сопровождающееся массовым политическим насилием разрешение конфликтов новых элит по принципу «игры с нулевой суммой», то даже восстановление прежнего порядка в том или ином облики. Так или иначе, в последующих рассуждениях я намерен вывести за скобки перспективы анализа внешних шоков для России и возможных механизмов их влияния на политический режим, включая и шансы на его коллапс.

Другой сюжет рассуждений, распространенный в общественных дискуссиях, — довольно популярное представление о том, что сохранение политического статус-кво или какие-то его изменения станут побочным продуктом экономического развития нашей страны⁴⁰¹. Возможность стать драйвером кардинальных перемен приписывается в этом случае экономическому росту или спаду, особенно длительному и глубокому. Но авторитарные режимы в целом не слишком уязвимы по отношению к экономическим кризисам⁴⁰²: сравнительные исследования говорят, что краткосрочные (пусть и глубокие) катаклизмы, равно как и длительные, но не слишком глубокие спады сами по себе не ведут к их трансформации⁴⁰³.

Напротив, часто следствием экономических спадов становится инволюция⁴⁰⁴: режимы словно «сворачиваются» вовнутрь, утрачивая способность к переменам на долгий срок. России, по мнению ряда специалистов, глубокие и одновременно длительные спады, подобные пережитому в 1990-е годы, не грозят при любом развитии событий.

Экономика находится «в болоте»⁴⁰⁵ и обречена в обозримом будущем либо медленно погружаться в трясины (особенно в условиях продолжающихся западных санкций), либо в лучшем случае столь же медленно, но неустойчиво расти. Так что экономические тенденции в России в краткосрочной перспективе работают на сохранение политического статус-кво, а не на его преодоление.

Столь же сомнительным выглядит и предположение, что длительный, устойчивый и относительно быстрый экономический рост (если он в силу тех или иных причин сменит нынешние тенденции) сам собой повысит спрос россиян на демократизацию и потому повлечет за собой политические реформы. Опыт быстрого экономического роста в условиях авторитаризма в Китае и других странах говорит об ином: хотя авторитарным режимам удастся находить способы улучшить качество государственного управления, чтобы стимулировать дальнейший рост⁴⁰⁶, из этого не следует, что экономический рост как таковой задает стимулы к демократизации, а не к строительству авторитаризма (как случилось в России в 2000-е годы). Связь политических режимов и экономического развития — нелинейная, и политический процесс в любой стране (включая Россию) — это не только проекция социальных, экономических и международных условий. Политические процессы более или менее автономны от них и обладают собственной логикой эволюции.

Есть ли серьезные альтернативы сохранению политического статус-кво в России на долгие десятилетия? Большинство дискуссий на эту тему в основном касается текущей политической конъюнктуры и чаще всего связывает эти альтернативы с действиями Кремля, оппозиции или международных акторов. Хотя эти действия могут быть очень значимы для политических изменений (или для их отсутствия), куда важнее включить анализ политических преобразований, которые пережила недавно наша страна и которые она может

пережить в обозримом будущем, в перспективу «долгого времени».

Этот термин взят из заголовка книги Егора Гайдара, посвященной исторической эволюции российской экономики и поискам ее места в современном мире⁴⁰⁷. Речь о том, что посткоммунистические политические процессы в России последних тридцати лет в историческом плане — это исключительно важный, но все же эпизод в длительной эволюции нашей страны. Вписав текущие тенденции в более широкую по своим масштабам и более длительную перспективу, специалисты получают возможность понять общие закономерности политических процессов, избежав риска не увидеть лес за деревьями фактов и цифр.

Посткоммунистические преобразования — это часть процесса модернизации: долгосрочного перехода различных стран мира от традиционных к современным обществам⁴⁰⁸. Не вдаваясь в теоретические дискуссии о модернизации в целом и о специфике отдельных стран и регионов⁴⁰⁹, стоит отметить, что различные подходы к анализу данного процесса в России рисуют совершенно разные картины, на фоне которых (в зависимости от выбранной специалистами исследовательской оптики), текущие процессы могут рассматриваться совершенно по-разному. Возвращаясь к противопоставлению «оптимистов», «пессимистов» и «реалистов», представленному в главе 2, стоит отметить два характерных полярных взгляда на политические преобразования в посткоммунистической России в длительной перспективе⁴¹⁰.

Наиболее ясную «оптимистическую» оценку в своей книге с примечательным названием «Просуществует ли путинская система до 2042 года?»⁴¹¹ и некоторых других публикациях дает Дмитрий Травин, для которого посткоммунистические преобразования в России являются завершающим этапом процесса российской модернизации, «точкой отсчета» которого стали Великие реформы Александра II⁴¹². Рассматривая российскую модернизацию в сравнении со странами

континентальной Европы, Травин подчеркивает, что Россия в целом продвигалась в схожем направлении и сталкивалась с проблемами, сходными с европейскими странами, но делала это с существенным запозданием («догоняющая» модернизация). Многие срывы российской модернизации, включая последствия большевистской революции, стали, по мнению Травина, обратной стороной ее быстрого прогресса, своего рода экстремальной формой реакции на модернизационные процессы.

«Тройной переход» тоже был для России решительным шагом на пути экономической модернизации, но поворот страны к авторитаризму оказался платой за эти достижения. Однако Травин подчеркивает, что у России сегодня не существует оснований для длительного сохранения авторитарного режима, и он связывает его укрепление с текущими фрустрациями и комплексами российских лидеров и элит, ставших следствием быстрых радикальных перемен в стране. Травин полагает, что смена поколений в России станет важнейшей движущей силой процессов демократизации в России.

В то время как авторитаризм неспособен решать проблемы страны, среди молодых людей, не заставших коммунистическую эпоху и ее болезненную трансформацию, нарастает спрос на перемены. Новое поколение заинтересовано в том, чтобы «прекрасная Россия будущего» стала частью Европы XXI века не только в географическом, экономическом и культурном, но и в политическом отношении, подобно тому, как это произошло после 1989 года в ряде стран Восточной Европы (хотя тенденции авторитарного отката — в более слабой форме, чем в России, — проявляются и там)⁴¹³.

Предположения Травина о межпоколенческих противоречиях «отцов» и «детей» в России XXI века подтверждаются данными различных исследований⁴¹⁴. Многие из тех россиян, кому сегодня (как автору этих строк) 55 лет и

более, в большинстве склонны поддерживать статус-кво и некритически принимать на веру постулаты кремлевской пропаганды — отчасти в силу того, что случившиеся на их веку преобразования были весьма драматичными и сопровождались немалыми потрясениями, отчасти в силу возраста. Молодые россияне, напротив, настроены по отношению к российскому политическому режиму куда более критично. Они ориентированы на перемены не только в силу возраста, но главным образом потому, что сохранение «негативного равновесия» противоречит их интересам, особенно если речь идет о предпочтениях образованных жителей крупных российских городов⁴¹⁵. Поэтому неизбежный уход со сцены стареющих «семидесятников» может способствовать повышению спроса россиян на демократизацию.

Однако сравнительные исследования говорят об ином: даже смена лидеров персоналистских авторитарных режимов в силу их естественной смерти отнюдь не гарантирует, что последующие перемены приведут к демократизации. Напротив, чем дольше автократы остаются у власти, тем выше шансы на то, что после ухода в мир иной их сменят другие автократы, не слишком отличающиеся от своих предшественников⁴¹⁶. Так, смены персоналистских авторитарных режимов после смерти глав государств в Туркменистане (2005) и Узбекистане (2016) пока не привели к качественным политическим сдвигам в этих странах (несмотря на некоторую экономическую либерализацию в Узбекистане).

Противоположную точку зрения на российскую модернизацию и на политические процессы в современной России высказывает Андрей Заостровцев. Он полагает, что ни о какой европейской модернизации в России говорить в принципе не приходится⁴¹⁷. По его мнению, Россия принадлежит к принципиально иной цивилизации, чем страны Запада (он называет ее «силовой» цивилизацией в отличие от существующей на Западе «правовой»). Такая цивилизация несовместима с гарантиями прав человека и с верховенством

права, не говоря уже о демократии. Она ставит своей целью территориальную экспансию и тотальный произвол деспотического государства и, однажды сформировавшись, не подлежит фундаментальным изменениям со временем, хотя адаптирует для своих нужд достижения «правовой» цивилизации.

Противостояние этих двух цивилизаций, по Заостровцеву, извечно, неустранимо и проходит через века — собственно, вся история России представляет собой противостояние Западу. Отдельные эпизоды ее развития (включая процесс демократизации со времен Великих реформ и до 1917 года, а также крах коммунистического режима) были не более чем временными и не слишком значимыми флуктуациями⁴¹⁸. И хотя Россия в XXI веке уступает лидерство в рамках «силовой» цивилизации Китаю, демократизации она не подлежит. Полемизируя с известным лозунгом «Россия будет свободной!», Заостровцев утверждает иное: «если Россия, то не свободной, если свободной, то не Россия»⁴¹⁹. По его мнению, демократизация обществ, принадлежащих к «силовой» цивилизации, возможна лишь вследствие особого стечения обстоятельств, которое возникает в результате внешних шоков и кризисов.

В качестве примера он приводит Тайвань, переживший оккупацию Японией и длительный конфликт с материковым Китаем и прошедший путь к демократизации в 1980-е годы благодаря умелому лидерству сына диктатора Чан Кайши Цзян Цзинго. Для России аналогом такой траектории развития выступает потенциально возможный распад ее авторитарного имперского пространства на более мелкие территориальные образования. Но в целом, считает Заостровцев, «правовая» цивилизация в XXI веке переживает закат и уступает «силовой», поэтому шансы на демократизацию в России (да и в мире за пределами Запада) несущественны.

Эта «пессимистическая» точка зрения уязвима по нескольким основаниям. Критики отмечали ее телеологизм и

одностороннюю интерпретацию исторического опыта России и других стран: в анализ произвольно включаются одни факты из прошлого и игнорируются другие («правовой» характер странам Запада был присущ не всегда, а стал результатом длительной эволюции; Россия не была и не является настолько безнадежной страной, как это следует из работы Заостровцева)⁴²⁰. Данный подход также противоречит данным сравнительных исследований: электоральные демократии в современном мире остаются наиболее распространенным типом политических режимов, и отмечавшееся в 2010-е годы отступление демократизации, во-первых, не столь значительно, а во-вторых, не является необратимым⁴²¹.

Пессимизм в отношении перспектив демократизации в России и в мире — отчасти реплика «пессимистического» консенсуса, господствовавшего среди специалистов в 1970-е годы, когда представления о глобальном кризисе и упадке демократии были преобладающими⁴²², а прогнозы, что демократизация коммунистических режимов заведомо невозможна, не вызывали сомнений вплоть до начала перестройки в Советском Союзе⁴²³. Даже не вдаваясь в дискуссии о реальности и возможных позитивных эффектах территориального распада России, стоит отметить, что такие события сами по себе отнюдь не служат триггерами демократизации. Скорее наоборот: на месте одного авторитарного режима может возникнуть множество локальных⁴²⁴ автократий в регионах и населенных пунктах, подобных политическому режиму в поселке из фильма Андрея Звягинцева «Левиафан»⁴²⁵. Наконец, представления о вечной обреченности России на автократию вызваны тем, что сторонники таких воззрений заведомо впадают в позорный смертный грех уныния — не самый пригодный инструмент для научного анализа.

Каковы бы ни были макрооснования, на которых строят свой анализ «оптимисты» и «пессимисты», с точки зрения «реалистов» поиск альтернатив лежит по ту сторону ожиданий

и неизбежности демократизации в России, и ее невозможности. Этот поиск опирается на то, что объективные факторы политических изменений (или их отсутствия) могут существовать и развиваться на протяжении длительного времени, но кардинальные политические сдвиги — как в направлении демократизации, так и в направлении авторитаризма — не происходят сами собой. Как правило, они становятся результатом и сознательных, и непреднамеренных шагов, предпринимаемых политическими акторами.

Путь, который Россия прошла после 1991 года от крушения коммунистического режима до консолидации авторитаризма, и возможные изменения этого режима в будущем, — это следствие действий политических акторов. Поэтому для осмысления возможных механизмов и последствий выхода России из нынешнего «негативного равновесия» и смены ее политического режима в среднесрочной перспективе, в рамках жизней нынешних поколений россиян (т.е. десятилетий, а не веков) приходится менять исследовательскую оптику и возвращаться от рассуждений о политике в России в духе «долгого времени» к изучению поведения акторов, их идей, интересов и институтов, на котором был основан наш анализ российской политики предшествующего тридцатилетия.

Любые возможные предпосылки демократизации, как и спрос на политические перемены со стороны граждан, всего лишь создают необходимые условия для демократизации, но не служат достаточными для нее условиями. Такие перемены чаще всего происходят в силу длительной и непростой борьбы граждан за свои политические права. Иногда случаются и «демократизации по ошибке», вызванные неверной оценкой автократами своих шансов и перспектив⁴²⁶. Кроме того, исход политических перемен никогда заведомо не предопределен. Даже при сочетании объективных факторов для демократизации и усилий, предпринятых ее сторонниками, попытки изменений авторитарного режима могут включать в себя несколько раундов борьбы и сопровождаться не

переходом к демократии, а ужесточением авторитарного режима. Примеров тому несть числа — от жесткого подавления студенческих выступлений в Кванджу в Южной Корее (1980) и введения военного положения в Польше (1981) до жесткого силового подавления массовых выступлений после президентских выборов 2020 года в Беларуси.

Поэтому не приходится удивляться тому, что распространенным вариантом трансформации авторитаризма часто становится не демократизация, а переход от одного авторитарного режима к другому⁴²⁷. И даже если на смену нынешнему персоналистскому режиму Владимира Путина придет новый автократ — скажем, некий гипотетический и условный «Шмутин», то само по себе это не будет означать демократизации России. При определенном стечении обстоятельств это может повлечь за собой даже поворот режима от «плохого» к «худшему». В опирающемся на схожий подход исследовании переходов к демократии в 1970–1980-е годы Гильермо О'Доннелл и Филипп Шмиттер сравнивали смену режимов с шахматной партией, исход которой заранее не предопределен⁴²⁸. Продолжая эту параллель, можно говорить о целом матче, играющемся сразу на нескольких шахматных досках одновременно несколькими игроками. Анализ такого сложного процесса — задача со многими неизвестными.

ПУТИ ИЗ ТУПИКА: ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО И ЧТО НЕИЗВЕСТНО

Важнейший вызов для российского авторитаризма — дефицит легитимности авторитарного режима в глазах россиян и нарастающие риски ее подрыва. События 2020 года в соседней Беларуси — конкурентные президентские выборы и последовавшие за ними массовые протесты — лишь усугубили это восприятие рисков в глазах Кремля. Поэтому ответные удары по политическим и гражданским правам россиян и по

оппозиции вскоре не заставили себя ждать. Кремль инициировал пакет новых репрессивных законов, направленных на ужесточение наказаний для реальных и/или потенциальных критиков властей и их селективное применение по отношению не только к специально подобранным «мишеням»⁴²⁹, но и к целым секторам общественного активизма (включая регулирование просветительской деятельности, возможности произвольного закрытия доступа к интернет-сайтам и социальным сетям, уголовное наказание за клевету в отношении неопределенного круга лиц)⁴³⁰.

В августе 2020 года на пути из Томска в Москву был отравлен Алексей Навальный — лишь благодаря цепи случайностей его удалось спасти и эвакуировать для лечения в Германию⁴³¹. В ходе его лечения медики установили, что Навальный был атакован с применением боевого отравляющего вещества типа «Новичок»⁴³², использованным ранее для отравления других лиц в России и за рубежом. Последующее журналистское расследование продемонстрировало, что к отравлению Навального была причастна группа сотрудников российских спецслужб, а один из ее участников в телефонном разговоре сам признался в содеянном⁴³³. Российские власти, впрочем, даже не особенно скрывали эту причастность, словно демонстрируя согражданам и внешнему миру готовность физически уничтожать своих противников самыми жестокими методами (тем более, что, по мнению ряда наблюдателей, отравление Навального было далеко не единственным случаем такого рода в России)⁴³⁴.

Последующие за отравлением Навального события обострили политическую напряженность в России. В январе 2021 года, по окончании лечения в Германии, он вернулся в Москву и прямо в аэропорту был арестован и позднее приговорен к тюремному сроку по заведомо неправовым основаниям (уголовное преследование Навального еще ранее было признано необоснованным согласно решению

Европейского суда по правам человека). Буквально через несколько дней команда Навального выпустила расследование о так называемом дворце Путина, который поражал воображение зрителей не только гигантскими размерами и показной роскошью, но и масштабами трат, составлявшими около 100 миллиардов рублей⁴³⁵. Размещенное на YouTube видео этого расследования за короткое время набрало свыше 100 миллионов просмотров.

Протестные акции с призывом к освобождению Навального, прошедшие во многих городах России, оказались наиболее масштабными публичными акциями в России со времен волны протестов 2011–2012 годов. Ответом на них со стороны властей стали жесткие задержания и уголовные дела против участников, по своему масштабу значительно превосходившие все прежние эпизоды «закручивания гаек». Новая волна репрессий расширялась и включала в себя превентивные задержания и аресты активистов, запугивание потенциальных участников и давление на журналистов и СМИ, а также на пользователей интернета и социальных сетей, распространявших нежелательную, с точки зрения властей, информацию. Она также сопровождалась ужесточением государственного регулирования просветительской деятельности, проводимой индивидами и некоммерческими организациями, и усилением масштаба и интенсивности государственной пропаганды. Наконец, в июне 2021 года по запросу прокуратуры суд признал экстремистскими организации, созданные командой Навального и обеспечивавшие деятельность сети его штабов в различных регионах и городах России. Тем самым вся деятельность движения, которое создал Навальный, оказалась поставлена вне закона. Вместе с тем состояние здоровья Навального в ходе заключения резко ухудшилось, а власти отказывали ему в медицинском обследовании, не говоря уже о предоставлении помощи врачей. Лишь после длившейся 24 дня голодовки Навального такое обследование было проведено: его данные

говорили о том, что лидер российской оппозиции находился в критическом состоянии и нуждался в срочном лечении, оказывать которое российские власти, разумеется, не собирались. В преддверии назначенных на сентябрь 2021 года парламентских выборов репрессивные тенденции лишь усиливались.

Дальнейшее усугубление репрессивного поворота в России и новое «закручивание гаек» в 2021 году проходило на фоне масштабных репрессий в Беларуси после президентских выборов 2020 года. Такое развитие событий дает основания говорить о том, что на смену манипулятивному электоральному авторитаризму в России может прийти жестокая диктатура, опирающаяся исключительно на репрессии в отношении россиян и полностью игнорирующая легитимность режима или готовая ею пожертвовать, чтобы сидеть на штыках⁴³⁶.

В какой мере Кремль готов пересмотреть прежний подход к использованию политических репрессий, начиная с 2012 года опиравшийся на принцип их «разумной достаточности» для поддержания политического статус-кво? Возможно ли в России полное нарушение нынешнего «негативного равновесия» в пользу более жесткого репрессивного авторитаризма?

Опыт авторитарных режимов в разных частях мира говорит о том, что, сталкиваясь с восприятием вызовов своему выживанию как экзистенциальных и неустрашимых, многие лидеры действительно склонны брать в руки «кнут» и применять его по полной программе⁴³⁷, оставляя «пряники» лишь для узкого круга «силовиков» и пропагандистов режима. В длительной перспективе такая стратегия выживания авторитарных режимов редко оказывается успешной (особенно, если уровень их массовой поддержки низок, а протесты приобретают значительный размах).

Но на более короткой дистанции усугубление репрессий может оттянуть негативные последствия для автократов, хотя

платой за это часто становится рост насилия и конфликтов. Нельзя исключить, что и российские власти могут прибегнуть к поддержанию своего господства посредством «жесткой руки», полностью или частично демонтировав нынешние институты (выборы и партии), заменив их насилием и террором. Возможно, «закручивание гаек» в российском случае в конечном итоге повлечет за собой срыв резьбы и поворот к «жесткой руке» окажется самоубийственным шагом для Кремля. Но и отложенное самоубийство, и его возможные последствия вполне заслуживают обсуждения.

«Закручивание гаек» даже в наиболее благоприятном для российских властей варианте, скорее всего, позволит им бороться лишь с некоторыми проявлениями рисков для выживания режима, но не с их причинами. Вместе с тем полный или частичный пересмотр «правил игры» способен создать для Кремля новые риски. И дело даже не в том, что ему придется намного увеличить свои издержки контроля и подавления, пойти на масштабное повышение побочных платежей «силовикам» за их лояльность. Международные последствия поворота к «жесткой руке» также окажутся однозначно негативными с точки зрения ухудшения экономического климата, роста оттока капитала и т.д., но по большому счету терять властям в такой ситуации уже нечего.

При подобном развитии событий власти могут, особо не считаясь со средствами, подавить сопротивление своих сограждан на некоторое (возможно, даже длительное) время, особенно если россиянам будет доступен «уход» в форме стимулируемого Кремлем отъезда из страны (опыт Беларуси и в этом плане — ориентир для российских властей). Но гораздо важнее другие риски: усиление силового аппарата и широкое использование репрессий превращают политическое руководство страны в заложников аппарата подавления, который может просто избавиться от него, взяв руководство страной на себя (политологи иногда называют такое развитие событий «преторианским переворотом»)⁴³⁸.

В условиях, когда пребывание у власти непопулярного автократа не добавляет режиму легитимности и становится лишь обузой для «силовиков», у них возрастают стимулы к тому, чтобы избавиться от автократа и захватить власть самим. Такие риски присущи многим репрессивным режимам, но в российском случае речь идет не об армии (выступавшей в таком качестве в авторитарных режимах Африки и Латинской Америки), а о правоохранительных органах и спецслужбах, которые глубоко вовлечены в крупномасштабное извлечение ренты и при этом (в отличие от армии) не пользуются существенной поддержкой ни в российском обществе, ни среди других (не-силовых) сегментов элит⁴³⁹.

Хотя многие авторитарные режимы пытаются с помощью различных приемов минимизировать риски захвата власти «силовиками» (фрагментация силового аппарата и конкуренция среди спецслужб, усиление кадрового контроля и т.д.)⁴⁴⁰, эти риски все же принципиально неустранимы. В предельном случае «преторианский переворот» может повлечь за собой полный коллапс режима из-за нарушения баланса сил внутри правящих групп (резкое сужение «выигрышной коалиции» вокруг автократа)⁴⁴¹ и из-за крайне низкой функциональности аппарата подавления в России. Опросы элит говорят о том, что «силовики» представляют собой наиболее агрессивную и наименее компетентную часть российского правящего класса⁴⁴².

Поэтому неудачный поворот в этом направлении грозит повлечь за собой крах авторитарного режима уже не в длительной перспективе, а «здесь и теперь», подобно тому, как это произошло в результате августовского путча 1991 года в СССР. Однако попытка сохранения власти любой ценой с опорой лишь на силу может оказаться самоубийственной не только для российских элит, но и для страны (а то и для всего мира): пока революции не случались в странах, начиненных оружием массового поражения. Хотя вариант, при котором Путин и/или кто-то из «силовиков» будет травить «Новичком»

десятки миллионов людей в России, а то и за ее пределами, или угрожать пустить в ход ядерную «красную кнопку» в ответ на протесты или иные вызовы, сегодня выглядит как развязка сюжета фильма-катастрофы, реальная жизнь порой, увы, оказывается драматичнее любых придуманных «ужастиков».

Но возможен ли иной выход из нынешнего «негативного равновесия» в России и движение страны в сторону демократизации? Многие страны прошли этот сложный и поэтапный, иногда довольно длительный переходный процесс, который специалисты обозначают как «ползучую демократизацию» (creeping democratization)⁴⁴³. Такое развитие событий — зачастую очень долгий и извилистый путь, включающий несколько раундов борьбы между правящей группой и демократической оппозицией. Его решающие эпизоды могут предполагать разные варианты развития событий — и компромиссы между умеренно настроенной частью правящих групп и умеренной оппозицией («соглашение элит», как в случае «круглого стола» в Польше в 1989 году)⁴⁴⁴, и инициативу правящих групп по опережающей демократизации режима, которая позволяет удержать власть по итогам конкурентных выборов (как в Южной Корее в 1987 году)⁴⁴⁵ и, наконец, серию электоральных противостояний, когда правила борьбы со временем могут стать более прозрачными и обеспечить мирный переход власти к оппозиции (как было в Мексике в 1997–2000 годах)⁴⁴⁶.

Если не вставать на позицию принципиальной несовместимости России с демократией, то нет никаких оснований исключать такие возможности и для сегодняшней России. Исходя из этой перспективы волну политического протеста 2011–2012 годов можно рассматривать как первый раунд борьбы на пути «ползучей демократизации», а несколько волн «закручивания гаек» (в 2012, 2014 и 2020–2021 годах) — как реакционные ответы со стороны авторитарного режима. Однако далеко не факт, что Россия сможет успешно пройти путь в этом направлении: «срывы», отход от пути «ползучей

демократизации» и возврат к статус-кво и/или к другим, новым формам авторитаризма не менее вероятны, чем возможность «истории успеха».

Так или иначе, движение по пути «ползучей демократизации» возможно только в случае, когда давление со стороны оппозиции будет не просто усиливаться, но иметь одновременный и кумулятивный характер по разным направлениям. Для этого нужно, чтобы противники статус-кво, придерживающиеся разных взглядов и ориентированные на разные приоритеты, были способны сплотить на основе негативного консенсуса и мобилизовать значительную часть своих сторонников. На сегодня потенциал российской оппозиции довольно ограничен — и не только из-за организационной слабости.

Проблема еще и в том, что несмотря на серьезные усилия Навального и его команды, она пока не воспринимается значительной частью российских граждан как привлекательная и реалистическая альтернатива существующему политическому порядку. Кроме того, опыт «ползучей демократизации» в ряде стран говорит о том, что для слома консолидированного авторитарного режима необходима не только организационная консолидация, но и сочетание различных методов борьбы, и взаимная поддержка потенциальных союзников, которые «раскачивали лодку» статус-кво, доведя его до полного слома.

Важное условие такого сотрудничества — поиск различными сегментами оппозиционеров поддержки у разных групп потенциальных сторонников, отказ от публичной борьбы друг с другом во имя достижения главной цели, способность к тактическим компромиссам и общая готовность к гибкому пересмотру идейных доктрин⁴⁴⁷. До тех пор, пока российские оппозиционеры готовы бороться друг с другом активнее, чем с режимом, пока они держатся за идейные штампы, выдавая их за свои политические принципы, и апеллируют к узкому кругу

соратников, а не ищут новые группы поддержки, о дальнейшей «ползучей демократизации» страны говорить не приходится.

Структурные условия в целом вполне благоприятны для построения в России устойчивой демократии. В России высокий уровень урбанизации, довольно образованное население, достаточно высокий ВВП на душу населения, довольно низкий уровень массового радикализма (что было серьезной проблемой в Египте после падения режима электорального авторитаризма в 2011 году).

Другой важный фактор, способствующий демократизации, — «низовая модернизация»⁴⁴⁸. В крупных городах наблюдается рост доверия граждан к НКО и иным формам общественной самоорганизации. И хотя многие другие структурные факторы — зависимость России от ресурсной ренты, высокий уровень социально-экономического неравенства, низкий уровень доверия, слабая способность к коллективным действиям на фоне слабых профсоюзов и политических партий — препятствуют успешному строительству демократии, они не выглядят абсолютно непреодолимыми барьерами. *Вероятность выживания демократии в России (если и когда демократия будет установлена) достаточно высока. Но вот вероятность перехода России к демократии на сегодняшний день далеко не очевидна.*

Успешная демократизация не происходит сама собой лишь вследствие свержения авторитарного режима. Она становится возможной (но не гарантированной), лишь когда важнейшим политическим акторам удастся не просто принять новые демократические «правила игры», но и добиться их успешного воплощения в жизнь. Эти правила должны стать работающими с точки зрения предотвращения монополии на власть и эффективного управления страной. Принять такие правила и выполнять их удастся далеко не всегда. Поэтому тем политикам, которые заботятся о демократизации России, необходимо будет извлечь уроки из чужих ошибок и из отечественного опыта 1990–2010-х годов.

Политические институты, которые строились в России в течение последних трех десятилетий, по большей части не подлежат эволюционному улучшению посредством частных изменений и поправок. Но при этом надо отдавать себе отчет в том, что кардинальная смена «правил игры» может привести к тому, что одни недемократические правила будут сменены другими. И к тому, что игра по новым (пусть более демократическим) правилам может принести нашей стране ничуть не лучшие результаты. Эти риски неизбежны, хотя их можно и нужно минимизировать.

Обсуждение того, какие новые «правила игры» могли бы оказаться полезны для демократизации России, могло бы занять целую книгу. Но важно, что процесс формирования и внедрения этих правил будет происходить в результате сложного баланса сил и интересов различных политических акторов, и вряд ли новые институты окажутся идеальными. Скорее задача будет состоять в том, чтобы сделать их более защищенными от нового захвата и монополизации власти и в то же время избежать блокировки принятия и реализации политических решений.

Необходимо будет избежать двух рисков: прихода к власти в результате демократизации экстремистских политических сил и/или новых автократов, способных подорвать перспективы успешного развития страны и привести к насилию, а также вопиющей неэффективности управления, грозящей повлечь за собой тяжелые последствия вплоть до территориального распада страны. Принятие новых «правил игры» в России будет возможно лишь в процессе демонтажа авторитарного режима или непосредственно после его падения. Поэтому пока говорить о создании новых демократических институтов в нашей стране как о первоочередной задаче равнозначно попытке поставить телегу впереди лошади. Однако даже если исходить из того, что «ползучая» демократизация может вывести нашу страну из «негативного равновесия» и стать

основным направлением политического развития, означает ли это, что она приведет Россию к демократии?

Ответ на этот вопрос на сегодня неизвестен из-за ограниченности экспертного знания, как индивидуального, так и коллективного. Список неизвестных величин, которые могут обусловить тот или иной вариант выхода России из нынешнего «негативного равновесия» или, наоборот, сохранение этого равновесия в длительной перспективе, очень широк и не специфичен по отношению к нынешним политическим тенденциям. Но есть как минимум три значимые неизвестные величины, динамика которых особенно важна в нынешнем российском контексте. Именно от них зависит, в каком направлении могут оказаться «развернуты» возможные изменения политического режима в России или сохранение политического статус-кво.

Первая из них — состояние настроений элит и масс, их динамики и связанных с этими параметрами характеристик политического поведения россиян. В условиях авторитарных режимов общественные настроения, очень важные для анализа политических изменений, поддаются оценке с большим трудом. Имеющиеся в распоряжении специалистов средства оценки общественных настроений, массовые опросы и фокус-группы далеко не совершенны и подвергаются обоснованной критике⁴⁴⁹.

В условиях авторитаризма, который опирается на ложь и страх как инструменты господства, данные об общественных настроениях подвержены различным искажениям. Граждане не всегда в состоянии самостоятельно сформировать последовательные предпочтения, и часто сведения, которые они сообщают в ходе опросов и фокус-групп, оказываются внутренне противоречивы⁴⁵⁰. Вдобавок авторитаризм подталкивает граждан к «фальсификации предпочтений»⁴⁵¹. Речь идет в лучшем случае об отказе давать социально неодобряемые ответы на вопросы, а в худшем — о заведомо недостоверных ответах на чувствительные с точки зрения

людей вопросы. «*Фальсификация предпочтений*» — это своего рода «*фига в кармане*», которую граждане до поры до времени скрывают от окружающих, но иногда достают и демонстрируют властям в самый неожиданный для них «*критический момент*»⁴⁵².

Порой смена гражданами декларируемых предпочтений может повлечь за собой даже коллапс авторитарного режима (как это было в случае Восточной Германии в 1989 году, где каскад внезапных событий запустил процесс поглощения страны ее западным соседом)⁴⁵³. Но подчас «фига» может оставаться в кармане на протяжении долгого времени. Тогда ни режим, ни его противники не узнают об истинных предпочтениях граждан до тех пор, пока новые вызовы сохранению политического статус-кво не возникнут как бы «из ниоткуда». А поскольку вызовы внешне стабильному авторитарному режиму могут возникнуть почти в любой момент, поведение всех участников политического процесса становится заведомо непредсказуемо.

Поэтому власти готовы реагировать на эти вызовы по принципу «у страха глаза велики» и стремятся обезопасить себя даже от тех рисков, которые на самом деле не слишком для них опасны. Но и похожие на мантры заклинания, что рано или поздно авторитарный режим падет, и «прекрасная Россия будущего» безусловно настанет, могут долго оставаться не более чем благими пожеланиями. А когда они все же оказываются реальностью, к кардинальным переменам мало кто оказывается готов. Нечто подобное произошло в нашей стране в период краха коммунистического режима и распада СССР. Незнание предпочтений граждан и их готовности конвертировать эти предпочтения в действия увеличивает вероятность повторения такого развития событий.

Второй ключевой вопрос для демократизации любых авторитарных режимов — барьеры на пути силового подавления режимом его противников, которые он не в состоянии преодолеть. *Каковы должны быть масштабы и*

продолжительность сопротивления граждан, чтобы режим был вынужден пойти на принципиальные уступки им по политически значимым вопросам? Если таких барьеров не существует вообще или они заведомо высоки и недостижимы, то и шансы на «ползучую демократизацию» крайне невелики.

В российском случае эта проблема стоит особенно остро. До последнего времени Кремль прибегал к селективным репрессиям в отношении своих противников, но в ряде случаев шел и на отдельные уступки согражданам по локальным вопросам (как экологические протесты в Шиесе)⁴⁵⁴. В то же время пока случаев массового сопротивления режиму, создающих угрозы его выживанию, в России не отмечалось, и неясно, что именно может заставить власть отступить. Хотя готовность властей к применению массового политического насилия (как в Узбекистане, где был жестоко подавлен «бунт» в Андижане в мае 2005 года) сомнений не вызывает, переход к массовым репрессиям может на долгие годы определить стратегию правящих групп (как это было в СССР после бойни в Новочеркасске в 1962 году).

Ключевой вопрос «бить или не бить?» (граждан, выступающих против режима) часто решается исходя из прежнего опыта применения массового насилия автократами. Примером может служить Китай, где силовое подавление выступлений на площади Тяньаньмэнь в 1989 году стало результатом того, что в ходе дискуссий в руководстве страны о тактике противодействия оппозиции верх взяли ветераны революции, привыкшие массово убивать сограждан еще со времен борьбы Коммунистической партии за завоевание власти. Было бы, однако, неверно сводить поиски ответа на этот вопрос лишь к техническим границам возможностей подавления.

Эти границы оказываются пройдены, если на акции протеста выходит так много протестующих, что всех их подавить оказывается попросту невозможно (как высказался

шеф служб безопасности ГДР в адрес Хонеккера в ноябре 1989 года: «Эрих, мы не можем побить столько людей») ⁴⁵⁵. Гораздо важнее иное — есть ли что-то еще, кроме численности участников коллективных действий, направленных против режима, что может перевесить готовность Кремля убивать россиян? На деле эти вопросы могут так и не встать на политическую повестку нашей страны, но ответы на них критически важны для оценок перспектив выхода из «негативного равновесия».

Третий неизвестный фактор состоит в том, что ни аналитики, ни российские лидеры, ни граждане не знают степени неуправляемости нашей страны. В какой степени иерархия «вертикали власти» способна к выполнению (или невыполнению) распоряжений руководства в нештатных условиях? Речь идет не о саботаже на нижних этажах иерархии и не о проявлениях сепаратизма (пока они не характерны для России, и нет оснований ожидать их в ближайшем будущем). В условиях сильно коррумпированного и весьма неэффективного авторитарного режима механизмы государственного управления оказываются не способны справляться с перегрузками, которые возникают в силу различных кризисов, и действия чиновников подчас лишь усугубляют проблемы.

Пандемия COVID-19, когда главной функцией «вертикали власти» на всех уровнях от Кремля до районных больниц стало сокрытие достоверной информации, служит наглядным тому примером. Техногенные и природные катастрофы, как и экономические кризисы, могут стать тестом на выживание не только для «вертикали власти», но и для режима в целом, подобно тому, как трагическая Чернобыльская катастрофа 1986 года сыграла немалую роль в трансформации политического режима в СССР. Именно ее последствия сделали очевидными пагубность информационной закрытости страны и неспособность руководства принимать адекватные решения на ее основе. Последующий поворот к политике гласности

нанес по коммунистическому режиму тяжелый и неотразимый удар.

Мы не можем представить себе возможных последствий управленческих кризисов разного масштаба и уровня в современной России. Но не будет большой ошибкой предположить, что сохранение в стране нынешнего политического режима и попытки удержания статус-кво любой ценой будут только способствовать деградации аппарата управления государством и усугублению проблем принципал-агентских отношений, причем чем дальше, тем больше⁴⁵⁶. Поэтому всевозможные управленческие кризисы, сами по себе не столь существенные с точки зрения управления страной, могут просто не встретить должного и своевременного ответа.

«Враг заходит в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя», — вот наглядная иллюстрация этой проблемы. Как известно, коррупция в системе хлебных поставок в Петрограде в феврале 1917 года спровоцировала относительно локальные выступления столичных жителей, которые вскоре переросли в революцию, которая положила конец длившемуся свыше трех веков монархическому правлению династии Романовых и обрушила политический режим царской России, прежде казавшийся консолидированным. Нельзя исключить, что и Россия XXI века может столкнуться с типологически сходным развитием событий, даже если их фактическое наполнение будет носить совершенно иной характер.

Даже этого короткого перечня неизвестных величин вполне достаточно, чтобы снять вопрос об оценках вероятности альтернатив политического развития нашей страны и о шансах на выход России из «негативного равновесия». Между тем его сохранение в длительной перспективе, скорее всего, окажется крайне пагубным, приведя Россию к утрате способности к дальнейшему политическому развитию. Медицинская аналогия, служившая подспорьем на протяжении всей этой книги, в данном случае оказывается неполной и явно неточной.

В самом деле, в мире медицины безответственный пациент, который игнорирует рекомендации врачей, не лечится от своих болезней и ведет нездоровый образ жизни, усугубляя свои проблемы курением, алкоголем и/или наркотиками, скорее всего, умрет преждевременно.

В отличие от отдельных индивидов, государства и общества, нравится это кому-либо или нет, не умирают, а в современном мире и не исчезают с карты сами по себе или в результате захвата другими государствами. Напротив, они могут едва ли не до бесконечности продолжать свое убогое, безнадежное и бессмысленное существование, со временем теряя шансы не то что на излечение, но даже на контролируемое течение хронических болезней. Опасность длительного «негативного равновесия» состоит в том, что Россия может достичь «точки невозврата», когда ее политический режим уже невозможно будет улучшить.

Тяжелый и длительный упадок и неспособность к назревшим переменам, как показывает, например, опыт Османской империи в XVIII — начале XX века, порой становится необратимым и не подлежащим трансформации. Если и когда это произойдет в нашей стране, на повестку дня встанет вопрос о ликвидации России как таковой, в том числе посредством введения на ее территории или ее части внешнего управления со стороны других государств. Будущее покажет, в какой мере такое развитие событий может стать реальностью для России в XXI веке.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. БУДЕТ ЛИ РОССИЯ СВОБОДНОЙ?

На протяжении этой книги речь шла главным образом о российской политической эволюции последних трех десятилетий, о логике конкретных политических шагов и развилок недавней истории. Но существует и общая логика политической динамики, которая определяет изменения режимов в разных странах и регионах мира, и поэтому нам необходимо за деревьями текущих событий в России увидеть лес политических тенденций, которые определяют настоящее и могут определить будущее политики в нашей стране и в мире в целом. Для этого российские политические процессы следует анализировать в сравнительной перспективе.

Крах коммунистического режима и распад СССР произошли в 1991 году. В этот период в мире протекали процессы, получившие название «третьей волны демократизации» (по аналогии с «первой» волной XIX — начала XX веков и «второй» волной после Второй мировой войны)⁴⁵⁷. Сэмюэл Хантингтон датировал начало этой волны 1974 годом, когда пала диктатура в Португалии), а затем рухнули многие авторитарные режимы в Латинской Америке (от Аргентины и Бразилии до Чили), Азии (от Филиппин до Южной Кореи и Тайваня), Южной Европе (Испания, Греция). После 1989 года произошла демократизация стран Восточной Европы.

Многим наблюдателям тогда казалось, что новый глобальный процесс всеобщего и полного перехода к демократии захватит в том числе и постсоветские страны, которые «по умолчанию» обречены на то, чтобы после краха коммунистических режимов в обозримом будущем стать

демократическими. Эти ожидания были во многом наивными, поэтому не стоит удивляться, что они сбылись не в полной мере или не сбылись вовсе. Слишком многое невозможно было учесть, слишком многие процессы («тройной переход» в посткоммунистических странах) были беспрецедентно сложными и комплексными. *То, что тридцать лет назад казалось появлением на свет новой постсоветской демократии в России, на деле оказалось лишь болезненным распадом прежнего авторитарного режима и последующим, еще более болезненным становлением нового постсоветского авторитаризма.*

Эти тенденции в России оказались вписаны в охватившие многие страны и регионы мира (от постсоветских Беларуси и Азербайджана до географически далекой Венесуэлы) процессы становления нового авторитаризма⁴⁵⁸. Демократии в XXI веке в разных частях света столкнулись с многочисленными проблемами⁴⁵⁹. Но из этого не стоит делать вывод, что именно авторитаризм представляет собой основную закономерность, своего рода магистральный вектор политической эволюции России и мира, а любые попытки демократизации России неизбежно будут иметь временный и неполный характер, будут заведомо обречены на неудачу, и в целом окажутся лишь временными отклонениями от неустранимой авторитарной траектории⁴⁶⁰.

Едва ли кто-либо возьмется утверждать, что даже тяжелое и болезненное поражение раз и навсегда закрывает дорогу к успеху. В повседневной жизни нам известно немало примеров «историй успеха» повторных браков после тяжелых семейных кризисов и драматических разводов. В истории литературы известны многие авторы выдающихся литературных произведений, которые прошли через провалы своих первых рассказов или стихов. Если мы обратимся к прошлому ныне вполне устойчивых демократий, то обнаружим, что и в них процесс демократизации был крайне непростым и

сопровождался драматическими поворотами и зигзагами политических режимов.

Во Франции революции дважды приводили к падению монархий (в 1789 и 1848 годах), но затем после серии драматических конфликтов постреволюционная стабилизация сопровождалась становлением персоналистских диктатур. Однако приход к власти сперва Наполеона Бонапарта, а позднее его племянника Луи (начало его правления стало основанием для знаменитого высказывания Карла Маркса, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса)⁴⁶¹, вовсе не поставил крест на последующей демократизации, которая продолжалась в новых раундах борьбы. Падение крайне коррумпированного режима Луи Наполеона после военного поражения от Пруссии было крайне болезненным для Франции, но в конечном итоге именно оно открыло дорогу для успешной демократизации страны.

Становление Третьей республики в 1870-е годы во многом стало результатом стихийно сложившегося стечения обстоятельств, но по большому счету эти события лишь завершили драматический процесс трансформации тогдашнего французского политического режима, который длился более восьми десятилетий с революции 1789 года⁴⁶². Во многом демократизация Франции отражала и общие тенденции европейской демократизации той эпохи⁴⁶³. Параллели между российским политическим режимом эпохи Владимира Путина и Второй империей во Франции времен Луи Бонапарта сегодня весьма популярны в отечественной публицистике⁴⁶⁴. И пусть любые параллели поверхностны и неполны, они говорят о том, что на смену сегодняшнему российскому авторитаризму после нескольких раундов борьбы может прийти устойчивая демократия. Хотя никто не станет утверждать, что становление демократии, а тем более ее будущее окажется безоблачным.

Неудача первой попытки посткоммунистической демократизации в России после 1991 года не говорит о том,

что демократия в нашей стране обречена на провал. Не говорит она и о том, что последующие попытки демократизации (если и когда они состоятся) непременно принесут России новый поворот к авторитаризму или бесконечный цикл конфликтов, кризисов и насилия. Такие сценарии, конечно, не исключены, но нет оснований полагать, что Россия заведомо на них обречена.

За три десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, электоральная демократия утвердилась в таких отличающихся друг от друга странах, как Бенин, Мексика и Монголия. Их социально-экономические и культурные предпосылки, их прежний политический опыт не гарантировали успеха демократизации. Эти страны и сейчас трудно назвать консолидированными демократиями. Но, несмотря на все сложности, они смогли выйти из тупиков персоналистского авторитаризма (Бенин), господства доминирующей партии (Мексика) и коммунистического режима (Монголия) и продвинуться по пути политических свобод, пройдя через многие испытания (в каждом случае свои), но избежав и безнадежных срывов, и бесповоротных крахов. Долгий и извилистый путь к демократии в последние три десятилетия удалось пройти и соседям России, и далеким от нее государствам. Почему же этот путь должен быть непременно навсегда закрыт для России?

Те, кто ездил на автомобиле по знаменитым российским (и не только российским) дорогам, хорошо знают, что сплошь и рядом не снабженный дорожной картой водитель на развилке может свернуть в тупик: от ошибок в такой ситуации не застрахован никто. И хороший водитель отличается от плохого не тем, что он никогда не попадает в тупик, а тем, что способен, вовремя признав ошибку, поменять направление движения, вернуться к развилке и выбрать верный путь. Напротив, плохой водитель, забравшись в тупик, либо там застревает, либо начинает искать путь по бездорожью и

сваливается в кювет, либо возвращается к развилке слишком поздно, когда в баке уже нет бензина.

Советский опыт — пример как раз такого рода: реформирование его экономической и политической системы в период перестройки началось слишком поздно, когда оказалось, что Советский Союз утратил шансы на преобразования, и в конце концов он ушел в прошлое. Смогут ли Россия выбраться из сегодняшнего тупика авторитаризма на путь демократизации, или этот путь надолго (если не навсегда) останется закрытым для страны, застрявшей в нынешнем состоянии «негативного равновесия»?

После краха коммунизма и распада СССР Россия не смогла воспользоваться внезапно открывшимся «окном возможностей» для демократизации. Отчасти это произошло оттого, что оказавшиеся у власти в России политики не были заинтересованы в электоральной демократии, предполагающей возможность смены правящих групп в результате поражения на выборах. Отчасти оттого, что демократизация в период сложной и комплексной трансформации не была приоритетом для российских элит и граждан. Последующие десятилетия строительства авторитаризма в России привели к тому, что ее правящие группы (еще менее заинтересованные в демократии, чем прежде) смогли почти наглухо заколотить «окно возможностей» демократизации.

Но их стремление не допустить никаких перемен в стране едва ли может быть реализовано в длительной перспективе, и на следующих этапах истории России, скорее всего, снова откроется если не окно, то «форточка» возможностей для демократизации. Помимо прочего, россияне (как и граждане других стран) вполне способны учиться на своих ошибках, и спустя три десятилетия после распада Советского Союза наша страна в интеллектуальном плане куда лучше готова к осмысленному, целенаправленному и последовательному строительству демократии, нежели в начале 1990-х годов.

Пусть даже политические условия для этого сегодня куда менее благоприятны, чем после падения коммунистического режима. Поэтому лозунг участников оппозиционных митингов начала XXI века «Россия будет свободной!» может стать ключевой темой политической повестки нашей страны в последующие десятилетия. Мы пока не знаем, будет ли Россия свободной страной и когда именно, каким образом, с какими издержками она пройдет свой путь к свободе. Ответы на эти вопросы нам предстоит узнать в обозримом будущем.

1. В частности, характеристики политических режимов различных государств анализируются в рамках программы Всемирного банка Worldwide Governance Indicators (Voice and Accountability Index), Института V-Dem (Университет Гетеборга), Freedom House, Polity IV и других проектов.

2. При подготовке этой книги использованы материалы моих предшествующих работ, прежде всего, книги: Гельман В. Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013; а также книг: Гельман В. «Недостойное правление»: Политика в современной России. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019; Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes, Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015, и ряда академических и публицистических статей.

3. Критику этих подходов см.: Травин Д. Особый путь России: от Достоевского до Кончаловского. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

4. Краткий, но емкий обзор представлен в книге: Голосов Г. Автократия, или одиночество власти. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

5. Подробный обзор см.: Мюллер Д. Общественный выбор III. — М.: ГУ-ВШЭ, Институт «Экономическая школа», 2007.

6. Stepan A. (ed.) Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future. New Haven: Yale University Press, 1973.

7. Stepan A. (ed.) Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation. New York: Oxford University Press, 1989.

8. См.: Shleifer A., Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, 2004, vol. 83, №2. P. 20–38 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=460920).

9. Подробнее об этом см.: Гельман В. «Недостойное правление».

10. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

11. Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science, 1957, vol. 2, N3. P. 202–203 (https://fbaum.unc.edu/teaching/articles/Dahl_Power_1957.pdf).

12. Краткий обзор см.: Марей А. Авторитет, или подчинение без насилия. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

13. См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 644–706.

14. Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 17–18.

15. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006.

[16.](#) См., в частности: North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Грейф А. Институты и путь к современной экономике (уроки средневековой торговли). — М.: Издательский дом ВШЭ, 2013; Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ, 2016.

[17.](#) Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995. — С. 355.

[18.](#) Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 10.

[19.](#) См.: Даль Р. Демократия и ее критики. — М.: РОССПЭН, 2003.

[20.](#) См.: Голосов Г. Автократия, или одиночество власти.

[21.](#) Достаточно вспомнить заголовки двух авторитетных научных книг: Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016; Асемоглу Д. (Аджемоглу Д.), Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. 3-е изд. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.

[22.](#) Geddes B., Wright J., Frantz E. How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

[23.](#) Хотя в современном русском языке все чаще используется гендерно нейтральное обозначение «он/она», по отношению к авторитарным лидерам принято говорить исключительно «он», поскольку в современном мире среди лидеров авторитарных режимов женщин нет.

[24.](#) Howard M.M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science, 2006, vol. 50, №2. P. 365–381.

[25.](#) Hale H. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2015.

[26.](#) Schedler A. Elections without Democracy: The Menu of Manipulations // Journal of Democracy, 2002, vol. 13, №2. P. 36–50.

[27.](#) Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford: Oxford University Press, 2013.

[28.](#) Bueno de Mesquita B., Smith A. Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics. New York: Public Affairs, 2011.

[29.](#) Svoboda M. The Politics of Authoritarian Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

30. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991.

31. Данное определение см.: Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования, 1998, №8. — С. 18 (<http://ecsocman.hse.ru/data/341/881/1216/002.ZAPF.pdf>). Подробный обзор см.: Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х т. — М.: АСТ, Terra Fantastica, 2004. Критику см.: Заостровцев А. Полемика о модернизации: Общая дорога или особые пути? — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

32. Nordhaus W.D. The Political Business Cycle // Review of Economic Studies, 1975, vol. 42, №2. P. 169–190 (<https://cowles.yale.edu/sites/default/files/files/pub/d03/d0333.pdf>).

33. Детальный разбор этих и других аргументов см.: Даль Р. Ук. соч.

34. См.: Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Дискуссии ведущих экономистов о взаимосвязи между демократией и экономическим ростом — см., например: Barro R.J. Democracy and Growth // Journal of Economic Growth, 1996, vol. 1, №1. P. 1–27 (<http://faculty.nps.edu/relooney/BarroDemocracy.pdf>); Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J. Democracy Does Cause Growth // Journal of Political Economy, 2019, vol. 127, №1. P. 47–100 (<https://economics.mit.edu/files/16686>).

35. Rodrik D. The Myth of Authoritarian Growth // Project Syndicate, 2010, 9 August (<http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>).

36. Fish M.S. The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World // East European Politics and Societies, 1998, vol. 12, № 1. P. 31–78; Bunce V. Democratization and Economic Reform // Annual Review of Political Science, 2001, vol. 4, 43–65 (<https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.4.1.43>).

37. Brownlee J. Hereditary Succession in Modern Autocracies // World Politics, 2007, vol. 59, N4, P. 595-628 (https://www.researchgate.net/publication/231753856_Hereditary_Succession_in_Modern_Autocracies).

38. Kendall-Taylor A., Frantz E. When Dictators Die // Journal of Democracy, 2016, vol. 27, №4. P.159–171. См. также: <https://foreignpolicy.com/2015/09/10/when-dictators-die/>.

39. Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration; Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. New York: Crown, 2018.

40. См. дискуссию политологов-компаративистов: Lurmann A., Lindberg S. A Third Wave of Autocratization is Here: What is New About It? // Democratization, 2019, vol. 26, № 7. P. 1095–1113 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2019.1582029>); Skaaning S.-E. Waves of Autocratization and Democratization: A Critical Note // Democratization, 2020, vol. 27, №8, P.1533–1542 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2020.1799194>).

41. См.: Хархордин О. Республика, или Дело публики. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

42. См.: Полтерович В., Попов В. Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*, 2007, №2. С. 13–27 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/01/1214824190/Polterovich.pdf>); критику этого подхода см.: Carothers T. How Democracies Emerge: The Sequencing Fallacy // *Journal of Democracy*, 2007, vol. 18, №1. P. 12–27 (<https://gsdrc.org/document-library/how-democracies-emerge-the-sequencing-fallacy/>).

43. См.: Geddes, Wright, Frantz. Op. cit.

44. O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986.

45. Gel'man V. Bringing Actors Back In: Political Choices and Sources of Post-Soviet Regime Dynamics // *Post-Soviet Affairs*, 2018, vol. 34, №5. P. 282–296.

46. Bermeo N. On Democratic Backsliding // *Journal of Democracy*, 2016, vol. 27, №1. P. 5–19 (<https://sites.unimi.it/carbone/wp-content/uploads/2018/04/Democratic-backsliding-Bermeo-JOD-2016.pdf>) .

47. Treisman D. Democratization by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government // *American Political Science Review*, 2020, vol. 114, №3. P. 792–810 (<https://>

www.danieltreisman.org/s/Democracy-by-Mistake-final-mar-30-2020-with-figs.pdf).

48. Capoccia G., Kelemen R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*, 2007, vol. 59, №3. P. 341–369 (https://www.researchgate.net/publication/242426654_The_Study_of_Critical_Junctures_Theory_Narrative_and_Counterfactuals_in_Historical_Institutionalism).

49. См.: Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society*, 2000, vol. 29, №4. P. 507–548 (<http://webarchive.ethz.ch/soms/teaching/OppFall09/MahoneyPathDependence.pdf>).

50. Впервые эту параллель провел Сэмюэл Хантингтон. См.: Huntington S.P. *Political Development and Political Decay* // *World Politics*. 1965, vol. 17, №3. P. 416.

51. О причинах и механизмах краха советской системы см., в частности: Гайдар Е. *Гибель империи: Уроки для современной России*. — М.: РОССПЭН, 2006; Коткин С. *Предотвращенный Армагеддон: Распад Советского Союза, 1970–2000*. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.

52. Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

53. См.: Offe C. *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Social Research*, 1991, vol. 58, №4. P. 865–892 (https://www.researchgate.net/publication/242426654_The_Study_of_Critical_Junctures_Theory_Narrative_and_Counterfactuals_in_Historical_Institutionalism).

[e.net/publication/283560322](https://www.researchgate.net/publication/283560322) Capitalism by Democratic Design Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe); Przeworski A. Op. cit., Chapter 4. (<https://www.researchgate.net/publication/274857109> Democracy and the Market Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America).

54. Среди обилия литературы об экономических реформах 1990-х годов в России см., в частности: Shelifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, MA: MIT Press, 2000; Guriev S., Rachinsky A. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism // Journal of Economic Perspectives, 2005, vol. 19, №1. P. 31–50 (<https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/0895330053147994>); Åslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

55. Fish M.S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995; Urban M., with Igrunov V., Mitrokhin S. The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

56. Жестким курсом: аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук // Век XX и мир, 1990, №6. С. 15–19. <http://www.r-reforms.ru/indexpub42.htm>.

57. Robertson G.B. The Politics of Protest in Hybrid Regimes. Managing Dissent in Post-Communist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

58. См.: Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians.

Cambridge: Cambridge University Press, 2011, Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // American Journal of Political Science, 2011, vol. 55, №3. P. 590–609 (<http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/Papers/Pres%20pop.pdf>).

59. О «хорошем Советском Союзе» см.: Гельман В. «Недостойное правление». — С. 133–135.

60. Поправки в Конституцию «зацементируют» положение России, заявил Песков // РИА Новости, 2020, 20 июня (<https://ria.ru/20200620/1573236667.html>).

61. См., в частности: Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? — СПб.: Норма, 2016 (<http://norma-spb.com/book/Travin.pdf>); Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. — М.: Альпина Паблишер, 2018; Алексащенко С. Контрреволюция: Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. — М.: Альпина Паблишер, 2019.

62. Среди обилия литературы по теме см., в частности: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. — М.: Новое издательство, 2011; Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные; Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2014.

63. См., например: Levitsky S., Ziblatt D. Op. cit.

[64.](#) Linz J., Stepan A. (eds.) The Breakdown of Democratic Regimes (3 vols.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1978.

[65.](#) Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: On the Governability of Democracies. New York: New York University Press, 1975.

[66.](#) См. интенсивную дискуссию специалистов: Should Modernization Theory Survive? // Annals of Comparative Democratization, 2018, vol. 16, №3. P. 3–41.

[67.](#) North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. P. 89–93.

[68.](#) Hedlund S. Russian Path Dependence: A People with Troubled History. London: Routledge, 2005.

[69.](#) Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. — М.: Новое издательство, 2008.

[70.](#) Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М.: Захаров, 2012.

[71.](#) Hedlund S. Op. cit.

[72.](#) Заостровцев А. Ук. соч.

73. См.: Jowitt K. The New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.

74. Краткую, но емкую презентацию этого подхода см.: Кудрявцева Е. Человек неменяемый // Огонек, 2011, №2 (<http://www.kommersant.ru/doc/1565316>).

75. См.: Левада Ю. (ред.). Советский простой человек. — М.: Мировой океан, 1993 (<https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/06/Sovetskij-prostoj-chelovek.pdf>); критический анализ этого подхода см., в частности: Sharafutdinova G. Was there a "Simple Soviet" Person? Debating the Politics and Sociology of Homo Sovieticus" // Slavic Review, 2019, vol. 78, №1. P. 173–195 (https://www.researchgate.net/publication/332839843_Was_There_a_Simple_Soviet_Person_Debating_the_Politics_and_Sociology_of_Homo_Sovieticus).

76. Beissinger M.R., Kotkin S. Op. cit.

77. См.: Дудь Ю. Гуриев — пенсионная реформа, демедведизация, доллар // ВДудь, 2019, 1 октября (<https://yurij-dud.ru/interview/guriev-pensionnaya-reforma-demedvedizatsiya-dollar-vdud/>).

78. Shleifer A., Treisman D. A Normal Country.

79. Мау В., Стародубровская И. Великие революции от Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2004.

80. См.: Коткин С. Ук. соч.

81. См., в частности: Холмс С. Чему Россия учит нас сегодня (чем слабость государства угрожает свободе) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1997, №3-4. С. 192–199 (<https://prospect.org/world/russia-teaches-us-now/>).

82. Волков В. Силовое предпринимательство. — М.-СПб.: Летний сад, 2002.

83. Паппэ Я., Галухина Я. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008. — М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

84. Подробнее см.: Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис, 2006, № 2. С. 90–109 (<http://www.politstudies.ru/files/File/2006/2/Polis-2006-2-Gelman.pdf>).

85. Stinchcombe A. Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science, 1999, vol. 2. P. 49–73 (<https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.2.1.49>).

86. См., в частности: Щербак А. «Нефтяное проклятие» и постсоветские режимы: политико-экономический анализ // Общественные науки и современность, 2007, №1. С. 47–56 (<http://ecsocman.hse.ru/text/18917671/>); Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 114–138.

87. Treisman D. Income, Democracy, and Leader Turnover // American Journal of Political Science, 2015, vol. 59, №4. P. 927–

942 (<https://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/Daniel'sNEWSPAPERS/Democracy%20April%202014%20pdf%20of%20whole%20article%20including%20online%20appendix.pdf>).

88. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования — к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики, 2005, №5. С. 5–27.

89. См., например: Treisman D. (ed.) The New Autocracy: Information, Politics and Policy in Putin's Russia. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2018; Guriev S., Treisman D., Informational Autocrats // Journal of Economic Perspectives, 2019, vol. 33, №4. P. 100–127 (<https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.33.4.100>).

90. North D. Structure and Change in Economic History. New York: W.W. Norton, 1981.

91. См. классический анализ международных отношений: Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, New York: Alfred A. Knopf, 1978; Waltz K. Theory of International Politics, New York: McGraw-Hill, 1979; критическое переосмысление этого подхода см.: Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton, 2001.

92. См.: Przeworski A. Op. cit. P. 10.

93. См.: North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. P. 16.

94. Levitsky S., Ziblatt D. Op. cit.

95. Bueno de Mesquita B., Smith A. Op. cit.

96. Наиболее подробный анализ процессов демократизации в мире начиная с 1789 года представлен в рамках международного проекта Varieties of Democracy, реализуемого в рамках V-Dem Institute (университет Гетеборга). См.: <https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/>.

97. Przeworski A., Alvarez M.E. Cheibub J.A., Limongi F. Op. cit.

98. Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review, 1959, vol. 53, №1. P. 75 (https://scholar.harvard.edu/files/levitsky/files/lipset_1959.pdf).

99. Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, OH: Merrill, 1972.

100. Асемоглу Д. (Аджемоглу Д.), Робинсон Дж. Экономические истоки.

101. Higley J., Burton M. Op. cit.

102. North D., Weingast B. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing the Public Choice in Seventeenth-Century England // Journal of Economic History, 1989, vol. 49, №4. P. 803–832 (https://www.researchgate.net/publication/227348672_Constitutions_and_Commitment_The_Evolution_of_Institutions_Governing_Public_Choice_in_Seventeenth-Century_England).

103. Colomer J.M. Transition by Agreement: Modelling the Spanish Way // American Political Science Review, 1991, vol. 85, №4. P. 1283–1302.

104. Matynia E. Furnishing Democracy in the End of the Century: The Polish Round Table and Others // East European Politics and Societies, 2001, vol. 15, №2. P. 454–471.

105. Levitsky S., Way L. Op. cit.; Schedler A. The Politics of Uncertainty.

106. См.: Levitsky S., Way L., Op. cit.

107. Huntington S., The Third Wave. P. 174–180.

108. По состоянию на 2019 год ВВП России на душу населения составил \$11 163, что чуть ниже среднемирового показателя, но выше, чем у таких демократий, как Аргентина, Болгария или Бразилия (<https://statisticstimes.com/economy/countries-by-gdp-capita.php>).

109. О неравенстве в России см., в частности: Remington T.F. The Politics of Inequality in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016 // NBER Working Paper Series, 2017, №23712 (https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23712/w23712.pdf).

110. См.: Hale H. The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime // Europe-Asia Studies, 2011, vol. 63, №8. P. 1357–1375; Carnaghan E. The Difficulty of Measuring Support for Democracy in a

Changing Society: Evidence from Russia // Democratization, 2011, vol. 18, №3. P. 682–706.

111. Fish M.S. Democracy from Scratch; Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

112. Robertson G.B. The Politics of Protest in Hybrid Regimes.

113. Smyth R. Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008–2020. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

114. Подробнее о несостоявшемся «круглом столе» в СССР в 1990–1991 годах см., в частности: Reddaway P., Glinsky D. The Tragedy of Russian Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, DC: United States Institute of Peace, 2001, Chapters 3, 4; Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993), т. 1. — М.: Московский центр Карнеги, 2005 (<http://www.yeltsincenter.ru/books/vzlet-i-padenie-parlamenta-perelomnye-gody-v-rossiiskoi-politike-1985-1993-t-1>).

115. Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. — М.: Время, 2009.

116. См. сравнительный обзор: Трейсман Д. «Догнать капитализм»: Что получилось и не получилось за тридцать лет посткоммунизма // Рогов К. (ред.) Демонтаж коммунизма 30 лет спустя. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — С. 151–163.

[117.](#) Травин Д. Модернизация общества и восточная угроза России // Гельман В., Маргания О. (ред.) Пути модернизации: Траектории, развилки, тупики. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — С. 111–150.

[118.](#) Hanson S.E. Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Hale H. Patronal Politics.

[119.](#) Huntington S. The Third Wave. P. 55.

[120.](#) Clark W.A. Russia at the Polls: Potemkin Democracy // Problems of Post-Communism, 2004, vol. 51, №2. P. 22–29 (http://www.academia.edu/6909743/Russia_at_the_Polls_Potemkin_Democracy).

[121.](#) См.: Гельман В. «Недостойное правление».

[122.](#) Rogov K. The Art of Coercion: Repressions and Repressiveness in Putin's Russia // Russian Politics, 2018, vol. 3, №2. P. 151–174.

[123.](#) Гайдар Е. Гибель империи.

[124.](#) Petrov N., Treivish A. Risk Assessment of Russia's Political Disintegration / Segbers K., De Spiegeleire S. (eds.). Post-Soviet Puzzles, vol. 2. Baden-Baden: Nomos, 1995. P. 145–176.

125. См.: Сурков В. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // Выступление перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», 2006, 7 февраля (www.politnauka.org/library/public/surkov.php).

126. Greene S., Robertson G.B. Explaining Putin's Popularity: Rallying Round the Russian Flag // The Washington Post, 2014, 9 September (<https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/09/09/explaining-putins-popularity-rallying-round-the-russian-flag/>).

127. Поправки в Конституцию «зацементируют» положение России // РИА Новости, 2020, 20 июня (<https://ria.ru/20200620/1573236667.html>).

128. Fukuyama F. The End of History and the Last Man.

129. Offe C. Op. cit.

130. См., в частности: Åslund A., Djankov S. (eds.). The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014; Shleifer A., Treisman D. Normal Countries: The East 25 Years after Communism // Foreign Affairs, 2014, vol. 93, №6. P. 92–103.

131. Подробный анализ см.: Гайдар Е. Гибель империи.

132. См., в частности: Рогов К. Генезис и эволюции постсоветских политий // Рогов К. (ред.) Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — С. 192–231.

133. См., в частности: Шейнис В. Взлет и падение парламента, т. 1.

134. См., в частности: Травин Д. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. — СПб.: Норма, 2010 (http://ru-90.ru/sites/default/files/texts/travin_ocherki_v1.pdf).

135. О «долине слез» см.: Sachs J.D. Crossing the Valley of Tears in East European Reform // Challenge, 1991, vol. 34, №5. P. 26–34 (https://www.earth.columbia.edu/sitefiles/file/Sachs%20Writing/1991/Challenge_1991_CrossingtheValleyofTears_Sept-Oct_1991.PDF).

136. См., в частности: Hellman J. Winners Takes All: The Politics of Partial Reforms in Post-Communist Transitions // World Politics, 1998, vol. 50, №2. P. 203–234 (<https://www.semanticscholar.org/paper/Winners-Take-All%3A-The-Politics-of-Partial-Reform-in-Hellman/f018de291a49673f72ab46484d6194a4c96a4626>); Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, MA: MIT Press, 2000; Алексащенко С. Битва за рубль: Взгляд участника событий / 2-е издание. — М.: Время, 2009.

137. См., в частности: Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. — М.: Альпина Паблишер, 2015; Åslund A. Russia's Capitalist Revolution; Shleifer A., Treisman D. Without a Map. Критические оценки см., например: Hough J. The Logic of Economic Reform in Russia. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001; Goldman M. The Piratization of Russia: Russian Reforms Goes Awry. London: Routledge, 2003.

138. См.: Восприятие девяностых // Левада-центр, 2020, 6 апреля (<https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyano>

[styh/](#)).

[139](#). См., в частности: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. — М.: РОССПЭН, 1999; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

[140](#). См., в частности: Fish M.S. Democracy Derailed in Russia; Frye T. Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

[141](#). См., в частности: Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. — М.: Московский общественный научный фонд, 1997; Гайдар Е. Дни поражений и побед. — М.: Альпина Паблишер, 2014. — Гл. 6; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution, Chapter 4.

[142](#). Подробнее см.: Гельман В. «Либералы» versus «демократы»: Идейные траектории постсоветской трансформации в России // Мир России, 2020, т. 29, №1. С. 53–79 (<https://mirros.hse.ru/article/view/10466>).

[143](#). См., в частности: Lukin A. The Political Culture of Russian Democrats. Oxford: Oxford University Press, 2000.

[144](#). См.: Шейнис В. Взлет и падение парламента, т. 1.

[145](#). См.: Собянин А., Юрьев Д., Скоринов Ю. Выдержит ли Россия еще одни выборы в 1991 году? // Невский курьер, 1991, №11.

[146.](#) См.: Гельман В. «Либералы» versus «демократы».

[147.](#) Przeworski A. Op. cit. P. 10.

[148.](#) См., в частности: Шейнис В. Взлет и падение парламента, т. 2; Гайдар Е. Дни поражений и побед; Авен П. Кох А. Ук. соч.

[149.](#) Осень-93: хроника противостояния. — М.: Век XX и мир, 1993.

[150.](#) См.: Гельман В. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность, 1999, №6. С. 46–64 (<http://ecsocman.hse.ru/text/18416896/>).

[151.](#) Критический анализ см.: Холмс С. Сверхпрезидентство и его проблемы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1993, №4/1994, №1. С. 22–25.

[152.](#) Известия, 1993, 16 ноября.

[153.](#) Ельцин Б. Записки президента. — М.: Огонек, 1994. — С. 15.

[154.](#) Подробный обзор см.: Colton T., Hough J.F. (eds.) Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1993.

[155.](#) См., в частности: Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями. — М.: Проектная группа по правам человека, 1995.

[156.](#) Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // Comparative Political Studies, 1997, vol. 30, №5. P. 523–552 (https://www.researchgate.net/publication/249698842_A_Politics_of_Institutional_ChoicePost-Communist_Presidencies); Fish M.S. Democracy Derailed in Russia, Chapter 7.

[157.](#) Przeworski A. Op. cit. P. 86.

[158.](#) Bova R. Democratization and the Crisis of the Russian State // Smith G. (ed.) State-Building in Russia: The Yeltsin's Legacy and the Challenge of the Future. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1999. P. 17–40; Волков В. Силовое предпринимательство.

[159.](#) Remington T. The Russian Parliament: Institutional Evolution in a Transitional Regime. New Haven: Yale University Press, 2001.

[160.](#) Подробнее см.: Treisman D. After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor MI: University of Michigan Press, 1999; Stoner-Weiss K. Resisting the State: Reform and Retrenchment in Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

[161.](#) Remington T., Smith S. Haspel M. Decrees, Laws, and Inter-Branch Relations in the Russian Federation // Post-Soviet Affairs, 1998, vol. 14, №4. P. 287–322.

162. Детальное описание см.: Хоффман Д. Олигархи: Богатство и власть в новой России. — М.: Колибри, 2007.

163. Подробное описание кампании см., в частности: Зыгарь М. Все свободны: История о том, как в России в 1996 году закончились выборы. — М.: Альпина Паблишер, 2020.

164. McFaul M. Op. cit. P. 300–304.

165. Gel'man V. Political Opposition in Russia: A Dying Species? // Post-Soviet Affairs, 2005, vol. 21, №3. P. 226–246 (https://eusp.org/sites/default/files/archive/pss_dep/gelman_Political_Opposition_in_Russia.pdf).

166. Подробнее см.: Авен П. Время Березовского. — М.: АСТ, Corpus, 2017.

167. Hellman J. Op. cit.

168. См. Шевцова Л. Ук. соч. — С. 316–349; Согрин В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. — М.: Весь мир, 2001. — С. 198–202.

169. См.: Хоффман Д. Ук. соч.; Авен П. Ук. соч.

170. См.: Алексашенко С. Битва за рубль; Гилман М. Дефолт, которого не могло не быть. — М.: Время, 2009.

171. См. Шевцова Л. Ук. соч. — С. 365–378.

[172.](#) Паппэ Я. Олигархи: Экономическая хроника 1992–2000. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

[173.](#) См.: Митрохин С. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // Люхтерхандт-Михалева Г., Рыженков С. (ред.). Центр — регионы — местное самоуправление. — М.-СПб.: Летний сад, 2001. — С. 74.

[174.](#) См.: Макаренко Б. «Отечество — Вся Россия» // Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. — М.: Гендальф, 2000. — С. 156–158.

[175.](#) См.: Согрин В. Ук. соч. — С. 201–223.

[176.](#) См.: Петров, Н., Титков А. Выборные хроники // Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. — М.: Гендальф, 2000. — С. 21.

[177.](#) Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E. Media and Political Persuasion: Evidence from Russia // American Economic Review, 2011, vol. 101, №7. P. 3253–3285 (<https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP113.pdf>).

[178.](#) См.: Way L. Pluralism by Default.

[179.](#) Голосов Г. Российская партийная система и региональная политика: 1993–2003. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

[180.](#) Митрохин С. Ук. соч.; Stoner-Weiss K. Op. cit.

[181.](#) Волков В. Силовое предпринимательство.

[182.](#) Паппэ Я. Треугольник собственников в региональной промышленности // Климанов В., Зубаревич Н. (ред.). Политика и экономика в региональном измерении. — М.-СПб.: Летний сад, 2000. — С. 109–120.

[183.](#) Голосов Г. Российская партийная политика; Hale Н. Why Not Parties in Russia: Democracy, Federalism, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

[184.](#) Shleifer А., Treisman D. Without a Map; Гилман М. Ук. соч.

[185.](#) См.: Музей 90-х: Территория свободы. — М.: Новое литературное обозрение, 2016.

[186.](#) Geddes В., Wright J., Frantz E. Op. cit.

[187.](#) Гайдар Е. Гибель империи.

[188.](#) Подробный обзор изменений в российской экономике см.: Алексеев М., Вебер Ш. (ред.) Экономика России: Оксфордский сборник. В 2 томах. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015; критический анализ процессов 2000-х годов см., в частности: Алексашенко С. Контрреволюция.

[189.](#) О Немцове см., в частности: Makarychev А., Yatsyk А. (eds.) Boris Nemtsov: Power and Resistance. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2018.

190. См.: Ельцин Б. Записки президента. — М.: Огонек, 1994. — С. 15.

191. Gel'man V. Russian Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2002, vol. 10, №3. P. 343–361 (https://eu.spb.ru/images/pss_dep/gelman_Russias_Elites_in_Search_of_Consensus.pdf).

192. Stinchcombe A. Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science, 1999, vol. 2. P. 49–73 (<https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.2.1.49>).

193. Чапковский Ф. Социальные сети и административное рекрутирование в России: на примере федерального правительства 2000–2008. Магистерская диссертация, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011.

194. Petrov N. Nomenklatura and the Elite // Petrov N., Lipman M. (eds.) Russia — 2020: Scenarios for the Future. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. P. 499–530.

195. Шейнис В. Третий раунд (к итогам парламентских и президентских выборов) // Мировая экономика и международные отношения, 2000, №9. С. 45–61; McFaul M. One Step Forward, Two Steps Back // Journal of Democracy, 2000, vol. 11, №3. P. 19–33.

196. См.: Гуриев С., Качинс Э., Ослунд А. Россия после кризиса. — М.: Юнайтед пресс, 2011; Алексащенко С.

Контрреволюция; Mau V. Russia's Economy in the Epoch of Turbulence: Crises and Lessons. Abingdon: Routledge, 2018.

[197](#). Критический анализ см.: Белановский С., Дмитриев М., Комаров В., Комин М., Никольская А. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. — М.: Центр стратегических разработок, 2016 (<https://www.csr.ru/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf>); Гельман В. Недостойное правление. — Гл. 3.

[198](#). См., в частности: Appel H. Tax Politics in Eastern Europe: Globalization, Regional Integration, and Democratic Compromise. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2011, Chapter 6.

[199](#). Критический анализ см.: Grigoriev I. Labor Reform in Putin's Russia: Could Modernization be Democratic? // V.Gel'man (ed.). Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies. Abingdon: Routledge, 2017; Grigoriev I., Dekalchuk A. Collective Learning and Regime Dynamics under Uncertainty: Labour Reform and the Way to Autocracy in Russia // Democratization, 2017, vol. 24, №3. P. 481–497 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2016.1223629>).

[200](#). Критические оценки см., в частности: Алексащенко С. Контрреволюция.

[201](#). См.: Гельман В. Недостойное правление». — Гл. 4.

[202](#). См., в частности: Åslund A. Russia's Crony Capitalism: The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven: Yale University Press, 2019.

[203.](#) См.: Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime.

[204.](#) Гельман В. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) Второй электоральный цикл в России. — М.: Весь мир, 2002. — С. 37.

[205.](#) См.: Волков В. Государство, или Цена порядка. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

[206.](#) Среди обширной литературы см., в частности: Hill F., Gaddy C.G. Mr. Putin: Operative in the Kremlin. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2013; Myers S.L. The New Tsar: The Rise and Reign of Vladimir Putin. New York: Vintage, 2016; Belton C. Putin's People: How the KGB Took Back Russia and Then Took on the West. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2020.

[207.](#) Hellman J. Op. cit. Подробные описания см.: Хоффман Д. Ук. соч.: Авен П. Ук. соч.

[208.](#) Волков В. Силовое предпринимательство.

[209.](#) Przeworski A. Op. cit. P. 86.

[210.](#) Remington T. The Russian Parliament.

[211.](#) Hale H. Why Not Parties in Russia.

[212.](#) March L. The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002; Gel'man V. Political Opposition in Russia: A Dying Species?

[213.](#) Remington T. Presidential Support in the Russian State Duma // Legislative Studies Quarterly, 2006, vol. 31, №1. P. 5–32.

[214.](#) См.: Smith, S., Remington T. The Politics of Institutional Choice: The Formation of the Russian State Duma. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. P. 148–153.

[215.](#) Reddaway P., Orttung R.W. (eds.) The Dynamics of Russian Politics: Putin's Reform of Federal-Regional Relations, 2 vols. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003–2004.

[216.](#) Remington T. Majorities without Mandates: The Federation Council since 2000 // Europe-Asia Studies, 2003, vol. 55, №5. P. 667–691.

[217.](#) Авен П. Ук. соч.

[218.](#) Качкаева А. История телевидения в России: Между властью, свободой и собственностью // Филиппов П. (ред.). История новой России. Очерки, интервью. — СПб.: Норма, 2011. Т. 3. — С. 81–127 (<http://www.ru-90.ru/node/1316>).

[219.](#) Волков В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции // Вопросы экономики, 2010, №8. С. 4–27.

[220.](#) Gel'man V. The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution Building in Russia // Europe-Asia Studies, 2004, vol. 56, №7. P. 1021–1040.

[221.](#) Лихтенштейн А. «Партии власти»: Электоральные стратегии российских элит // Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) Второй электоральный цикл в России, 1999–2000. — М.: Весь мир, 2002, С.85–106.

[222.](#) Gel'man V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // Europe-Asia Studies, 2008, vol. 60, №6. P. 913–930 (https://eu.spb.ru/images/pss_dep/gelman_Party_Politics_inRussia_From_comp.pdf).

[223.](#) Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra, 2008. Т. 12, №1. С. 6–21 (<https://polit.ru/article/2008/05/26/hale/>).

[224.](#) Лихтенштейн А. Ук. соч.; Shvetsova O. Resolving the Problem of Pre-election Coordination: The 1999 Parliamentary Elections as an Elite Presidential 'Primary // Hesli V., Reisinger W.M. (eds.) The 1999–2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 213–231 (https://www.researchgate.net/publication/273732964_Resolving_the_problem_of_pre-electoral_coordination_The_1999_parliamentary_election_as_elite_presidential_%27primary%27).

[225.](#) Об этих проблемах на примере Мексики см.: Greene K. Why Dominant Parties Lose. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

226. Hanson S. Instrumental Democracy: The End of Ideology and the Decline of Russian Political Parties // Hesli V., Reisinger W.M. (eds.). The 1999–2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, Hale H. Why Not Parties in Russia.

227. Гельман В. Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // Общественные науки и современность, 2009, №3. С. 50–63 (https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/ros_v_pers_gelman.pdf).

228. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra, 2008. Т. 12, №1. С. 22–35.

229. Гельман В. Возвращение Левиафана?; Кынев А. Губернаторы России: Между выборами и назначениями. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020 (<https://liberal.ru/library/7656>).

230. Gel'man V. The Unrule of Law in the Making.

231. Панов П. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России (кроссрегиональный сравнительный анализ) // Полис, 2005, №5. С. 116 (<http://www.politstudies.ru/files/File/2005/5/Polis-2005-5-Panov.PDF>).

232. Reuter O. J., Remington T. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia // Comparative Political Studies, 2009, vol. 42, №4. P. 501–526 (<http://www.cps.sagepub.com>).

[s://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.710.5023&rep=rep1&type=pdf](https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.710.5023&rep=rep1&type=pdf)).

233. Reuter O. J., Robertson G. B. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // Journal of Politics, 2012, vol. 74, № 4. P. 1023–1037 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1972857); Reisinger W. M., Moraski B. J. The Regional Roots of Russia's Political Regime. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2017.

234. Smyth R. Building State Capacity from Inside Out: Parties of Power and the Success of the President's Reform Agenda in Russia // Politics and Society, 2002, vol. 30, № 4. P. 555–578 (<http://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/15696427.pdf>).

235. См.: Голосов Г. Сфабрикованное большинство: Конверсия голосов в места на думских выборах // Гельман В. (ред.). Третий электоральный цикл в России, 2003–2004. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — С. 39–58 (https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=3515).

236. Smyth R., Lowry A., Wilkening B. Engineering Victory: Institutional Reform, Informal Institutions and the Formation of a Hegemonic Party Regime in the Russian Federation // Post-Soviet Affairs, 2007, vol. 23, № 2. P. 118–137 (<https://www.semanticscholar.org/paper/Engineering-Victory%3A-Institutional-Reform%2C-Informal-Smyth-Lowry/66c203ffa8887b141e4e3535da17ac93e8cf3340>).

237. Hanson S. Post-Imperial Democracies.

238. Hale H. Patronal Politics.

239. Wengle S., Rassel M. The Monetization of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia // Europe-Asia Studies, 2008, vol. 60, №5. P. 739–758 (https://susannewengle.nd.edu/assets/211760/welfare_reforms_wengle.pdf).

240. Maltseva E. The Politics of Retirement Age Increase in Russia: Proposals, Protests, and Concessions // Russian Politics, 2019, vol. 4, №3. P. 375–399.

241. См.: Гельман В. Недостойное правление. — Гл. 6.

242. См.: Gel'man V. Party Politics in Russia.

243. См.: Титков А. Партия №4: «Родина» и окрестности. — М.: Панорама, 2006.

244. Зудин А. Неокорпоративизм в России? Государство и бизнес при Владимире Путине // Pro et Contra, 2001. Т. 6, №4. С. 171–198 (https://mgimo.ru/library/publications/neokorporativizm_v_rossii_gosudarstvo_i_biznes_pri_vladimire_putine/).

245. Алексащенко С. Контрреволюция; Chernykh L. Profit or Politics? Understanding Renationalization in Russia // Journal of Corporate Finance, 2011, vol. 17, №5. P. 1237–1253 (<https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.184.103&rep=rep1&type=pdf>).

246. Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. Who Wants to Revise Privatization? The Complementarity of Market Skills and

Institutions // American Political Science Review, 2009, vol. 103, №2. P. 284–304 (https://www.researchgate.net/publication/23990080_Who_Wants_To_Revise_Privatization_The_Complementarity_of_Market_Skills_and_Institutions).

247. Åslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States // CASE Network Studies and Analyses, 2005, №296 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1441910); Volkov V. Standard Oil and Yukos in the Context of Early Capitalism in the United States and Russia // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2008, vol. 16, №3. P. 240–264 (http://demokratizatsiya.pub/archives/16_3_701773P8W0768637.pdf).

248. Yakovlev A. The Evolution of Business-State Interaction in Russia: from State Capture to Business Capture // Europe-Asia Studies, 2006, vol. 58, №7. P. 1033–1056.

249. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. — СПб.: Норма, 2008 (https://eusp.org/sites/default/files/archive/pss_dep/gelman_ref_mest_vl.pdf).

250. Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate Dictatorship: Networks, Loyalty, and Institutional Change in the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2020.

251. Hough J.F. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision Making. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969.

252. См.: Schedler A. The Menu of Manipulations.

253. См.: Улюкаев А. Либерализм и политика переходного периода в России // Мир России, 1995. Т. 4, №2. С. 8 (<https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizm-i-politika-perehodnogo-perioda-v-sovremennoy-rossii>).

254. См., в частности: Treisman D. The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. New York: Free Press, 2011; McFaul M. From Cold War to Hot Peace: An American Ambassador in Putin's Russia. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2018, Chapters 5–8.

255. Wilson K. How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis // Europe-Asia Studies, 2012, vol. 64, №1. P. 152.

256. См.: Травин Д., Маргания О. Ук. соч.

257. См. программную статью: Медведев Д. Россия, вперед! // gazeta.ru, 2009, 10 сентября (https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

258. См., например: Милов В. Стоп, Россия! Как прийти к светлому будущему, ничего не меняя // gazeta.ru, 2009, 14 сентября (<https://www.gazeta.ru/column/milov/3260272.shtml>).

259. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra, 2009, Т. 13, №5–6. С. 51–61 (https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_5-6_51-61.pdf).

260. Petrov N., Lipman M., Hale H. Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet

Affairs, 2014, vol. 30, №1. P. 1–26.

261. Taylor B.D. Police Reform in Russia: The Policy Process in a Hybrid Regime // Post-Soviet Affairs, 2014, vol. 30, №2-3. P. 226–255.

262. См.: Гельман В. Недостойное правление. — Гл. 7.

263. Zastrovitsev A. Oil Boom and Government Finance in Russia: Stabilization Fund and Its Fate // Gel'man V., Marganiya O. (eds.) Resource Curse and Post-Soviet Eurasia. Lanham, MD: Lexington Books, 2010. P. 123–147.

264. Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. — М.: Центр стратегических разработок, 2011.

265. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale University Press, 2005.

266. Афанасьев М. Российские элиты развития: запрос на новый курс. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009 (<https://liberal.ru/library/rossijskie-elity-razvitiya-zapros-na-novyj-kurs>).

267. Kudelia S. The House That Yanukovych Built // Journal of Democracy, 2014, vol. 25, №3. P. 19–34 (https://www.academia.edu/7611813/The_House_That_Yanukovych_Built); Way L. Pluralism by Default, Chapter 3.

268. Horvath R. Putin's Preventive Counter-Revolution: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution //

269. Полезный обзор «по горячим следам» см.: Митрохин Н. Грубые люди // Грани.ру, 2014, 27 августа (<https://graniru.org/opinion/mitrokhin/m.232396.html>).

270. По данным массового общенационального опроса 1600 россиян, проведенного ВЦИОМ в сентябре 2013 года, 56% респондентов считали Крым частью России, в то время как доля респондентов, которые считали Дагестан и Чечню частью России, составляло 41 и 39% соответственно. См.: Современная российская идентичность: изменения, вопросы, ответы. — М: Валдайский клуб, 2013. — С. 7 (<http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/RussianIdentity2013rus.pdf>).

271. См. графики 2 и 3 в главе 4.

272. Greene S., Robertson G. B. Explaining Putin's Popularity.

273. См.: Гаазе К. Покер для одного: Кто и как в России принимает решения // The New Times, 2014, 1 сентября (<http://www.newtimes.ru/articles/detail/86540>).

274. См.: <https://www.youtube.com/watch?v=jmMGqZo7sig>.

275. См., например: Lipman M., Petrov N. (eds.) Russia 2025: Scenarios for the Russian Future. New York: Palgrave, 2013; Рогов К. (ред.) Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 годах: Кризис и трансформация российского авторитаризма. — М.: Либеральная миссия, 2014 (<https://liberal.ru/lm-ekspertiza/6537>).

276. Pismennaya E., Arkhipov A. Cook B. Putin's Secret Gamble on Reserves Backfires into Currency Crisis // Bloomberg, 2014, 17 December (<http://www.bloomberg.com/news/2014-12-17/putin-s-secret-gamble-bet-on-ukraine-backfires-in-ruble-crisis.html>).

277. См.: Rogov K. Op. cit.

278. См., в частности, материалы так называемого панамского досье о манипуляциях с офшорами, в которые были вовлечены многие высокопоставленные россияне: Анин Р., Шмагун О., Валиковский Д. Офшоры. Вскрытие // Новая газета, 2016, 3 апреля — 28 мая (<https://krug.novayagazeta.ru>).

279. См., например: Lipman M., Petrov N. (eds.) Russia in 2020: Scenarios for the Future. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. Среди 27 авторов различных глав этой книги, которая вышла из печати накануне думских выборов 2011 года, почти никто не предполагал такого развития событий. Лишь в заключении книги редакторы допустили, что исходом электорального цикла 2011–2012 годов в России может стать «революция блогеров».

280. Некоторые оценки см., в частности: Шпилькин С. Математика выборов // Троицкий вариант — наука, 2011, 20 декабря (<https://trv-science.ru/2011/12/matematika-vyborov-2011/>;) Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field Experiment Estimate of Electoral Fraud in Russian Parliamentary Elections // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2013, vol. 110, № 2. P. 448–452 (<https://www.pnas.org/content/110/2/448>).

281. Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule // American Journal of Political Science,

2010, vol. 54, №3. P. 751–765.

282. Tucker J. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics, 2007, vol. 5, №3. P. 535–551 (<https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/enough-electoral-fraud-collective-action-problems-and-postcommunist-colored-revolutions/7D77E56D2AC79DBCEB649CE698BA5584>).

283. Bunce V., Wolchik S. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // World Politics, 2010, vol. 62, №1. P. 43–86 (https://canvas.harvard.edu/files/3411076/download?download_frd=1&verifier=k70Y7Vh4jgYaIqp8DEbfbLNatROC8f6XRkGSuIFc).

284. Levitsky S., Way L. Op. cit.

285. Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy, 2008, vol. 19, №3. P. 55–69 (<https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-real-causes-of-the-color-revolutions/>), Bunce V., Wolchik S. Getting Real about "Real Causes" // Journal of Democracy, 2009, vol. 20, №1. P. 69–73.

286. Белановский С., Дмитриев М. Ук. соч.

287. Гельман В. Политическая оппозиция в России: Вымирающий вид? // Полис, 2004, №4. С. 52–69 (https://www.politstudies.ru/index.php?page_id=453&id=3420&at=a&pid=).

288. Remington T. Patronage and the Party of Power: President-Parliament Relations under Vladimir Putin // Europe-Asia Studies, 2008, vol. 60, №6. P. 959–987.

[289.](#) Golosov G. V. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*, 2011, vol. 63, №3. P. 397–414.

[290.](#) Gladarev B., Lonkila M. Justifying Civil Activism in Russia and in Finland // *Journal of Civil Society*, 2013, vol. 9, №4. P. 375–390; Клеман К. Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. — М.: Новое литературное обозрение, 2013.

[291.](#) Barghoorn F. Factional, Sectoral, and Subversive Opposition in Soviet Politics // R. Dahl (ed.) *Regimes and Oppositions*. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 27–87; Linz J. J. *Opposition in and under Authoritarian Regime: The Case of Spain* // *Regimes and Oppositions*. P. 171–259; см. также: Гельман В. Политическая оппозиция в России.

[292.](#) Stepan A. Democratic Opposition and Democratization Theory // *Government and Opposition*, 1997, vol. 32, №4. P. 657–678.

[293.](#) Подробнее см.: Гельман В., Травин Д. «Загогулины» российской модернизации: Смена поколений и траектория реформ // *Неприкосновенный запас*, 2013, №4. С. 14–38 (<http://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczii-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html>).

[294.](#) Анализ политических эффектов смены поколений на материале стран Запада см.: Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Public*. Princeton: Princeton University Press, 1977, и ряд последующих работ этого автора.

295. Алексей Навальный в одном из интервью вспоминал, что в октябре 1993 года, будучи студентом первого курса, сбегал с занятий, чтобы увидеть своими глазами штурм Белого дома. В то же время представители предшествующего поколения российских политиков в эти дни находились по разные стороны политических баррикад.

296. Robertson G., *Protesting Putinism: The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective* // *Problems of Post-Communism*, 2013, vol. 60, №2. P. 11–23 (https://www.researchgate.net/publication/260364313_Protesting_Putinism_The_Election_Protests_of_2011-12_in_Broader_Perspective); Greene S. *Beyond Bolotnaya: Bridging Old and New in Russia's Election Protest Movement* // *Problems of Post-Communism*, 2013, vol. 60, №2. P. 40–52 (https://www.academia.edu/4335443/Beyond_Bolotnaia_Bridging_Old_and_New_in_Russia_s_Election_Protest_Movement).

297. Lassila J. *Aleksei Naval'nyi and Populist Re-ordering of Putin's Stability* // *Europe-Asia Studies*, 2016, vol. 68, №1. P. 118–137.

298. Белановский С., Дмитриев М. Ук. соч.; Chaisty P., Whitefield S. *The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political Attitudes* // *Post-Soviet Affairs*, 2012, vol. 28, №2. P. 187–208 (https://www.researchgate.net/publication/261629961_The_Effects_of_the_Global_Financial_Crisis_on_Russian_Political_Attitudes).

299. Яковлев А. *Массовые протесты в Москве сквозь призму исторических аналогий* // *Вопросы экономики*, 2012, № 2. С. 151–157.

300. Fish M. S. Democracy from Scratch; Urban M., with Igrunov V., Mitrokhin S. The Rebirth of Politics in Russia.

301. Травин Д. Очерки новейшей истории России.

302. Przeworski A. Op. cit. P. 58.

303. О пространственном размежевании российских избирателей см.: Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости, 2011, 30 декабря (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii).

304. Przeworski A., Op. cit. P.83–88.

305. Подробный анализ см.: Smyth R. Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability.

306. О «силе слабых связей» см.: Granovetter M., The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology, 1973, vol. 78, №6. P. 1360–1380 (<http://snap.stanford.edu/class/cs224w-readings/granovetter73weakties.pdf>). О роли социальных сетей в протестах 2011–2012 годов в России см., в частности: Lonkila M., Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers, 2012, №98 (<https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2017/01/bp98.pdf>).

307. По сведениям, которые сообщали сами представители оппозиции, ежемесячное число участников протестных акций в Москве сократилось с 210 000 в декабре 2011 года до 5000 в июле 2013 года. См.: Treisman D. Can Putin Keep His Grip on Power // Current History, 2013, vol. 112, №756. P. 256 (<https://w>

www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/PAPERS_NEW/CH%20Putin%20oct%202013.pdf).

[308](#). Данные московских опросов ФОМ — <http://fom.ru/Politika/11011>; прогноз результатов выборов — <http://fom.ru/Politika/11063>; данные Левада-центра — <http://www.levada.ru/17-07-2013/moskva-nakanune-vyborov-mera-polnoe-issledovanie>.

[309](#). См. запись выступления Навального на митинге на Болотной площади 9 сентября 2013 года: <http://www.youtube.com/watch?v=pUmOoEUF4-8>.

[310](#). См. программный документ: Мау В., Кузьминов Я. (ред.) Стратегия 2020: Новая модель роста — новая социальная политика. — М.: Дело, 2013 (https://www.hse.ru/data/2013/10/30/1283340742/Стратегия-2020_Книга_1.pdf).

[311](#). Белановский С., Дмитриев М., Комаров В., Комин М., Никольская А. Ук. соч.

[312](#). См.: Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь: Идеи, интересы, институты, иллюзии. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 195.

[313](#). Кынев А. Ук. соч.

[314](#). Svolik M. Op. cit.

[315](#). Guriev S. Treisman D. The New Authoritarianism // VOX: CEPR's Policy Portal, 2015, 21 March (<http://www.voxeu.org/artic>

[le/new-authoritarianism](#)).

316. Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // Annual Review of Political Science, 2009, vol. 12, P. 403–422 ([https://www.researchgate.net/publication/228154360 Elections Under Authoritarianism](https://www.researchgate.net/publication/228154360_Elections_Under_Authoritarianism)), Magaloni B. The Game of Electoral Fraud.

317. Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship, Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Bueno de Mesquita B., Smith A. Op. cit.

318. См.: Gereszewski J. The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-Optation in Authoritarian Regimes // Democratization, 2013, vol. 20, №1. P. 13–38 (<https://www.econstor.eu/bitstream/10419/200982/1/f-17712-full-text-Gerschewski-Pillars-v2.pdf>).

319. См., в частности: Davenport C. State Repression and Political Order // Annual Review of Political Science, 2007, vol.10. P. 1–23 (<https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.10.101405.143216>); Earl J. Political Repressions: Iron First, Velvet Gloves, and Diffuse Control // Annual Review of Sociology, 2011, vol. 37. P. 261–284 (<https://www.semanticscholar.org/paper/Political-Repression%3A-Iron-Fists%2C-Velvet-Gloves%2C-Earl/f558b71e29b0d2de3d11006bd38f938ecd35afa4>).

320. Guriev S., Treisman D. The New Authoritarianism.

321. Специалисты отмечают также и роль других структурных факторов в репрессивной политике авторитарных режимов, в частности, относительно высокий уровень социально-экономического неравенства. См: Svulik M. Op. cit.

322. См. сравнительный анализ: Davenport C. Multi-Dimensional Threat Perception and State Repressions: An Inquiry into Why States Apply Negative Sanctions // American Journal of Political Science, 1993, vol. 38, №3. P. 683–713 (<https://www.semanticscholar.org/paper/Multi-Dimensional-Threat-Perception-and-State-An-Davenport/802bae3f42fd715085edfb8e177eb0ac2afadde>).

323. Гуриев С., ЦЫВИНСКИЙ О. От репрессий к репрессиям // Ведомости, 2012, 31 июля (http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/07/31/ot_repressij_k_repressiyam).

324. Treisman D., Presidential Popularity in a Hybrid Regime; Rose R., Mishler W., Munro N., Op. cit.

325. Robertson G. Protesting Putinism; Lankina T. The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset // Problems of Post-Communism, 2015, vol. 62, №1. P. 26–44.

326. Gel'man V. Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia // Problems of Post-Communism, 2013, vol. 60, №2. P. 3–10; Greene S. Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia. Stanford: Stanford University Press, 2014.

327. Подробнее см. главу 6.

328. См. типологию реакций на кризисы: Hirschman A.O., Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.

329. Козлов В., Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневe (1953 — начало 1980-х гг.). — М.: РОССПЭН, 2009.

330. О дилеммах советского руководства в связи с рисками протестов и ограничениями при покупке лояльности см.: Гайдар Е. Гибель империи. — Глава 4.

331. Silitski V. Contagion Deterred: Preemptive Authoritarianism in the Former Soviet Union (the Case of Belarus) // Stanford University, Freeman Spogli Institute for International Studies, CDDRL Working Papers, 2006, №66 ([https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/Silitski No 66.pdf](https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/Silitski_No_66.pdf)).

332. Paddington A. Broadcasting Freedom: the Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty, Lexington. KY: University Press of Kentucky, 2003.

333. Подробный обзор см.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. — М.: Московская Хельсинкская группа, 2012 (<https://mhg.ru/sites/default/files/files/histinak.pdf>).

334. Гельман В., Травин Д. Ук. соч.

335. Silitski V. Op. cit.; Wilson A. Belarus: the Last Dictatorship in Europe. New Haven: Yale University Press, 2011.

336. Levitsky S., Way L. Op. cit. P. 201–207.

337. Potocki R. Belarus: A Tale of Two Elections // Journal of Democracy, 2011, vol. 23, №3. P. 49–63.

338. См.: Доклад Комиссии «Круглого стола 12 декабря» по Общественному расследованию событий 6 мая 2012 года на Болотной площади, 2013, 22 апреля (<http://rt12dec.ru/bolotnoe-delo/doklad-komissii-kruglogo-stola-12-dekabrya-po-obshhestvennomu-rassledovaniyu-sobytij-6-maya-2012-goda-na-bolotnoj-ploshhadi-22-04-2013/>).

339. Taylor B. Putin's Crackdown: Sources, Instruments, and Challenges // PONARS Policy Memos, 2013, №277 (<https://www.ponarseurasia.org/putin-s-crackdown-sources-instruments-and-challenges/>).

340. См., в частности: Dauce F. The Duality of Coercion in Russia: Cracking Down on "Foreign Agents" // Demokratizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization, 2015, vol. 23, №1. P. 55–75; Flikke G. Resurgent Authoritarianism: The Case of Russia's New NGO Legislation // Post-Soviet Affairs, 2016, vol. 32, №2. P. 103–131.

341. Kramer M. The Clampdown of Internet Activities in Russia and the Implications for Western Policy // PONARS Policy Memos, 2014, №350 (<https://www.ponarseurasia.org/the-clampdown-on-internet-activities-in-russia-and-the-implications-for-western-policy/>).

342. Smyth R., Soboleva I. Looking beyond the Economy: Pussy Riot and the Kremlin's Voting Coalition // Post-Soviet Affairs, 2014, vol. 30, №4. P. 257–275 (<https://reginasmythnet.files.wordpress.com/2017/08/looking-beyond-the-economy.pdf>).

343. Рыжков В. Закон о «нежелательных организациях» ухудшает перспективы России // Эхо Москвы, 2015, 4 июня (<http://echo.msk.ru/blog/rizhkov/1560878-echo/>).

344. Guriev S., Treisman D. The New Authoritarianism.

345. Svoboda M. Op. cit. Об эффектах восприятия угроз в ходе падения коммунистических режимов см.; Kuran T. Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolutions of 1989 // World Politics, 1991, vol. 44, №1. P. 7–48 (<https://moodle.swarthmore.edu/mod/resource/view.php?id=66682>).

346. Davenport C. Multi-Dimensional Threat Perception and State Repressions.

347. Подсчеты А. Захарова (НИУ ВШЭ) (<https://www.facebook.com/alexei.zakharov.1/posts/3663318147058819>).

Сравнительные данные показывают, что по уровню избыточной смертности в 2020 году Россия оказалась лидером среди развитых стран. См.: Troianovski A. 'You Can't Trust Anyone': Russia's Secret Covid Toll is an Open Secret // The New York Times, 2021, 10 April (<https://www.nytimes.com/2021/04/10/world/europe/covid-russia-death.html>).

348. См. интервью: Казаков И. «Все полностью запутано»: Экс-советник Росстата о том, как пропаганда подорвала вакцинацию и что заставит людей прививаться // Fontanka.ru, 2021, 11 марта (<https://www.fontanka.ru/2021/03/11/69806615>).

349. Сравнительный анализ по различным регионам мира см.: Baturo A., Elgie R. (eds.) The Politics of Presidential Term Limits. Oxford: Oxford University Press, 2019.

350. Навальный А. Он вам не Димон // Navalny.com, 2017, 2 марта (https://www.youtube.com/watch?v=qrwlk7_GF9g).

351. Громов А. «Они морально устарели»: Григорий Юдин о плебисцитарном режиме и его идеологах // Republic.ru, 2020, 12 февраля (<https://republic.ru/posts/95891>).

352. Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration. P. 17–18.

353. См. видеозапись выступления 20 мая 2020 года (<http://www.youtube.com/watch?v=wztfLJLUSWc>).

354. Сафонова К. Мы все боимся — и руководство, и врачи // meduza.io, 2020, 21 апреля (<https://meduza.io/feature/2020/04/21/my-vse-boimsya-i-rukovodstvo-i-vrachi>).

355. Калашников С. Липецкий губернатор попросил подчиненных поправить статистику по коронавирусу // Коммерсантъ, 2020, 25 мая (<https://www.kommersant.ru/doc/4356084>).

356. Burn-Murdoch J., Foy H. Russia's COVID Death Toll Could be 70 Per Cent Higher than Official Figure // Financial Times, 2020, 11 May; Meyer H. Experts Question Russian Data on COVID-19 Death Toll // Bloomberg.com, 2020, 13 May (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-13/experts-question-russian-data-on-covid-19-death-toll>).

357. Zavadskaya M., Sokolov B. The Linkages between Experiencing COVID-19 and Levels of Political Support in Russia // PONARS Policy Memos, 2020, N677 (<https://www.ponarseurasia.org/linkages-experiencing-covid-19-levels-political-support-russia/>).

[358.](#) Lazarev E., Sobolev A., Soboleva I, Sokolov B. Trial by Fire: A Natural Disaster's Impact on Support for the Authorities in Rural Russia // World Politics, 2014, vol. 66, №4. P. 641–668 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2368659).

[359.](#) Семенов А. Неровный ритм: динамика готовности к экономическим протестам в России (1996–2019) // Экономическая социология, 2020, т. 21, №4, 107–124 (<https://cyberleninka.ru/article/n/nerovnyy-temp-dinamika-gotovnosti-k-ekonomicheskim-protestam-v-rossii-1996-2019-1>).

[360.](#) См. анализ: Голосов Г., Турченко М. Эффективно ли умное голосование // ridl.io, 2020, 13 августа (<https://www.ridl.io/ru/jeffektivno-li-umnoe-golosovanie/>).

[361.](#) Гельман В. Поражение без сражения: Российская оппозиция и пределы мобилизации // Рогов К. (ред.) Новая (не)легитимность: как проходило и что принесло России переписывание Конституции. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. — С. 63–70 (https://liberal.ru/wp-content/uploads/2020/08/Novaya_nelegitimnost.pdf).

[362.](#) Поправки в Конституцию «зацементируют» положение России // РИА Новости, 2020, 20 июня (<https://ria.ru/20200620/1573236667.html>).

[363.](#) Клишас объяснил поправки об обнулении сроков президента необходимостью отвлечь чиновников // Коммерсантъ, 2020, 22 июня (<https://www.kommersant.ru/doc/4389438>).

364. Голубев В. Володин описал будущее России словами «после Путина будет Путин» // rbc.ru, 2020, 18 июня (<https://www.rbc.ru/society/18/06/2020/5eeb6d129a794743608c8c2a>).

365. Анисимова Н. Путин допустил выдвижение на новый президентский срок // rbc.ru, 2020, 21 июня (<https://www.rbc.ru/politics/21/06/2020/5eef3fb39a7947248e2f0e1c>).

366. О мобилизации российских избирателей по месту работы см.: Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // World Politics, 2016, vol. 66, № 2. P. 195–228 (<http://ojreuter.com/wp-content/uploads/2015/06/66.2.frye-et-al-political-machines-at-work.pdf>).

367. См. Общероссийское голосование по поправкам в Конституцию // Левада-центр, 2020, 2 июля (<https://www.levada.ru/2020/07/02/obshherossijskoe-golosovanie-po-popravkam-v-konstitutsiyu-4/>).

368. Анализ данных см., в частности: Шпилькин С. Как Россия поменяла конституцию голосами 29% избирателей // Проект Медиа, 2020, 3 июля (<https://www.proekt.media/opinion/shpilkin-falsifikatsiya-golosovaniya/>); Киреев А. Референдум Шредингера // Новая газета, 2020, 6 июля (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/06/86170-referendum-shredingera>).

369. Clansy T., with Greaney M. Command Authority. New York: Putnam's Sons, 2013.

370. Carrere d'Encausse H. L'Empire eclate. Paris: Flammarion, 1978.

371. Ничего подобного на практике не случилось, а распад Советского Союза произошел по совершенно иным причинам. Однако Каррер д'Анкокс была избрана в состав Французской Академии и до сих пор занимает пост ее секретаря.

372. См.: Трейсман Д. Политэкономия российского развития // Pro et Contra, 2011, т. 15, №1–2. С. 89 (http://carnegiendowment.org/files/ProetContra_51_89-100_all.pdf).

373. Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2000.

374. Lewis D.G. Russia's New Authoritarianism: Putin and the Politics of Order. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020.

375. Denzau A., North D.C. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // Kyklos, 1994, vol. 47, №1. P. 3–31 (https://www.researchgate.net/publication/313472045_Shared_mental_models_Ideologies_and_institutions).

376. См., в частности: Волков Д., Колесников А., Левинсон А. Альтернативы для России: каким видят будущее страны сторонники и противники перемен. М.: Московский центр Карнеги, 2020 (https://carnegiendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Russian_final1.pdf); Волков Д. После стабильности // Левада-центр, 2017, 16 августа (<http://www.levada.ru/2017/08/16/posle-stabilnosti/>).

377. Rivera S.W., Zimmerman W. The Foreign Policy Attitudes of Russian Elites // Post-Soviet Affairs, 2019, vol. 35, № 5–6 (special double issue).

[378.](#) Подробнее см.: Polterovich V. Institutional Trap // Durlauf S.N., Blume L. E. (eds.) The New Palgrave Dictionary of Economics 2nd edition. New York: Palgrave Macmillan, 2008 (http://link.springer.com/referenceworkentry/10.1057%2F978-1-349-95121-5_2717-1).

[379.](#) См., в частности: Гайдар Е. Гибель империи; альтернативная интерпретация; представлена в: Miller C. The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2016.

[380.](#) Подробный анализ см.: Рогов К. (ред.) Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2021 (<https://liberal.ru/ekspertiza/zastoj-2-posledstviya-riski-i-alternativy-dlya-rossijskoj-ekonomiki>).

[381.](#) Hanson S.E. Post-Imperial Democracies; Hale H. Patronal Politics.

[382.](#) Согласно статье 6 Конституции СССР 1977 года, КПСС являлась «ядром политической системы» советского общества (это вполне соответствовало тогдашней действительности). Аналогично можно говорить об институциональном «ядре» политического режима в современной России.

[383.](#) North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. P. 16.

[384.](#) См.: Golosov G.V. Authoritarian Learning in the Development of Russia's Electoral System // Russian Politics, 2017,

vol. 2, №2. P. 182–205; Turchenko M. Electoral Engineering in the Russian Regions (2003–2017) // Europe-Asia Studies, 2020, vol. 72, №1. P. 80–98.

[385.](#) Казанцев К., Румянцева А. От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России. — М.: Центр перспективных управленческих решений, 2020 (https://cpur.ru/research_pdf/R_local_governme nt_from_election_to_appointment .pdf).

[386.](#) Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Ук. соч.

[387.](#) Голосов Г. Демократия в России: инструкция по сборке. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

[388.](#) Кынев А. Ук. соч.

[389.](#) Голосов Г., Турченко М. Ук. соч.

[390.](#) Brownlee J. Hereditary Succession in Modern Autocracies // World Politics, 2007, vol. 59, №4. P. 595–628.

[391.](#) Geddes B., Wright J., Frantz E. Op. cit.

[392.](#) Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders: Power and Money in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2017.

[393.](#) См.: Гельман В. Недостойное правление.

[394.](#) Семенов А. Ук. соч.

[395.](#) Голосов Г., Турченко М. Ук. соч.

[396.](#) Юдин Г. Глухая оборона. К чему готовится Путин во внутренней политике? // Republic.ru, 2021, 7 января (<https://republic.ru/posts/99232>).

[397.](#) См.: Протесты в Хабаровске // Левада-центр, 2020, 28 июля (<https://www.levada.ru/2020/07/28/protesty-v-habarovsk-e/>).

[398.](#) См. анализ: Кузьмина Ю. «Защитники Шиеса»: феномен общероссийской мобилизации // Балаян А. (ред.) Социальный и политический протест: Причины, динамика, репертуар, реакция государственных институтов. — СПб.: Норма, 2020. С. 12–27 (<https://starovoitova.ru/wp-content/uploads/2020/10/galatea-2020.pdf>).

[399.](#) Hirschman A. Op. cit. О социальных механизмах «ухода» в России см., в частности: Zhelnina A. The Apathy Syndrome: How We are Trained Not to Care about Politics // Social Problems 2020, vol. 67, №2. P. 358–378 (<https://academic.oup.com/socpro/article/67/2/358/5527807?guestAccessKey=b83627e8-3144-41de-90ce-8addf4b3f101>).

[400.](#) Талёб Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости. — М.: Колибри, 2016.

[401.](#) См.: Трейсман Д. Ук. соч.

[402.](#) Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

[403.](#) Geddes B., Wright J., Frantz E. Op. cit.

[404.](#) Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia through a China Lens // World Development, 1996, vol. 24, №6. P. 1105–1117 (<http://burawoy.berkeley.edu/Russia/china.pdf>).

[405.](#) «Российская экономика в болоте»: Сергей Гуриев о новом кризисе, миллиардерах и реалистичной программе Навального // Forbes.ru, 2019, 13 мая (<https://www.forbes.ru/fi-nansy-i-investicii/375975-guriev-esli-lyudi-zarabotali-dengi-za-sche-t-politicheskikh-svyazey-ih>).

[406.](#) Libman A., Rochlitz M. Federalism in China and Russia: Story of Success or Story of Failure? Cheltenham: Edward Elgar, 2019.

[407.](#) См.: Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005.

[408.](#) Теоретический анализ см.: Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект-пресс, 1998.

[409.](#) См., в частности: Травин Д., Маргания О. Ук. соч.

[410.](#) Разумеется, представления российских специалистов о логике развития страны не ограничиваются этими взглядами,

но они наиболее характерны как полярные точки зрения на прошлое, настоящее и будущее России.

[411](#). Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года?

[412](#). Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Ук. соч.

[413](#). О Венгрии см., например: Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства на примере Венгрии. — М.: Новое литературное обозрение, 2016.

[414](#). Анализ данных массовых опросов см., в частности: Волков Д. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения // Европейский диалог, 2020, 12 июня (www.eedialog.org/ru/2020/06/12/cennosti-orientacii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokolenija/); Рогов К. Режим на карантине: обратный транзит, эрозия харизмы и инверсия предпочтений // Рогов К. (ред.) Год ковида: предварительные итоги и вызовы десятилетия. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2021. — С. 75–89 (<https://liberal.ru/lm-ekspertiza/god-kovida2020>).

[415](#). Гончаров С. Кто голосовал против поправок // Riddle.io, 2020, 20 июля (<https://www.ridl.io/ru/kto-golosoval-protiv-popravok/>). Альтернативная точка зрения, согласно которой молодые люди в России предпочитают «уход» «протесту», см.: Zhelnina A. Op. cit.

[416](#). Kendall-Taylor A., Frantz E. Op. cit.

[417](#). Заостровцев А. Ук. соч.

[418](#). См: Пайпс Р. Ук. соч.

[419](#). См.: Вольтская Т. «Дефицит свободы порождает бедность». Что ждет Россию в 2021 году // Север. Реалии, 2021, 2 января (<https://www.severreal.org/a/31014650.html>).

[420](#). См. материалы дискуссии по итогам обсуждения книги: Заостровцев А. Ук. соч. — С. 278–305.

[421](#). Дискуссию на основе анализа данных см.: Treisman D. Is Democracy in Danger? A Quick Look at the Data. Manuscript, University of California at Los Angeles, 2018, 7 June (<https://static1.squarespace.com/static/5a4d2512a803bb1a5d9aca35/t/5b19d7450e2e727770fa15f5/1528420167336/draft+june+7.pdf>).

[422](#). Crozier M., Huntington S., Watanuki J. Op. cit.

[423](#). См.: Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly, 1984, vol. 99, № 2. P. 193–218.

[424](#). Подробный анализ см.: Gibson E.L. Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Federal Democracies. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

[425](#). См. полную версию фильма: <https://www.youtube.com/watch?v=8li16lqdKBM>.

[426](#). Treisman D. Democratization by Mistake.

[427.](#) Geddes B., Wright J., Frantz E. Op. cit.

[428.](#) O'Donnell G., Schmitter P. Op. cit.

[429.](#) См.: Сеньшин Е. «Это пока не апогей». Чего ждать от новых законов об оскорблении власти и fake news // znak.com, 2019. 19 марта (https://www.znak.com/2019-03-19/chego_zhdat_ot_novyh_zakonov_ob_oskorblenii_vlasti_i_fake_news_intervyu_p_avla_chikova).

[430.](#) См.: Глухова Н. Принтер без намордника. За что будут сажать россиян в 2021 году: перечень новых репрессий от Госдумы // Новая газета, 2020, 24 декабря (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/24/88505-rossiya-pod-zapretami>).

[431.](#) Навальный А. Дело раскрыто. Я знаю всех, кто пытался меня убить // naalny.com, 2020, 14 декабря (<https://naalny.com/p/6446/>).

[432.](#) Steidnl D. et al. Novichok Nerve Agent Poisoning // Lancet, 2021, vol. 397, №10270. P. 249–252 ([https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)32749-5/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)32749-5/fulltext)).

[433.](#) Навальный А. Я позвонил своему убийце. Он сам во всем признался // naalny.com, 2020, 21 декабря (<https://naalny.com/p/6447/>).

[434.](#) Гаглоев А. «Отравители Навального» на Северном Кавказе: смерти активистов и боевиков // Кавказ. Реалии, 2021, 5 января (<https://www.kavkazr.com/a/31034520.html>).

435. Подробный текстовый вариант см.: <https://palace.navy.com>.

436. Рогов К. Режим на карантине.

437. Davenport C. Multi-Dimensional Threat Perception and State Repressions.

438. Huntington S. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, MA: Belknap Press on Harvard University Press, 1957.

439. Некоторые данные опросов элит см.: Rivera S.W., Zimmerman W. (eds.). Op. cit. Данные массовых опросов см., например: Россияне не доверяют правоохранительным органам // Левада-центр, 2010, 15 февраля (<https://www.levada.ru/2010/02/15/rossiyane-ne-doverayut-pravoohranitelnyim-organi>); Индекс доверия полиции // Левада-центр, 2013, 4 марта (<https://www.levada.ru/2013/03/04/indeks-doveriya-politsii/>).

440. Анализ этих проблем см., в частности: Croissant A., Kuehn D., Eschenauer T. Mass Protests and the Military // Journal of Democracy, 2018, vol. 29, №3. P. 141–155 (<https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/61337/ssoar-jod-2018-3-croissant-et-al-Mass-Protests-and-the-Military.pdf>); Escriba-Folch A., Böhmelt T., Plister U. Authoritarian Regimes and Civil-Military Relations: Explaining Counterbalancing in Autocracies // Conflict Management and Peace Science, 2020, vol. 37, №5. P. 559–579.

441. Bueno de Mesquita B., Smith A. Op. cit.

[442.](#) Афанасьев М. Российские элиты развития: Запрос на новый курс. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009; Rivera S.W., Zimmerman W. (eds.). Op. cit.

[443.](#) Przeworski A. Op. cit. P. 69–72.

[444.](#) Przeworski A., Op. cit. P. 54–66.

[445.](#) Kim S.S. (ed.). Korea's Democratization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

[446.](#) Greene K. Op. cit.

[447.](#) Stepan A. On the Tasks of Democratic Opposition // Journal of Democracy, 1990, vol. 1, №2. P. 41–49.

[448.](#) См. подборку материалов: Рогов К. (ред.) Низовая модернизация // Inliberty.ru, 2018, 30 ноября (<https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/>).

[449.](#) См.: Юдин Г. Общественное мнение. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

[450.](#) Alyukov M. Making Sense of the News under a Nondemocratic Regime: Russian TV Viewers and the Russia-Ukraine Conflict of 2013–2014. PhD dissertation, University of Helsinki, 2021.

[451.](#) Kuran T. Op. cit.

[452](#). Некоторые исследования демонстрируют, что масштаб «фальсификации предпочтений» в России не столь велик. См.: Frye T., Gehlbach S., Marquardt K. L., Reuter O. J. Is Putin's Popularity Real? // Post-Soviet Affairs, 2017, vol. 33, N°1. P. 1–15 (<https://scottgehlbach.net/wp-content/uploads/2018/01/FGMR-Putin.pdf>). Этот факт, однако, не говорит о том, насколько данные предпочтения устойчивы во времени, и подвержены ли они переменам.

[453](#). Lohmann S. The Dynamics of Information Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989-91 // World Politics, vol. 47, N°1. P. 42–101.

[454](#). Кузьмина Ю. Ук. соч.

[455](#). Przeworski A., Op. cit. P. 64.

[456](#). См.: Гельман В. Недостойное правление.

[457](#). Huntington S. The Third Wave.

[458](#). Liamond L., Plattner M. F., Walker K. Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2016; Levitsky S., Ziblatt D. Op. cit.

[459](#). См.: Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. — М.: Альпина Паблишер, 2020.

[460](#). См.: Заостровцев А. Ук. соч.

[461](#). См.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8. — С. 119.

[462](#). Hanson S.E. Post-Imperial Democracies

[463](#). См.: Зиблатт Д. Как демократизировалась Европа // Prognosis, 2010, №1. С. 236–263 (<https://publications.hse.ru/articles/74926773>).

[464](#). См.: Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года?

Научный редактор *Борис Грозовский*

© Гельман В., 2021

© Оформление. ООО «Говард Рорк», 2021

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2021

Гельман В.

Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия / Владимир Гельман. — М.: Говард Рорк, 2021.

ISBN 978-5-9060-6708-1